Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 16 31 АВГУСТА № 16

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 9

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

„ПРАВДА“

Главлит № А—45277 Тираж 70.000 экз
Типография газеты „Правда", Москва, Тверская, 48

За развертывание массовой пролетарской самокритики.

Мы вступаем во второй год выполнения «плана великих работ» — пятилетки. Все более уточняются гигантские, сложнейшие задачи социалистической перестройки всего народного хозяйства на базе высшей техники, все более отчетливо вырисовываются классовые сдвиги, связанные с социалистической реконструкцией народного хозяйства.

Уже предварительные итоги 1928—29 хозяйственного года показывают, что темп нашего социалистического строительства, темп индустриализации может быть значительно выше, чем мы предполагали. Действительность еще раз показала несостоятельность панических предсказаний правых оппортунистов о «непосильности» взятого темпа индустриализации. Еще более высокий темп индустриализации оказывается реально выполнимым и необходимым. Основные показатели, запроектированные Госпланом для предстоящего 1929—30, второго года пятилетки служат доказательством, что мы подходим к такому ускорению темпов социалистического строительства, о котором в свое время и мечтать не могли: рост валовой продукции планируемой промышленности на 32—35%, рост валовой продукции тяжелой индустрии на 42—45%, рост производительности труда на 23 — 25%, 3½-миллиардное капитальное строительство в промышленности, расширение площади обобществленного посева до 15—18 миллионов гектаров—таков размах строительных задач, приходящихся на второй год пятилетки.

Практика нашего строительства превышает самые оптимистические плановые предположения. И это превышение плановых предположений отнюдь не случайно. В недрах нашего строя, нашей системы хозяйства таятся такие резервы, такие возможности ускорения темпа социалистического строительства, которые трудно полностью учесть заранее. Высокий темп развития нашей индустрии, успехи коллективизации сельского хозяйства в значительной степени обусловливаются растущей активностью масс, вовлечением все более широких пролетарских и полупролетарских масс в дело социалистического строительства.

Такие факты, как успешное проведение дня индустриализации, мысль о котором возникла по инициативе передовых рабочих, как

досрочная подписка на третий заем индустриализации, коллективная сдача на хранение облигаций прошлого займа, рост рабочего изобретательства, могучая волна социалистического соревнования, требования перехода на непрерывную производственную неделю — все эти факты показывают, что мы вплотную подошли к созданию и развитию «новых общественных связей» (Ленин), что с каждым днем все более широкие массы рабочего класса приобщаются к сознательному, активному участию в строительстве социализма.

Не следует думать, что эти процессы создания новых общественных связей, новой, более высокой организации труда будут проходить гладко, спокойно, без упорной борьбы с остатками старого, с наследием капиталистического прошлого.

На ряду с высокой сознательностью, с трудовым героизмом, с подлинно социалистическим отношением основных кадров рабочего класса к труду и производству, — со стороны наиболее отсталой части рабочих, со стороны чуждых рабочему классу элементов, случайно попавших на производство, наблюдаются попытки дезорганизации, срыва производства. Мы имеем даже отдельные случаи травли передовых производственников; эти случаи нельзя рассматривать иначе, как вылазки классово-враждебных элементов против социалистического строительства.

Грандиозность стоящих перед нами строительных задач, все более возрастающая в условиях реконструктивного периода роль планового начала требуют величайшей сознательности каждого бойца армии пролетариата. Исключительно важной задачей становится дальнейшее вовлечение масс в сознательное, деловое и непосредственное участие в социалистическом строительстве, в выполнении заданий пятилетки.

В связи с этим совершенно по-новому ставится задача руководства массами, требуется коренная перестройка рядов и методов работы всех органов пролетарской диктатуры и всех организаций рабочего класса по линии дальнейшей мобилизации активности пролетарских и полупролетарских масс.

Основным рычагом этой перестройки методов работы, основой мобилизации активности рабочего класса и усиления пролетарского руководства крестьянством является дальнейшее развертывание массовой пролетарской самокритики.

Самокритика мобилизует широчайшие массы рабочих на борьбу с бюрократизмом, с недостатками в работе государственного аппарата и общественных организаций, на борьбу против влияния чуждых классовых сил, за усиление пролетарского руководства. Самокритика является лучшим способом повышения активности и сознательности масс, она воспитывает сознание ответственности за дело социалистического строительства у каждого партийца, у каждого рабочего.

Социалистическое соревнование является новым могучим методом организации масс, методом перестройки рядов пролетариата, методом всестороннего распространения лучших образцов

творческой работы во всех областях социалистического строительства. Воспитывая коммунистическое отношение к труду, как к работе на себя, социалистическое соревнование в то же время знаменует высокий уровень классового сознания рабочего класса. Социалистическое соревнование нужно рассматривать, как «выражение деловой революционной самокритики масс, опирающейся на творческую инициативу миллионов трудящихся» (Сталин).

Чтобы преодолеть трудности, чтобы добиться еще более высокого темпа социалистической реконструкции всего народного хозяйства, партия перестраивает свои ряды, улучшает методы руководства массами, мобилизует активность масс.

Трудности социалистического строительства, обострение классовой борьбы, влияние мелкобуржуазной стихии на известные слои рабочего класса порождают неизбежные колебания в менее устойчивых прослойках рабочего класса и партии. Отсюда возникают оппортунистические шатания, возникает правый уклон, который является главной опасностью на данном этапе, оппортунистические искажения классовой партийной линии в практической работе. Развертывая самокритику, партия разоблачает право-оппортунистические колебания и шатания, активно борется с извращениями классовой линии.

Развертывание и поднятие самокритики на более высокую ступень диктуется всей обстановкой реконструктивного периода, приобретает на данном этапе исключительно важное значение. Только путем развертывания самокритики партия сможет не допускать отставания партийного руководства от роста активности масс, партия сможет всесторонне руководить рабочим классом, обеспечить необходимые нам высокие темпы социалистического строительства, обеспечить проведение четкой пролетарской линии, сможет преодолеть оппортунистические колебания, порождаемые трудностями и обострением классовой борьбы. Самокритика — важнейшее оружие партии в борьбе против бюрократа, вредителя, против оппортунистических искажений классовой линии.

Мы знаем, что обострение классовой борьбы проявляется в самых разнообразных формах. Классовый враг использует и такие методы борьбы, как разложение отдельных звеньев нашего советского аппарата, создание своей агентуры в аппарате пролетарского государства. Ряд фактов показывает, что морально-бытовое разложение, буржуазно-мещанское перерождение целых групп партийцев, советских работников тесно переплетаются с предательством классовой политической линии.

Повышение классовой бдительности пролетариата, усиление партийного руководства советским аппаратом, еще большее сплочение партийных рядов, очищение от всех разложившихся перерожденцев, укрепление боеспособности партии диктуются всей обстановкой реконструктивного периода. Именно в этих целях партия проводит такие важнейшие мероприятия, как генеральная чистка рядов партии, как очищение советского аппарата от классово-враждебных, бюрократических элементов.

Партия беспощадно вскрывает явления разложения, загнивания, отрыва от массы, бюрократические наросты, искажения классовой линии в партийных, профсоюзных, советских органах. Партия мобилизует классовую бдительность пролетариата путем открытого разоблачения самых разнообразных фактов разложения и оппортунистических шатаний.

Партия и рабочий класс извлекут все необходимые уроки из таких совершенно исключительных по своим размерам, по глубине явлений перерождения и предательства классовой линии, смычки с частниками, как астраханские дела. Бакинские события, где разложение и оппортунистические шатания охватили гораздо менее значительные круги работников, также являются наглядным уроком для всех партийных организаций, показывают, к чему может привести отставание партийного руководства от роста активности масс, к чему приводит зажим самокритики. Внимание всей партии, всего рабочего класса через печать привлекается к различным проявлениям правого уклона, правых ошибок в практической работе, которые вскрыты за последнее время в ряде наших советских ячеек (ячейка Госбанка, Наркомфина, Тульского губфинотдела, Нижневолжского крайземуправления и т. д.) и в деревенских организациях партии. Недостаточная классовая чуткость, недостаточное развертывание самокритики приводит к тому, что элементы разложения захватывают даже отдельные рабочие ячейки (ГАЗ № 1), что эти явления долгое время остаются нераскрытыми.

При всем разнообразии болезненных явлений, которые выявились в ряде организаций, общей предпосылкой, общей чертой этих явлений служит недостаточное развертывание самокритики.

Важнейший вывод, важнейший урок, который вытекает из целого ряда болезненных явлений, вскрытых партией за последние месяцы, это — необходимость *шире развернуть освежающую волну массовой пролетарской самокритики снизу.* Необходимо об'явить решительную войну обывательской пассивности, безразличию, дать жестокий отпор всякому примиренчеству к явлениям разложения и загнивания, неизбежно переплетающимся с предательством классовой линии, с проявлениями правого оппортунизма в практической работе.

Проверить, как проводятся в жизнь те мероприятия, которые указаны в обращении ЦК о самокритике, является партийным долгом каждой организации, каждого партийца.

Самокритика, массовый пролетарский контроль *снизу* за проведением в жизнь партийных директив, поможет нам не только вскрывать гнойники, бюрократические наросты, но и *предупреждать* их образование, поможет быстро вскрывать недочеты.

Степень годности партийного руководства будет проверяться тем, насколько оно умеет смело и сознательно проводить на практике лозунг самокритики. Только то партийное руководство не будет отставать от роста активности масс, окажется на высоте неизмеримо усложнившихся задач, которое будет расти на борьбе с недостатками, на преодолении косности, на вовлечении масс в активное социалистическое строительство, на смелом выдвижении новых кадров к руководству.

Ленин не раз предупреждал партию от опасности «зазнаться», от упоения успехами, от самодовольства. В условиях реконструктивного периода нам необходимо почаще вспоминать эти предупреждения Ленина.

Мы знаем, что даже в такой крупнейшей пролетарской организации, как Бакинская, самодовольство, самоуверенность, политическая близорукость мешали партийным руководителям критически отнестись к недостаткам собственной организации. Основой политического банкротства руководителей Бакинской организации явилось отставание партийного руководства от роста активности рабочих в самой организации. Притупление классового чутья, зажим самокритики, боязнь «обидеть», дискредитировать «своих людей», забота о ложно понятном «авторитете» организации приводили к покрыванию, замазыванию случаев искажения пролетарской политики, фактов морального разложения и буржуазно-мещанского перерождения среди руководящих работников.

Последние события в жизни партии, предварительные данные чистки партийного актива показали также со всей очевидностью необходимость самого пристального внимания к проблеме партийных кадров, к проблеме *выдвижения новых кадров* из рабочего класса на руководящую работу, которые сохраняли бы прочные связи с рабочей массой.

До сих пор в некоторых организациях выдвижение происходит случайным путем, выдвигаются иногда не лучшие, наиболее стойкие, авторитетные рабочие, а люди с карьеристическими тенденциями, внушающие недоверие рабочей массе. Следует отметить, что в ячейке ГАЗ № 1 ряд «активистов», участников разложения, в свое время при выдвижении отводились самими рабочими; но на эти отводы (вполне обоснованные) не было обращено должного внимания. Чистка партии вскрыла отдельные, совершенно исключительные факты, когда в составе руководящих партийных органов оказывались люди, бывшие в прошлом активными белогвардейцами, выдвинутые с предприятий от имени рабочей массы. На этих же предприятиях имелся целый ряд старых пролетариев, прекрасных, проверенных революционеров, которых не замечали руководители партийных организаций. Необходимо решительно привлечь рабочую массу к предварительному обсуждению всех выдвигаемых на руководящую работу кандидатур, самым чутким образом относиться к мнению рабочих, отказаться от бюрократических методов выдвижения. Иначе самая идея выдвижения будет дискредитирована.

Чистка партии до последнего времени еще не везде вылилась в смотр повседневной работы партийных ячеек. Мы имеем факты, когда искажения классовой и партийной линии вскрывались уже

после проверки, когда приходилось назначать вторичную проверку отдельных ячеек, отдельных партийцев (Тульский губфинотдел, ячейка Госбанка).

Больше товарищеской самокритики, беспощадная борьба с элементами семейственности, артельности, «круговой поруки», с обывательским молчалинством — на этом должно быть сосредоточено внимание проверочных комиссий во время чистки, внимание всех партийцев.

Борясь за дальнейшее развертывание внутрипартийной демократии и пролетарской самокритики в своих рядах, «не взирая на лица», партия вместе с тем решительно отметает такую «свободу» критики, которой добиваются правые оппортунистические элементы для защиты своей антиленинской политической линии.

Пролетарская самокритика преследует цели беспощадной борьбы против проявлений правого уклона в повседневной, практической работе партийных, профессиональных, советских, хозяйственных, кооперативных и других организаций. Опираясь на растущую активность рабочего класса, поднимая инициативу рабочих масс, партия сумеет разоблачить скрытые формы правого уклона тех носителей правого уклона на практике, которые под прикрытием официального согласия с решениями партии извращают на деле ее классовую линию.

Партия призывает к порядку и тех «левых» фразеров, которые сбиваются на пропаганду терпимости к уклонам, которые развивают обывательские теории «права на сомнение и колебание». Такую «критику», которая направлена против генеральной линии партии, в защиту уклонов партия будет отвергать со всей решительностью.

За последние месяцы партия беспощадно вскрыла целый ряд болезненных явлений, язв и гнойников. Только обыватели и неисправимые оппортунисты могут впадать по этому поводу в панику, говорить о «дискредитации» партии, о потере «престижа» и т. д. Вскрывая недочеты работы своих организаций, перестраивая свои ряды, перестраивая методы работы в соответствии с гигантскими задачами реконструктивного периода, железной метлой изгоняя из своих рядов всех разложившихся и переродженцев, преодолевая правый уклон в теории и на практике, партия уверенно и твердо ведет рабочий класс по пути социалистического строительства.

Дальнейшее смелое, решительное развертывание массовой пролетарской самокритики, массового пролетарского контроля снизу, проверка проведения в жизнь обращения ЦК о самокритике становится важнейшей очередной задачей партийных организаций, без разрешения которой невыполнимы напряженные темпы строительства, непреодолимы трудности социалистического строительства, не обеспечивается проведение линии партии. Партия пойдет по тому пути развертывания самокритики и уничтожения всех препятствий мобилизации масс, как это она сделала на примерах Астрахани, Баку, ячейки Госбанка, ГАЗ № 1.

Дм. Бухарцев.

Теоретические оруженосцы оппортунизма.

> **«Люди тщатся придумать нечто совсем особенное и в своем усердии мудрствования становятся смешными» (Ленин, «Детская болезнь «левизны»).**

Всегда у Дон-Кихотов любых наций и эпох находились добровольные Санчо-Панчо — оруженосцы, услужливо подсаживавшие своих рыцарей на Россинант и снабжавшие их копьями для борьбы.

Политические Дон-Кихоты тоже всегда находят своих идейных Санчо-Панчо, выступающих в роли теоретических оруженосцев, вооружающих своих идейных покровителей.

Теоретизирующие Санчо-Панчо обычно не решаются открыто вступать в политические бои, ведущиеся их идейными друзьями.

Под видом абстрактных теоретических умоpазмышлений, «невинного» пересказа мыслей буржуазных авторов академических изысканий и «окавыченных» гипотез, они эзоповским языком стремятся обосновать оппортунистическую практику своих друзей.

Брандлеры и Тальгеймеры изгнаны из Коминтерна. Но их идейные друзья: итальянский коммунист Сэрра, германский — Людвиг и иже с ними как в нашем социалистическом отечестве, так и вне его остаются теоретическими оруженосцами правых внутри компартии.

В настоящей статье мы намерены остановиться на оценке «оруженосцами» важнейших проблем современного капитализма в частности «третьего периода». Материалом для этого служат. стенограммы и тезисы доклада Людвига в институте мирового хозяйства при Комакадемии о «преблемах послевоенной экономики империализма», декларация Сэрра в ЦК итальянской компартии и статьи т. Бухарина, посвященные современным буржуазным теориям и так называемой «организованной» бесхозяйственности.

Несмотря на разницу номенклатур тем, трактуемых отдельными авторами, последних все же об'единяет изумительная гармония идей, настроений, оценок и методологии. В этой гармонии есть своя закономерность, присущая ревизионистам всех стран, ибо «ревизионизм есть интернациональное явление» (Ленин).

Всеобщий кризис или консолидация капитализма?

Доклад Людвига о «проблемах послевоенной экономики империализма», прочтенный в начале текущего года, был в то время полезен уже тем, что дал возможность русским товарищам узреть и услышать более или менее развернутую право-оппортунистическую оценку современного капитализма вообще и в частности так называемого «третьего периода».

Задачей доклада Людвига, как это явствовало из его тезисов, было — показать историческое место послевоенного империализма.

Совершенно очевидно, для каждого воинствующего большевика, что эта тема носит в наше время не столько абстрактно-академический характер, сколько актуально-политический. Но Людвиг ухитрился втиснуть ее в узко-академические рамки абстрактно-формальных рассуждений, предупреждая при этом в своем выступлении о «дипломатичном» (?!) и «нейтральном» (?!) характере темы.

Основная проблема, — отметил Людвиг в своих тезисах, — состоит в следующем:

«Обнаруживает ли вообще послевоенный империализм по сравнению с общими признаками империалистической эпохи в качестве «исторически новой формы капитализма» (программа) особые признаки, дающие достаточные основания для того, чтобы рассматривать его, как отдельный этап общего империалистического развития»? (Пункт 1 тезисов).

Людвиг дал на этот вопрос положительный ответ и приступил к анализу своеобразия послевоенного империализма. Но тут, на первых же порах в вопросе методологии анализа этого своеобразия происходит первое оппортунистическое грехопадение Людвига, определяющее его дальнейший строй идей.

Основным положением, из которого исходит Людвиг, является то, что «война явилась одной из основных причин того, что общие признаки империализма, которые до войны сплошь и рядом существовали лишь в виде тенденций, получили полное развитие» (п. 3).

Эта характеристика послевоенного империализма, как периода развившегося монопольного капитализма, проходила красной нитью через весь доклад и тезисы Людвига. А отсюда и логический вывод в области методологии изучения послевоенного капитализма, сводящегося к тому, что:

«Задача состоит именно в том, чтобы выявить особо существенные черты послевоенного империализма на основе его наиболее пока достопримечательных фаз—«относительной стабилизации» и «третьего периода». Именно потому, что в этих фазах непосредственные послевоенные кризисы преодолеваются, пошатнувшиеся экономические, политические и социальные устои империалистических государств укрепляются, потому что кажется будто довоенные условия вновь достигнуты и развитие идет все дальше,—эти фазы являются подходящим об'ектом исследования особых условий существования всего периода послевоенного империализма, его основ и пределов» (п. 5, разрядка наша. *Дм. Б.*).

Мы покуда оставляем без внимания достопримечательные оценки Людвигом «достопримечательных фаз» третьего периода и стабилизации; к этому вопросу мы еще вернемся ниже. Здесь же нас интересует общая методология вопроса, намеченная Людвигом.

Людвиг изучает эпоху послевоенного империализма. Он соглашается признать за этой эпохой характер специфической фазы в историческом развитии империализма. Но где ищет и откуда черпает Людвиг показателей этой фазы? Он их берет в одном из этапов развития послевоенного империализма—в так называемом «третьем периоде», превращаемом Людвигом, вопреки всем фактам и оценкам Коминтерна, в эпоху консолидации капитализма.

Тов. Людвиг не видит основного для послевоенного империализма — всеобщего кризиса, переживаемого капитализмом после войны. О нем тов. Людвиг и не заикается ни в тезисах, ни в докладе.

Отвергая наличие всеобщего кризиса капитализма, Людвиг логически становится на точку зрения буржуазных экономистов, считавших кризисные явления 1919, 1920 и следующих годов не проявлением кризиса капитализма, а обычными капиталистическими кризисами, лишь обостренными войной.

Людвиг так и пишет в 4 пункте своих тезисов:

«С другой стороны, было бы также ошибочно преувеличивать влияние войны, продолжающее сказываться на особых формах развития империализма в послевоенное время, и возводить некоторые, вызванные непосредственными последствиями войны, экономические явления в решающие, характерные признаки всего периода послевоенного империализма. Таковы, например, кризис валюты, упадок продукции, общее обнищание Европы в годы послевоенных кризисов».

Таким образом, органическим для послевоенного капитализма, по мнению Людвига, является консолидация, именуемая «третьим периодом»; все же кризисные показатели — случайные, временные явления, непосредственные результаты войны. Прилагательные: «относительная», «временная» и т. д.—уже относятся, таким образом, не к стабилизации, а к кризисным явлениям.

Совершенно очевидно, что такая постановка вопроса ничего общего с коммунистической не имеет. Основное наше отличие от социал-демократов в оценке послевоенного империализма заключалось в том, что мы расценивали послевоенный кризис, как органический кризис всей послевоенной системы, как всеобщий кризис капитализма, а социал-демократы говорили о временном, «нормальном» капиталистическом кризисе.

Людвиг в своей оценке послевоенного империализма, как и в ряде других вопросов, фактически солидаризируется с социал-демократией. Как и меньшевики, Людвиг упорно замалчивает вопрос о всеобщем кризисе капитализма, первопричины которого заложены в загнивании капитализма, а непосредственным толчком к конкретному развертыванию которого явилась война 1914 года. Вместо этого Людвиг строит теории о благодетельном значении войны, которая развивает (enfalltet) силы империализма. Людвиг пытается, довольно неудачно, перепеть своего senior'а Тальгеймера, который в книге «Теоретический кризис социал-демократии» утверждал, что «война, подобно нормальному кризису, воздействует на экономику, вызывает технический прогресс, концентрацию и расширение производственного аппарата».

Но сам же Тальгеймер в полемике с австро-марксистом Лейхтером писал:

«Но можно ли говорить о накоплении капитала во время войны и посредством войны в рамках всего капиталистического хозяйства, взятого в целом, в рамках всей капиталистической системы? Об этом не может быть и речи. Колоссальное уничтожение ценностей, вызываемое войной, не компенсируется никакими внутренними перемещениями капиталистической системы, никакими изменениями роли отдельных государств и роли отдельных групп внутри тех или других классов каждого государства. Утверждение Лейхтера насчет созданного войной накопления мирового капитала есть лживая видимость, порожденная: 1) вульгарно-экономическим отождествлением мирового капиталиста с частным капиталистом и 2) перемещениями внутри мировой капиталистической системы». (Ст. 90).

Вульгарно-экономическая сущность Людвига характеризуется тем, что он не видит того, что ряд процессов, разворачивающихся во время войны, превращается в свою диалектическую противоположность вскоре после войны, становясь элементом и причиной невиданного кризиса капиталистической системы.

Еще Энгельс в письме к Зорге писал: «В том случае, если война кончится без внутренних потрясений, то наступит такое истощение, какое Европа уже 200 лет не переживала. Победительницей явилась бы по всей линии американская промышленность и поставила бы всех нас перед выбором: либо вернуться назад к сельскому хозяйству и производить только для собственного потребления (так как всякое другое применение агрикультуры исключается американской конкуренцией на хлебном рынке), либо — социальный переворот».

Многое из этого гениального предвидения Энгельса—особенно в части перенесения центра тяжести мирового хозяйства из Европы в Америку — оправдалось. В остальном же важно, как оценивал Энгельс результаты грядущей европейской войны. В этом письме, как и в ряде других писем и статей, Энгельс подчеркивал, что неизбежным результатом войны явится всеобщий кризис капитализма. И вполне естественно, что каждый марксист, приступающий к анализу послевоенного хозяйства, должен исходить из факта всеобщего кризиса капитализма, лишь модифицирующегося в отдельных послевоенных фазах развития этого кризиса.

Людвиг вместо анализа послевоенного кризиса презрительно отмахивается от таких ничего незначащих «мелочей», как кризис валюты, обнищание Европы и т. п. В своем упоении позитивными, с точки зрения капитализма, моментами «третьего периода» он не видит основных процессов, потрясающих «относительную стабилизацию». Людвиг не понимает, что «относительная» стабилизация не является характерной фазой, определяющей весь послевоенный империализм.

Совершенно нелепо и неверно на основании некоторых показателей, характеризующих рост производительных сил капитализма в «третьем периоде», игнорировать все предыдущие показатели всеобщего капиталистического кризиса.

Большинство этих старых показателей, к которым так презрительно относится Людвиг, в той или иной скрытой потенциальной и даже открытой форме продолжают действовать и сейчас, модифицируя лишь свое конкретное проявление.

Разве проблема обнищания масс снята с порядка дня? Разве залечены уже раны, нанесенные как самой войной, так и послевоенной инфляцией? Разве капиталистическая рационализация и связанная с ней органическая безработица не означают прогрессирующего обнищания масс, распространяясь на все большее количество стран, притом — не только одной Европы?

Или возьмем другой процесс, столь характерный для первых послевоенных годов: расхождение уровня учетного процента в отдельных странах, характеризующее анархию на денежном рынке. Разве мы, после известного периода сближения учетных «ножниц» в наши дни, не видим снова расхождения их? Разве сейчас не происходит ожесточенная борьба доллара с фунтом? И, наконец, не является ли характерным для послевоенного кризиса капитализма та вялая, но в то же время лихорадочно сменяющаяся, кон'юнктура, которую еще предсказывал Энгельс в своем «Английском десятичасовом билле»?

«На современной высоте своего развития промышленность несравненно быстрее расширяет свои производительные силы, чем она может расширить свои рынки... Английские промышленники, средства производства которых расширяются несравненно быстрее, чем рынок, идут быстрыми шагами к тому моменту, когда их средства помощи будут исчерпаны, когда периоды процветания, разделяющие один кризис от другого, совершенно исчезнут под давлением производительных сил, достигших чрезмерного развития, когда кризисы будут отделены друг от друга короткими периодами вялой, едва оживляющейся промышленной деятельности, когда промышленность, торговля и все современное общество подвергалось бы опасности погибнуть от избытка неиспользованной жизненной силы, с одной стороны, и от полного истощения— с другой, если бы это самое ненормальное положение не заключало в себе средств исцеления, если бы промышленное развитие не создало класса, к которому, естественно, должно перейти руководство обществом — пролетариата, — социальный переворот тогда неизбежен и победа пролетариата несомненна».

На все это Людвиг сознательно закрывает глаза. Он «абстрагируется» от загниваня капитализма, от всеобщего кризиса, предавшись целиком консолидационным восторгам «третьего периода».

Правда, Людвиг кое-где в тезисах указывает на то, что его задача сводится к тому, чтобы показать, что даже консолидированный в «третьем периоде» послевоенный империализм, «находится в состоянии упадка». Но ведь это совершенно бесполезное занятие, ибо, поскольку Людвиг не отрекается еще открыто от ленинской теории империализма, для него должно быть азбукой, что весь империалистический этап капитализма означает, капитализм упадочный, загнивающий, умирающий. И сейчас — в период всеобщего кризиса капитализма — глубокомысленные изыскания Людвига на тему: «находится ли империализм в третий период в состоянии упадка» — по своей «социальной полезности» немногим отличаются от борьбы Дон-Кихота с ветряными мельницами.

Третий период.

Вокруг оценки реального содержания термина «третий период» в последнее время, как известно, развернулись большие бои. Установленный на VI конгрессе Коминтерна термин «третий период», правые оппортунисты и примиренцы попытались использовать на предмет оправдания своей меньшевистской оценки современного капитализма и судеб стабилизации. Правые и примиренцы видят лишь одну сторону «третьего периода»: некоторый рост производительных сил капитализма, технические достижения и т. д., но сознательно закрывают глаза на то, что «третий период» «неизбежно ведет через дальнейшее развитие противоречий капиталистической стабилизации к дальнейшему расшатыванию капиталистической стабилизации и к резкому обострению общего кризиса капитализма» (Из резолюции VI конгресса Коминтерна). Правые и примиренцы сознательно закрывают глаза на негативные стороны «третьего периода», первопричины которых коренятся в загнивании капитализма, в послевоенном всеобщем кризисе капитализма.

Правые и примиренцы не хотят понять всей остроты и своеобразия капиталистических противоречий именно в «третий период», вызывающих последствия в виде непосредственной опасности второго тура империалистических войн, перерастания экономических боев пролетариата в политические и т. д.

Казалось бы, что коммунист, трактующий о «третьем периоде» и к тому же претворяющий этот «третий период» в субстанцию всего послевоенного кризиса, должен был со всей внимательностью и всесторонностью проанализировать все элементы третьего периода. Однако, такой анализ отсутствовал у Людвига.

Как определяет Людвиг «третий период»? С аккуратностью немецкого профессора, он приводит ряд показателей и дефиниций «третьего периода».

Но среди них вы не найдете ни одного указания на расшатывание стабилизационных моментов «третьего периода».

«Этап развитого послевоенного империализма, — заявил Людвиг, — является, с одной стороны: а) периодом восстановления («относительная стабилизация»); б) периодом прогрессирующего увеличения производительных способностей до размеров, превышающих довоенный уровень (третий период) в одной части империалистических держав (образец — Германия). С другой стороны — этот этап является периодом все большего расширения империализма, получившего мощный толчок благодаря войне—в другой части империалистических держав (образец — САСШ)».

Таким образом, послевоенный империализм, получивший свое наглядное отражение в «третьем периоде», является не только периодом восстановления довоенного капиталистического величия, но даже прогрессирующего развития капитализма. Это все, что видит Людвиг в «третьем периоде». С одной стороны, растет Германия, с другой стороны, растут Соединенные Штаты Северной Америки, словом, всеобщее благоденствие.

Но где же упадок капитализма, — спросит читатель, — показать который обещает Людвиг? Но «у дядюшки Якова—товару всякого». В идейном багаже Людвига имеется на всякий случай и упадок; но упадок этот какой-то своеобразный, весьма подозрительной природы.

Людвиг указывает, что в силу сужения рынков сбыта, в силу монополии, в силу торговой таможенной политики, в силу индустриализации ранее некапиталистических областей, в силу экономического усиления Советского Союза монопольный капитал вынужден прибегать к основному оружию во всякой капиталистической конкуренционной борьбе — к развитию производительных сил. Но эта борьба осуществляется не в форме свободной конкуренции, а в форме «монополии».

Вот единственное упоминание Людвига о противоречиях современного капитализма. Но эти противоречия ведут к... развитию производительных сил. Какой же это упадок и расшатывание стабилизации, которые помогают капитализму развивать производительные силы и по существу стимулируют его рост и, как видно из других мест доклада Людвига, восстанавливают мировой рынок?

Если бы мы могли с такой легкой совестью, как это делает Людвиг, признать, что современное положение капитализма стимулирует рост производительных сил, то этим самым мы должны были бы согласиться с тем, что капитализм еще имеет необ'ятные возможности для дальнейшего существования как система и что разговоры о загнивании капитализма и всеобщем кризисе являются пустой болтовней!

Если основная проблема современного капитализма—проблема рынка—означает рост производительных сил, то глубоко неправильно было бы для Коминтерна выдвигать эту проблему на передний план, как характерный показатель всеобщего кризиса капитализма. Но каждому логически мыслящему человеку совершенно очевидно, что в своих апологетических потугах оценки «третьего периода», как консолидации капитализма, Людвиг запутался в трех соснах и все его попытки выбраться еще глубже и глубже толкают его в оппортунистическое болото.

Основным, что воодушевляет Людвига на столь патетические оценки послевоенного капитализма, является рост монопольных об'единений. Он приходит в своем докладе к выводу, что послевоенное развитие монополии отличается от довоенного не только количественно, в смысле увеличения количеств и роли монополистических об'единений, но и качественно, перерастая в «организованный капитализм». Послевоенный монополистический капитализм, по мнению Людвига, — законченный, в то время как до войны были лишь тенденции монополистического капитализма.

«Послевоенный империализм — провозглашает Людвиг в своих тезисах, — это эра развития монопольного капитализма. Последняя становится все более и более господствующей формой процесса производства и распределения всего общественного капитала («Организованный капитализм»)».

Это восторженное отношение к номополистическому капитализму в его послевоенной стадии не является лишь случайным фактом из биографии Людвига. Это характерно для целой системы миросозерцания.

Певцы „организованного капитализма“.

Вся теоретическая концепция Людвига логически подводит его, равно как и его вольных или невольных идейных друзей, к явно неверной интерпретации основных проблем монополистического капитализма. В первую очередь это относится к кругу вопросов, связанных с достаточно распространенным в социал-демократической литературе термином «организованного капитализма».

Преувеличение «организующих» и «плановых» моментов в монополистическом капитализме, некритическое отношение к термину «организованного капитализма», в лучшем случае его открытая апологетика, в худшем характеризует оппортунистическое восприятие основных проблем современного капитализма и в частности «третьего периода» некоторыми коммунистическими «теоретиками».

Людвиг в своем докладе в Комакадемии так и заявил: «Никаких сомнений: монополистический капитализм не позволяет производительным силам капитала развиваться так анархически, как это имело место во время свободной конкуренции. Он организован. Он стремится сделать созвучным рынок и производство и избежать заминок сбыта и колебания цен».

И, повидимому, для того, чтобы не оставалось сомнений, о чем идет речь, Людвиг в соответствующем пункте тезисов доклада достаточно откровенно повествует о том, что речь идет об «организованном капитализме».

«Порожденная растущими трудностями в деле удовлетворения потребностей капитала в прибыли монополия обозначает последнюю великую попытку капитализма преодолеть это противоречие путем «организованного капитализма».

Таким образом, Людвиг идентифицирует монополию с «организованным капитализмом», скромно забывая о том, что монополия отнюдь не уничтожает капиталистических противоречий. Этим самым Людвиг делает первый шаг по дорожке оппортунизма вслед за Гильфердингом, который в своей характеристике «организованного капитализма» указывает все же на его антагонистический характер. В своей статье «Проблемы нашего времени» («Гезельшафт», 1924, № 1) Гильфердинг писал:

«Разделенные прежде формы промышленного, торгового и банкового капитала стремятся к об'единению в форме финансового капитала. Это означает переход от капитализма свободной конкуренции к капитализму организованному. Обобществление рабочего процесса в крупном производстве развилось в обобществление рабочего процесса целых отраслей промышленности. Благодаря этому растут вместе с тем сознательный порядок и руководство в хозяйстве, они стремятся преодолеть на капиталистической основе анархию, имманентную капитализму свободной конкуренции. Если бы эта тенденция могла беспрепятственно проложить себе дорогу, мы имели бы в результате хотя и организованное хозяйство, но организованное иерархически, в антагонистической форме».

Каждому даже мало искушенному в современных метаморфозах оппортунистов от коммунизма читателю бросится в глаза это поистине удивительное совпадение стиля и мыслей социал-фашиста Гильфердинга и члена коммунистической фракции германского парламента Людвига. И дело не только в совпадении выводов, но и во всей методологии анализа элементов, образующих пресловутый «организованный капитализм». Такими элементами, в первую очередь, являются процессы концентрации капитала и рост монополистических об'единений в современном капиталистическом хозяйстве. Но этого мало, монополистические об'единения существовали ведь и до войны, даже на заре империализма, однако тогда еще не поднимался вопрос об «организованном капитализме». Одним из элементов, явившихся толчком для прокламирования Гильфердингом новой эры экономических и социальных отношений внутри отдельных капиталистических национальных хозяйств является рост тенденций госкапитализма. Усиление государственно-капиталистических тенденций позволяет Гильфердингу не только более решительно ставить вопрос об «организованном капитализме», но и возводить на его базе теоретическую надстройку о перерастании «организованного капитализма в социализм».

Эта оппортунистическая оценка современного развития капитализма явилась исходным пунктом для большинства теоретических установок и практической тактики современного социал-фашизма. И не случайно поэтому Коминтерн не мало энергии посвятил разоблачению подлинного содержания термина «организованного капитализма». Теперь же отходящие от генеральной линии Коминтерна правые оппортунисты не только кокетничают с термином «организованный капитализм», но и в своем анализе современного капитализма придерживаются, по существу, Гильфердинговской методологии.

Основной погрешностью теоретических оруженосцев правого оппортунизма в оценке современного капитализма является преувеличение тенденций госкапитализма, несомненно, имеющихся сейчас в ряде стран.

Загипнотизированные отдельными фактами регулирования государством частных предприятий или даже целых отраслей хозяйства, они смешивают в кучу самые разнообразные явления или формально одинаковые, но проистекающие от совершенно различных причин процессы. Совершенно очевидно, что нельзя смешивать воедино госкапиталистические тенденции в Германии, формально сходные процессы в Японии и стремление фашистского корпоративного государства подчинить себе отдельные отрасли хозяйства.

Наши «энтузиасты» госкапитализма и не пытаются даже индивидуализировать отдельные виды регулирования государством промышленности, происходящего в одних случаях в силу обостренного кризисного положения, в других, как временное мероприятие—результат тех или иных политических комбинаций и т. д. Между тем еще Энгельс в «Анти-Дюринге» указывал, что «многие из производительных учреждений и средств сообщений сами по себе уже так грандиозны, как, например, железные дороги, что исключают всякую другую форму капиталистической эксплоатации, кроме акционерной, но на известной ступени развития и эта форма становится более не по силам капиталистам, и официальный представитель капиталистического общества—государство вынуждено брать на себя управление производством». К этому следует сноска Энгельса следующего содержания:

«Я говорю: вынуждено, ибо только в том случае, если средства производства или сообщения фактически переросли форму акционерных обществ, так что переход их в руки государства стал экономически неизбежен, только в этом случае подобный переход даже в руки современного государства означает экономический прогресс, под'ем на новую ступень, подготовляющую переход всех производительных сил в ведение общества. Между тем, в последнее время, с тех пор, как Бисмарк бросился на путь «огосударствления», появился известного рода лжесоциализм, там и сям вырождающийся даже в своего рода холопство, который об'являет, без дальнейших рассуждений, социалистическим всякий переход коммерческих предприятий в руки государства, даже переход à la Бисмарк. Таким образом, если бы государственная монополия выделки табака была делом социалистическим, то Наполеона и Меттерниха можно было бы причислить к основателям социализма. Если бельгийское государство по совершенно обыденным финансовым и политическим соображениям взяло на себя постройку главных железных дорог и если Бисмарк без всякой экономической необходимости перевел в руки государства главные ж. д. ветви Пруссии с единственной целью лучше приспособить их на случай войны, превратить железнодорожный служебный персонал в стадо, голосующее в пользу правительства, а главное, чтобы создать себе новый источник дохода, не зависящий от парламентских постановлений, то все это ни в каком смысле, ни сознательно, ни бессознательно, ни прямо, ни косвенно не представляет шага по пути к социализму. Иначе пришлось бы счесть за социалистическое учреждение королевский торговый флот, королевскую фарфоровую фабрику и даже ротные швальни в армии». («Анти-Дюринг», стр. 193).

В отличие от современных оппортунистических эпигонов марксизма Энгельс сумел диалектически подойти к анализу процесса огосударствления. Энгельс здесь выдвигает критерий экономической прогрессивности того или иного факта огосударствления отдельных предприятий. Этот критерий у наших «теоретиков» совершенно выпадает. Они благодушно постулируют «законы», констатируют факты и на этом основании считают себя в праве возводить воздушные замки мифического «организованного капитализма».

Процесс роста госкапиталистических тенденций представляется нашим «теоретикам», как некая мирная, постепенная концентрация в руках государства руководства и контроля над всем народным хозяйством страны. Восторгаясь движущими силами госкапиталистических тенденций, они сознательно закрывают глаза на серьезнейшие противодвижущие силы. Они забывают о том, что на ряду с тенденцией регулирования государством тех или иных наиболее важных предприятий наблюдается сопротивление этим тенденциям в виде стремления отдельных предприятий сохранить свою независимость от государства и в виде атак частных предпринимателей на существующие уже твердыни государственного капитализма.

В корне неверно изображать всех капиталистов рвущимися изо всех сил в госкапиталистическую «коммунию» или денно и нощно мечтающими о том, когда их, наконец, начнет регулировать государство.

С одной стороны, действуют, несомненно, факторы, благоприятствующие усилению государственного регулирования частных предприятий. Такими факторами являются особенно жестокие кризисные явления в отдельных отраслях промышленности, недостаточная аккумуляция (накопление) капитала в этих отраслях. В этих случаях предприниматели готовы получать правительственные субсидии, если они даже и связаны с известным ростом их зависимости от государственного аппарата. Наглядным примером подобных процессов может служить организация государственного торгового флота в С.-А. С. Ш.

В 1915 году статс-секретарь Мак Аду написал письмо президенту С.-А. С. Ш., в котором мотивировал необходимость создания государственного торгового флота тем, что в руках частного капитала торговое судоходство будет развиваться слишком медленно, что рентабельность морского капитала недостаточна и пароходные кампании поэтому иногда даже приносят убытки. Перед Соединенными Штатами стояла необходимость преодолеть

конкуренцию английского торгового флота, главным образом, в Южной Америке. Частные общества не могли итти на те убытки, которые неизбежно приносили в то время пароходные компании, и поэтому был создан государственный торговый флот, который во имя интересов всего класса капиталистов в целом шел на известные убытки для преодоления английской конкуренции.

Но в то же время действуют и силы другого порядка. При некотором улучшении положения или при общем благоприятном состоянии той или иной отрасли промышленности она яростно обороняется от бюрократической опеки госаппарата или муниципального «социализма». Капиталистическая конкуренция получает новую модификацию в виде борьбы «свободных монополий» со сросшимися с государством госкапиталистическими об'единениями.

Подобные противоречивые процессы можно наблюдать в Японии, в Германии и особенно наглядно—в Англии. В Англии, например, «Комитет телеграфной связи», состоящий из представителей крупной промышленности, во главе с руководителем известного концерна Хардманом Левером, проводит политику передачи в частные руки всего почтового дела. Глава почтового ведомства Виконт Вольнер выражал как-то свое убеждение, что «если бы управление почтой перешло в частные руки, она не только увеличила бы свою доходность, но и лучше обслуживала бы население» (Цитируем по корреспонденции Т. Сейлора в «Экономической Жизни»).

На опыте английского капитализма можно особенно наглядно наблюдать эту борьбу двух противоположных тенденций. С одной стороны, можно видеть, как государство участвует в развитии капиталистического хозяйства, инвестируя крупные суммы в различные отрасли пормышленности, с другой стороны, буржуазия старается освободиться от государственного влияния. Бешеное подчас сопротивление отдельных предприятий или капиталистических об'единений попыткам государственного регулирования об'ясняется и тем, что предприниматели, находящиеся в лучшем положении, не намерены нивелировать цены. А это и является как раз часто следствием государственного регулирования тем более, что на рынке существует диспропорция между регулируемыми ценами и свободными.

Кон'юнктурный институт в Берлине приводит таблицу, характеризующую расхождение между «вольными» ценами и регулируемыми синдикатскими:

	„Вольные цены“	Синдикатские цены.
	(1925 г. = 100)	
Начало 1926 г.	91,8	98,8
„ 1927 г.	85,7	97,5
„ 1928 г.	93,5	97,9
„ 1929 г.	86,6	101,1

Ежели же регулирующим цены органом является государство, оно в силу ряда причин вынуждено несколько снижать синдикатские цены. Такова, напр., политика, которую проводит английское правительство в отношении электростанций. В случае превышения их дивидендов 8 или 10%, цены отпускаемой электроэнергии понижаются согласно определенной скользящей шкале. То же имеет место в газовых и водопроводных обществах, регулируемых государством.

Нельзя также смешивать воедино различные формы участия государства в различных предприятиях. В Англии, например, можно наметить ряд форм этого участия. Почта, телеграф и телефон принадлежат государству и целиком от него зависят. Сюда же относятся пути сообщения, доки и фабрики военного министерства, монетный двор, земельное имущество, издательства (Стасионери-оффис) и ряд других мелких предприятий.

Другая форма—это участие государства в различных частных обществах. Так, например, английское правительство выступает как владелец меньшинства акций в знаменитой нефтяной компании «Англо-Першн». Английское правительство субсидирует отдельные отрасли промышленности, как, например, сахарную. Большую роль играют также местные самоуправления. В то время, как в САСШ почти все предприятия общественного пользования находятся в частных руках, в Англии они все более и более захватываются муниципальным капиталом. Но это происходит отнюдь не мирным путем, а при серьезном сопротивлении частного капитала, особенно—в области строительства.

Характерно, например, что один из вождей консерваторов—лорд Биркенхед—самым решительным образом выступает в защиту частного капитала и личной инициативы. Оговариваясь, что он понимает, что бывают моменты, когда государство должно вмешиваться в дела отдельных частных предприятий, он все же в основном считает, что конкуренция существует и будет продолжать существовать.

Несомненно, что одной из наиболее серьезных движущих сил роста госкапиталистических тенденций является подготовка буржуазии к новой войне. В Англии, например, мы имеем специальный интерес английского правительства к субвенционированию производства аэропланов. В Польше госкапиталистическая тенденция особенно наглядно отражается в регулировании правительством отраслей промышленности, имеющих непосредственное отношение к войне. В настоящее время польское правительство сосредоточило в своих руках все средства путей сообщения и связи, в том числе и линии воздушного сообщения, добычу каменных и калиевых солей, около 50% нефтепродукции, крупные предприятия (заводы «Скорбоферм») по добыче угля, цинка, свинца и серебра, все оружейные, пулеметные заводы, все снарядные заводы, все заводы пороховых и взрывчатых веществ, все авиационные заводы, все заводы противогазовых имуществ, большую часть заводов инженерно-саперного имущества и имущества связи, ряд металлических предприятий, все производства азота (завод «Хоржев», «Тарнополь» «Азот»), крупнейшие химические заводы, которые в случае войны могут быть переведены на военное производство, как, например, «Зегелмбис», «Стрел», заводы акционерного общества «Химическая промышленность в Польше» и т. д.

Все это своеобразие отдельных проявлений госкапиталистических тенденций следует учитывать при анализе современного капитализма.

Отмирание конкуренции.

Во главу угла всего химерного здания госкапиталистического «организованного хозяйства», возводимого в теоретических опусах некоторых товарищей, кладется явно оппортунистическая теория насчет того, что государственный капитализм означает замирание конкуренции внутри капиталистической страны.

Некоторые «теоретики» пытаются доказать, что об'ективное развитие современного капиталистического хозяйства ведет ко все большей и большей его организации внутри отдельных стран, в то время как анархическая природа капиталистического хозяйства переползает на основные линии международных хозяйственных отношений [1]).

Происходит этот таинственный процесс благодаря тому, что в известной мере исчезает проблема рынка, который сковывают монополистические организации капитала. Господствующей формой цен становится картельная цена, а следовательно, «свободную» игру

[1]) Н. Бухарин. Теория «организованной бесхозяйственности». «Правда» 30/VII-29 г.

цен на рынке заменяет плановая калькуляция, регулируемая соответствующим трестовским и концерновским аппаратом.

Одним словом, без пяти минут социалистическое общество, мирное внутреннее бытие которого не омрачается ни конкуренцией, ни какими-либо другими противоречиями.

Единственное, что несколько омрачает безмятежное существование капиталистического Эдема, это... заботы об организационных проблемах, об «оптимальной» организации в масштабах, выходящих за пределы частного хозяйства, о подборе психотехнически годных людей, кадров руководителей и т. д.

Конечно, имеются и кое-какие противоречия. Это, в первую очередь, бюрократизация хозяйственного строя.

Вот та характеристика экономических отношений современного капиталистического государства, которая преподносится иногда даже на страницах советской печати солидными «теоретиками», как свеженькое научное откровение. И во всей этой явно оппортунистической наукообразной вермишели теряются всякие «аллилуйные» заклинания об оголении классовых противоречий, об их обострении и угрозе капиталистическому строю так же, как у Людвига заверения насчет того, что капитал со всей своей «организацией» терпит неудачу на мировом рынке.

Эти «оговорочные фразы» висят в воздухе и логически отнюдь не вытекают из контекста всей установки.

Не спасает и «теоретическое» утешение авторами удрученного читателя насчет того, что замирание конкуренции внутри капиталистических стран компенсируется обострением противоречий в мировом масштабе.

То, что после войны и в особенности в «третьем периоде» мировые капиталистические противоречия возросли и воспроизвелись на расширенной основе — азбучная истина. Лишь официальная социал-демократия пытается опровергнуть это положение ссылками на мифический «реальный» пацифизм. Но все же и она в своих апологетических увлечениях оценки монополистических тенденций капитализма, в своих пророчествах насчет «ультра-империализма» не доходит до таких геркулесовых столбов простого «внеуклонного» бессмыслия в оценке организации капитализма внутри отдельных стран, как некоторые теоретические Санчо-Панчо оппортунистических Дон-Кихотов.

Имеет ли теоретическая, с позволения сказать, установка правых в вопросе «организованного капитализма» что-либо общего с ленинизмом? Правые «теоретики», в частности, тот же Людвиг, охотно цитируют Ленина насчет того, что «капитализм в его империалистической стадии вплотную подводит к самому всестороннему обобществлению производства». Но они стыдливо проглатывают конец той же фразы, где Ленин подчеркивает, что «Производство становится общественным, но присвоение остается частным. Общественные средства производства остаются частной собственностью небольшого числа лиц. Общие рамки формально признаваемой свободной конкуренции остаются, и гнет немногих монополистов над остальным населением становится во сто раз тяжелее, ощутительнее, невыносимее» (разр. наша. *Дм. Б.*). (Ленин, т. XIII, стр. 254).

Таким образом, Ленин отлично понимал, что каких бы размеров ни достиг процесс монополизации, нельзя говорить о замирании конкуренции, поскольку общественные средства производства остаются частной собственностью. И в этом отношении Ильич продолжает и развивает установку Энгельса о том, что «ни превращение в акционерные общества, ни перевод в государственную собственность не уничтожают капиталистического характера производительных сил». («Анти-Дюринг»).

Рост монополий, в том числе и госкапиталистических монополий, отнюдь не означает безболезненного процесса примирения всех прослоек и групп капитализма, наоборот, «старая борьба мелкого и крупного капитала возобновляется на новой, неизмеримо более высокой степени развития». (Ленин, т. XIII, стр. 269).

Отдельные теоретики, оппортунистические бациллы в идейной конституции которых делают их особенно восприимчивыми к чисто буржуазным обобщениям, поддаются госкапиталистическим восторгам буржуазных экономистов, догоняют и даже перегоняют их в этом отношении. Если, например, буржуазный экономист Лепих характеризует современный период, как «организованную конкуренцию»; если Эккерт считает, что «распыленная конкуренция отдельных предприятий заменяется регулируемой конкуренцией организованных предприятий»; если Адольф Вебер считает картели организациями, «которые превращают разрушительную и потому нецелесообразную конкуренцию в конкуренцию регулируемую» — то наши ретивые «теоретики» почему-то считают необходимым быть «больше католиками, чем сам папа» и характеризовать государственный капитализм как замирание конкуренции вообще.

Подавленные величием буржуазной профессуры типа Шмалленбаха, Бенте, Зомбарта и других, наши отечественные «теоретики» относятся к их идеям значительно менее критически, чем даже социал-демократическая и буржуазная пресса.

В то время, как идеи Шмалленбаха подвергались резкой критике на страницах буржуазных газет, как, например, «Франкфуртер Цайтунг», в советской прессе советские «теоретики» по существу солидаризуются со Шмалленбахом в основном вопросе: в возможности «организации капитализма».

«Франкфуртер Цайтунг» (5 июня 1928 г.) сравнительно резко для почтенной буржуазной газеты критикует Шмалленбаха.

«Связанное хозяйство, как его изображает Шмалленбах, является по существу хозяйством абсолютной внутренней монополии».

«Подлинное развитие не оправдывает, однако, Шмалленбаховского прогноза. Возьмем Америку. Там антитрестовское законодательство далеко не так провалилось, как это полагает Шмалленбах; «Гери Диннерс», на которых собираются представители некартелированных предприятий, не так уж много; в общем Америка, несмотря на ряд обстоятельств, в значительной мере еще находится под властью конкуренций. Обратимся к Германии. Об'единение крупных предприятий в отдельных отраслях хозяйства далеко не означает исключения конкуренций... Большинство отраслей «фертигиндустри» не в состоянии об'единиться в монопольные союзы ни в национальном, ни в интернациональном масштабе».

«Вообще нужно заявить, несмотря ни на что, что сила свободного рыночного хозяйства еще сегодня, и как раз именно сегодня, куда сильнее, чем тенденции связанного хозяйства, о которых нельзя судить лишь по углю и железу».

Со многим из того, что пишет «Франкфуртер Цайтунг», находящаяся во власти иллюзий свободного рынка, конечно, нельзя согласиться. Но несомненно, что в основном ее критика Шмалленбаха поучительна.

Ослепленные госкапиталистическим пафосом наши «теоретики» забывают о том, что монополия есть монополия капиталистическая, «выросшая из капитализма и находящаяся в общей обстановке капитализма, товарного производства, конкуренции в постоянном и безысходном противоречии с этой общей обстановкой». (Ленин, т. XIII, стр. 314).

Наши горе-«теоретики» не понимают диалектики капиталистической монополии, ее противоречивости с одной стороны, как прямой противоположности свободной конкуренции, а с другой — как движущей силы, воспроизводящей эти противоречия на расширенной основе не только в международном, но и во внутригосударственном масштабе.

«Монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над нею и рядом с нею, порождая этим ряд особенно острых и крупных противоречий, трений, конфликтов». (Ленин, т. XIII, стр. 305).

Самой нелепой оппортунистической сказкой звучат утверждения о том, что капиталистические монополии, даже в их высшей форме — госкапитализма, могут создать нечто в роде планового регулируемого общества, в котором исчезают проблемы рынка, цен, конкуренций и остается некий капиталистический «госплан», капиталистический «орграспред», подбирающий кадры, и капиталистическая «РКИ», борющаяся с бюрократизмом.

Тут опять демонстрируется то же непонимание диалектики процесса развития монополистических тенденций в современном капиталистическом хозяйстве. Верно, что монополия создает подобие плановости в отдельных группах предприятий, в отдельных, наконец, отраслях промышленности. Но следует ли из этого, что монополии могут превратить все народное хозяйство отдельной страны в единый плановый организм? «Устранение кризисов картелями есть сказки буржуазных экономистов, оправдывающих капиталистов во что бы то ни стало.

Напротив монополия, создающаяся в некоторых отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству в целом; несоответствие в развитии земледелия и промышленности, характерное для капитализма вообще, становится еще больше». (Ленин, т. XIII, стр. 256).

Монополия отнюдь не устраняет ожесточеннейшей борьбы между картелированными предприятиями и так называемыми «дикими», не входящими в какой-либо концерн или трест предприятиями.

Ведь совершенно очевидно, что как бы ни «развился» империализм, каких бы размеров ни достиг процесс монополизации капитала, он не может изменить природы капитализма.

В своей статье, посвященной проекту изменения программы, Ленин указывал, что «империализм на самом деле не перестраивает и не может перестроить капитализма снизу доверху. Империализм усложняет и обостряет противоречия капитализма, «спутывает» со свободой конкуренции монополии, но устранить обмена, рынка, конкуренции, кризиса и т. д. империализм не может» (Ленин, том XIV, часть 1).

Мы здесь нарочно приводим обильное количество цитат из Ленина для доказательства того, что не может быть разных мнений о том, как смотрел Ильич на проблемы «организации капитализма». Наши «теоретики» пытаются подчас проводить свои взгляды под покровом надерганных цитат из Ленина. В этом вопросе им это удастся меньше, чем в каком-либо ином. Путь к Ленину по вопросам «организованного капитализма» для них закрыт, и им остается взывать к авторитету Бенте и Шмалленбаха.

Но дело отнюдь не только в авторитете Ленина. Достаточно лишь на минутку спуститься с теоретических эмпиреев на грешную землю, чтобы убедиться в том, что конкуренция продолжает существовать во всех капиталистических странах, что борьба внутри и между отдельными монополиями продолжается. На VIII с'езде партии в полемике с тов. Бухариным по вопросам партийной программы Ленин указывал, что немыслим монополистический капитализм без свободной конкуренции в целом ряде отраслей. Точку же зрения тов. Бухарина Ленин характеризовал, как «книжное изложение финансового капитализма».

Современные апостолы «организованного капитализма» как раз блестяще демонстрируют такой «книжный подход» к важнейшим проблемам современного капитализма. Но «книги», откуда они черпают свое теоретическое вдохновение, это отнюдь не Ленин и не Энгельс, а Гильфердинг, Зомбарт, Шмалленбах и др.

Однако, если от «книжности» обратиться к фактам, мы увидим, что по всем направлениям на внутренних рынках современного капиталистического общества разворачиваются самые ожесточенные противоречия. Возьмем хотя бы даже такой серьезный для картелей вопрос, как ценообразование. Несмотря на силу картелей и роль капиталистической монополии на внутреннем рынке, они не в силах воздействовать на кон'юнктурное снижение цен. Конкуренция между отдельными отраслями внутри страны, покупательная способность внутреннего рынка, общий индекс цен, определяющий и издержки производства в той или иной картелированной отрасли, денежный рынок и т. д.,—все эти элементы определяют еще значительную роль свободного рыночного ценообразования. Если к этому еще прибавить колебание цен на мировом рынке, определяющее естественно и ценообразование на внутреннем рынке, то станет совершенно очевидной «книжность» рассуждений об отмирании конкуренции и свободного ценообразования в масштабе национального хозяйства.

Наиболее поддающейся регулированию областью является обычно кредит, влияющий в свою очередь на динамику экономического развития. Недавнее выступление специалиста Нью-Йоркского Федерального Резервного банка Бургеса (цитируем по статье тов. Эвентова в сборнике «Мировое хозяйство на рубеже 1929 г.») явилось блестящим доказательством незначительного влияния кредита на динамику цен. Бургес указал на следующие три фактора, ограничивающие об'ем контроля, который политика Федеральных Банков в состоянии иметь на основные экономические тенденции:

«1. Влияние резервной системы ограничивается международным движением фондов, аккумуляцией капиталов, духом спекуляции, употреблением денег и т. д. На ряду с этим следует помнить, что всякое действие резервной системы вызывает противодействие. Высокий процент вызывает приток фондов со всех концов мира, низкий — отлив золота и кредитную экспансию, следовательно, и повышение учетной ставки.

2. Резервные банки имеют дело с денежным рынком в целом, но не с отдельными формами кредита. Изменение процента или интервенция оказывают влияние на все учетные ставки. Федеральная система не может повышать процент на спекулятивные бумаги, не повышая ставки на коммерческий кредит.

3. Обязательства эмиссионных банков, вытекающие из необходимости сохранения золотых резервов».

Все это в общей сложности показывает полную необоснованность утверждения о замене рыночного ценообразования организованной калькуляцией картелей, логически вытекающей из всей теории «организованного капитализма» регулирующего не только производство, но и цены помимо рынка.

Наши «теоретики», по существу, тут никакого пороха не изобретают. Развернутую картину такого «идеального» положения дал еще Гильфердинг в своей неверной теории «всеобщего картеля».

«Здесь все капиталистическое производство, — писал Гильфердинг в «Финансовом Капитале», — сознательно регулировалось бы из одной инстанции, которая определяет размер производства во всех его сферах. Тогда установление цен становится чисто номинальным и фактически равносильно уже просто распределению всего продукта, с одной стороны, между картельными магнатами, а с другой стороны, — между другими членами

общества. Цена является тогда не результатом вещных отношений, которые устанавливаются между людьми, а просто своего рода расчетным вспомогательным приемом при передаче вещей от одних лиц к другим».

Естественно, что в таких условиях не только не нужен рынок, но и отпадает необходимость в деньгах. Тов. Бухарин в своей критике теории накопления Розы Люксембург предостерегал от ошибок школы Рикардо, а затем и Сея, недооценивавших роли денег.

— Отсюда, — писал Н. И. Бухарин, — ряд грубейших ошибок, отсюда отрицание капиталистических противоречий, а затем и прямая апология капиталистического режима, апология, которая хочет «научно отбрыкаться» wegräsonnieren (как выражается Маркс) от кризисов перепроизводства, нищеты масс и т. д.) [1].

«Отбрыкнувшись» от денег, неизбежно приходится «отбрыкиваться» и от категории товаров. Из этого неизбежно вытекает исчезновение категорий анархического распределения производительных сил, а следовательно, и анархического распределения рабочей силы. «Снимаются» все законы капиталистического хозяйства, воцаряется всеобщая организация.

Такова железная логика теоретического грехопадения пастырей «организованного капитализма». И невольно вспоминается:

Поменьше пастырей таких,
Полублагих, полуслепых.

В плену организационных панацей.

Опьяненные позитивными моментами госкапитализма наши «теоретики» старательно обходят его негативные стороны, в частности такой вопрос, как монополистическое загнивание. Монополистическое загнивание сводится в их анализе процессов современного капиталистического хозяйства к бюрократизму. Они подробно смакуют описание бюрократизма, даваемое буржуазными экономистами; они преподносят эти описания советскому читателю в таком количестве и такой форме, чтобы вызвать, повидимому, у читателя размышление о том, а есть ли разница между социалистическим и капиталистическим бюрократизмом.

Неверно, однако, выпячивать на передний план проблему бюрократического загнивания и подменять им имманентную для империализма тенденцию экономического загнивания. Наши «теоретики» пытаются уверить читателя, что основная проблема современного капитализма это проблема организации, проблема борьбы с бюрократизмом от разрешения которой якобы зависят судьбы капиталистического хозяйства. Это чепуха. Самая распрекрасная организация не может спасти капиталистическое хозяйство от дальнейшего загнивания, от закономерной тенденции экономического и технического застоя. Это отлично понимают и сами капиталисты, по крайней мере наиболее умные из них.

У американских профессоров в последнее время замечается усиленная тяга к «плановости». На конференции известного тейлоровского о-ва либеральный проф. Брум делал доклад о «необходимости планирования процветания» (цитируем по книге Модеста Рубинштейна — «Противоречия американского капитализма»). Видный профессор Пенсильванского университета считает единственным выходом из тупика растущей безработицы создание национального планового комитета. На это ему возражает побывавший в СССР профессор Колумбийского университета Тогвелл, что, мол, плановую систему нужно изучать не на конференциях Нью-Йоркских и Филадельфийских инженеров и экономистов, а в Московском Госплане, где она действительно проводится в жизнь. Но и это не поможет, так как конкурентная система не может быть примирена с плановой.

[1] «Империализм и накопление капитала», ГИЗ, 1925, стр. 11.

Главный экономист одного из крупнейших предприятий об'единения «National industrial conference board» довольно остроумно отметил, что «американское хозяйство все более и более начинает походить на хронически-больного нервного инвалида, измеряющего каждый час свою температуру и пульс и каждую неделю — свой вес, бегущего от одного статистического психоанализатора или экономического знахаря к другому, каждый день ожидающего нового чуда или катастрофы. Это особенно скверно в настоящее время, когда мы проходим период исключительной неясности и отсутствия веры в хозяйственное будущее».

В то время, как буржуазные экономисты разочаровываются в организационных панацеях, наши «теоретики» оказываются в плену этих организационных восторгов.

Но все это на деле выглядит далеко не так, как это мерещится нашим «теоретикам».

«Найти» твердые принципы и конкретную цель «для» «примирения» монополии со свободной конкуренцией, разумеется, дело безнадежное. Признание практиков звучит совсем не так, как казенное воспевание прелестей «организованого капитализма» его апологетами вроде Шульца-Геверница, Лифмана и т. п. «теоретиками» (Ленин, том XIII, стр. 270).

Весь этот строй идей, охватывающий проблему «организованного капитализма», является в известной мере реставрацией старых ошибочных взглядов т. Бухарина еще периода «левого коммунизма».

В «Коммунисте» (органе «левых коммунистов») от 16 мая 1918 г. была помещена статья т. Бухарина «Некоторые основные понятия современной экономики», направленная непосредственно против Ленина и его понимания государственного капитализма.

В этой статье тов. Бухарин пишет:

«Что такое государственный капитализм? Если рассматривать дело с точки зрения производственно-технической, то здесь мы имеем государственно-урегулированное производство, уничтожение производственной анархии, уничтожение вольного рынка, «учет и контроль» со стороны государственных органов.

Тут мы находим организацию производства и соответствующую организацию распределения. Не только общие условия производственного процесса, но и детали технического распорядка продуманно вставлены в рамки общего организационного плана».

И дальше тов. Бухарин пишет:

«Наконец, если рассматривать дело с точки зрения отношения между странами, то государственный капитализм означает обострение капиталистической конкуренции, хозяйственную подготовку к следующим грабительским войнам («милитаризация хозяйства»), гигантский скачок вверх протекционизма, милитаризма и маринизма, рост военной опасности».

Тов. Бухарин посвящает в указанной статье не мало места доказательству того, что госкапитализм является «потенцированной властью буржуазии» и что это скорее «рабовладельческое хозяйство, чем социализм». Но все же разницу между социалистической системой и госкапитализмом т. Бухарин видит лишь в том, какой класс стоит у власти.

«Государственное регулирование,—пишет там же т. Бухарин,—может принимать две противоположные по своему смыслу и социальному значению формы: социализма и государственного капитализма, и это разное значение целиком зависит от того, какой класс стоит у власти».

Никто не станет оспаривать огромного значения, которое имеет наличие у власти того или иного класса. Но абсолютно неверно предполагать, что в анархии капиталистического хозяйства возможно такое же, хотя бы и «производственно-техническое» регулирование, как в социалистическом хозяйстве.

Еще Маркс писал в одном из своих писем Анненкову:

«В современной экономической жизни вы найдете не только конкуренцию и монополию, но также и их синтез, являющийся не формулой, а движением. И однако это уравнение, не устраняя затруднений современного положения, как то полагают буржуазные экономисты, создает в результате еще более трудное и еще более запутанное положение. Таким образом, изменяя основу, на которой покоятся современные экономические отношения, уничтожая современный способ производства, вы уничтожите не только конкуренцию, монополию и их противоречия, но также и их единство, их синтез, их движение, которое практически уравновешивает конкуренцию и монополию».

Неверная установка т. Бухарина, намеченная в статье в «Коммунисте», была продолжена и развита в его книге «Экономика переходного периода».

Как известно, в этой книге тов. Бухарин, анализируя «современный (1918—1919. *Дм. Б.*) мировой капитализм», писал что «товарное хозяйство здесь вовсе не исчезает окончательно, хотя внутри страны оно либо отмирает, либо значительно сокращается, заменяясь организованным распределением (разр. наш. *Дм. Б.*). Товарный рынок становится лишь действительно мировым, переставая быть «национальным». (Николай Бухарин, «Экономика переходного периода», часть I, Общая теория трансформационного процесса, Москва, 1920 г., стр. 14).

В 1919 г. еще не было в употреблении термина «организованный капитализм». Но несомненно, что термин «организованное распределение», относящийся отнюдь не к специфически-военному времени, в известной мере предвосхитил теорию «организованного капитализма», ибо совершенно очевидно, что в капиталистическом обществе немыслимо организованное общественное распределение продукта при анархическом товарном производстве.

Кое-что «предусмотрел» тогда тов. Бухарин и по части отмирания конкуренции.

В своей «Экономике переходного периода» тов. Бухарин писал: «Централизация капитала поедает конкуренцию, но, с другой стороны, она непрерывно воспроизводит эту конкуренцию на расширенной основе. Она уничтожает анархию мелких производственных единиц, но она обостряет затем анархические отношения между крупными производственными телами. «Трения» в общей хозяйственной системе исчезают в одном месте только для того, чтоб в еще больших размерах появиться в другом: они превращаются в трения между основными частями громадного мирового механизма». (стр. 16).

В Институте Ленина хранится экземпляр «Экономики переходного периода» с пометками В. И. на полях и в конце книги. На стр. 10 этой книги, где у Бухарина сказано, что «финансовый капитал уничтожил анархию производства внутри крупно-капиталистических стран» Ленин подчеркивает слово «уничтожил» и пишет сбоку «не уничтожил».

Повидимому, повторяется не только история, но и «теория», казалось бы, превратившаяся в историю, а формулировки т. Бухарина, как «левого» коммуниста, становятся в наше время теоретическим украшением складывающегося евангелия правого оппортунизма.

(Окончание следует).

А. Стальгевич.

Об одной правой теории советского государства.

Гигантский темп социалистического строительства, решительное наступление пролетариата на классового врага, все большее и большее вытеснение элементов капитализма не смогли не вызвать обострения классовой борьбы как в области практической, так и научной работы. Широко развернувшаяся борьба на идеологическом фронте охватывает почти все основные области научной мысли. Руководящим принципом борьбы и в этой области служит лозунг партии: «Огонь направо!» Под этим лозунгом на протяжении ряда лет Секцией права и государства Комакадемии ведется упорная борьба против буржуазно-юридического мировоззрения, пережитков различных буржуазных теорий, оппортунизма и ревизионистского искажения марксистской теории права и государства. Однако, широкое партийное внимание еще недостаточно мобилизовано на борьбу на этом участке идеологического фронта. Между тем в силу принципиальности разногласий и необходимости полной ясности и четкости политической линии в области марксистской теории права и государста необходимо вести самую решительную борьбу с идеологическими извращениями, привлекая внимание всей широкой партийной общественности.

В данной статье остановимся на работах одного из более характерных в этом отношении представителей советской правовой мысли для того, чтобы показать всю глубину и принципиальность расхождений. Не без основания правовым отделением Института красной профессуры была принята резолюция, подчеркивающая, что «решительный отпор должен быть дан теориям и «теорийкам» (напр., Магеровского, Пионтковского, Энгеля, Гойхбарга, Розенблюма и других им подобных), отражающим оживление мелкобуржуазной стихии» [1]). Не без основания по поводу работ одного из указанных выше представителей, а именно Д. Магеровского, не менее авторитетным и ответственным коллективом отмечается, что «тов. Магеровский как в своей многолетней педагогической, так и обширной в количественном отношении литературной работе проявил явно недостаточную идеологическую выдержанность, отсутствие марксистской установки, капитулянтство перед буржуазными теориями...».

Правда, в своей довольно «обширной, в количественном отношении, литературной работе» он не создал никаких новых теорий. Кроме груды обломков старых буржуазных теорий, механически переделанных на «советский» лад, ревизионистского извращения марксистско-ленинской методологии, оппортунистического искажения политической партийно-классовой линии, абстрактных конструкций, формально-юридического изложения содержания

---

[1]) Резолюция по вопросу о преподавании правовых дисциплин в ВУЗ'ах от 17 января 1929 г. («Рев. Пр.», № 2, 1929 г., стр. 159).

советских законов и инструкций, механически и не всегда по существу верно «подогнанных» цитат и отвлеченной «фразы», мы почти ничего иного в его работах не находим.

Не удалось ему и организационно создать особую свою школу в теории права и государства. Однако, это не мешало ему стать известного рода центром идеологического притяжения различных квази-марксистских, ревизионистских, просто буржуазно-юридических и оппортунистических тенденций в области теории права, государства и советского строительства. Не так давно Д. Магеровский широко пользовался организационными «возможностями» в деле академической работы со студенчеством на факультете советского права I МГУ и аспирантурой в Институте Советского Права РАНИОН. Его работы в связи с этим широко распространялись среди студенчества в качестве обязательных пособий под видом теоретически ценных, ортодоксально-марксистских и политически безупречных.

Поэтому, в особенности в настоящее время, когда борьба в области идеологии принимает все более и более резкие формы, ярко проявляющиеся ревизионистски-оппортунистические правые тенденции и в области теории права и государства должны встретить самый решительный отпор, ибо наша теория, необходимая для революционной практики—партийна.

Для краткости не будем останавливаться на общей теории права Д. Магеровского, коренящейся в философии неокантианства (по существу идеализма) со всеми ее категориями, «нормально-организованного общества», «долженствования», чистой «цели в себе» [1]), нормативизма, вечности права, как «социальной нормы», вытекающей из отношений «человека к природе» [2]) идеалистического воззрения на фетишистски первенствующее значение суб'ективной нормы, при наличии которой, по его мнению, лишь возможно образование об'ективного правового отношения [3]) и т. д.; не будем говорить об его методологии, базирующейся на формально-логической схоластике и догматическом толковании диалектического метода; оставим пока в стороне и его анализ фашистского государства, являющийся ярким отражением буржуазно-юридических тенденций [4]), так как все эти моменты в достаточной степени разоблачены и осуждены в работах Секции общей теории права и государства Коммунистической Академии [5]). В данной статье ограничимся лишь разбором ряда более конкретных проблем, относящихся к советскому государственному строительству.

В области экономической политики нашей партии у Д. Магеровского нет устойчивости и четкости линии. Его колебания доходят до крайних точек как в одну, так и в другую сторону.

Переход к новой экономической политике Д. Магеровским был понят как переход к системе государственного капитализма, по поводу которого он писал, что «при советском строе: 1) буржуазия остается существовать; 2) буржуазия ограничена в своих экономических правах пролетариатом; 3) буржуазия отброшена от аппарата государственной власти; 4) пролетариат, опираясь на национализацию земли, банков, транспорта и отдельных отраслей крупной промышленности, держит в своих руках государственную власть; 5) регулятором интенсивности труда является личная

[1]) См. Магеровский, Д., Социальное бытие и наука права («Научные Известия», I, М. 1922 г.).

[2]) См. Д. Магеровский. «Советское право и методы его изучения». («Сов. Пр.», № 1, 1922 г.).

[3]) См. Магеровский, Д., Государственная власть и государственный аппарат. М. 1924 г.

[4]) См. Магеровский, Д., Фашистское государство. М. 1928 г.

[5]) См. «Революция Права», № 1, 4, 5 за 1928 г. и №№ 1 и 3 за 1929 г. а также нашу работу «Пути развития советской правовой мысли», 1928 г.

заинтересованность трудящегося». Все эти производственные отношения, в том числе и относящиеся к системе национализаций, государственных предприятий, хозяйства последовательно-социалистического типа, по его учению «являются своеобразными отношениями государственного капитализма» [1]). Из указанных отношений государственного капитализма он выводит диктатуру пролетариата и на их основе строит систему советского права. Его совершенно не интересуют вопросы классовой природы государственного капитализма; он просто не замечает, что хозяйство последовательно-социалистического типа строится не на основе эксплоатации и классовых противоречий и что его нельзя путать с госкапитализмом. Он «юрист», для которого содержание явлений, внутренняя их сущность, никакого интереса не представляет. Ему достаточно изобрести классификацию формальных признаков, распределить по рубрикам отвлеченной схемы и покрыть их поверхность всеоб'емлющей формой. Поэтому, там где ему в силу необходимости приходится обращаться к экономическим и классовым корням, там обычно процветают извращения и политические ошибки.

В своей статье об экономических основах советской власти он выдвигает в качестве руководящего принципа, определяющего политическую линию нашей партии, «зависимость промышленности от крестьянского хозяйства» [2]). «Раз крестьянское хозяйство,—поясняет он,—является основным (разрядка наша. *А. С.*) в нашей экономике, то восстановление этого хозяйства и ориентирование на развитие крестьянского хозяйства (разрядка наша. *А. С.*) должны быть принципом нашего государственного строительства» [3]). Правая установка в этом положении сказывается яснее ясного. Прежде всего, основным ведущим началом в нашей экономике по Д. Магеровскому является не промышленность последовательно-социалистического типа, а крестьянское хозяйство. Поэтому он и предлагает ориентироваться не в сторону развития усиленного темпа индустриализации страны, под'ема крупной машинной индустрии, а рекомендует «ориентирование (разрядка наша. *А. С.*) на развитие «крестьянского хозяйства». Исходя из этой по существу правой ориентации, он явно ограничивает, снижает темп индустриализации страны, поднятия промышленности, нашего роста и строительства слепым и механическим цеплянием за «крестьянское хозяйство», как основное. Полагаем, что дальнейшие более подробные комментарии излишни, ибо капитулянтство Д. Магеровского перед мелкобуржуазной стихией обнаруживается полностью в теории ориентации на крестьянское хозяйство, как основу нашей экономики. Поэтому, осуждая полностью правый уклон, мы решительно должны осудить и политическую установку Д. Магеровского, расходящуюся с принципиальной линией нашей партии.

От своих прежних политических ошибок Д. Магеровский не отказывается и в настоящее время, а наоборот, ранее высказанные положения механически переносит в дальнейшие работы. Так, в своем «Государственном праве» он, повторяя прежние мысли, подчиняет нашу индустриализацию интересам «крестьянского хозяйства» [4]), как основного и обусловливающего фактора. Мало этого. В этой же работе выделен раздел, представляющий особый интерес. Называется он: «Врастание крестьянского хозяйства в социа-

[1]) Д. Магеровский. «Советское право и методы его изучения». («Советск Право», № 1, 1922 г., стр. 32).

[2]) Д. Магеровский. «Экономические основы советской власти». («Советское Право» № 6, 1925 г., стр. 7).

[3]) Там же, стр. 7.

[4]) Д. Магеровский. «Государственное право». («Основы советского права»), сборник статей. М. 1927 г., стр. 12.

лизм» [1]). Как изветно, постановка вопроса о «врастании» крестьянского хозяйства **вместе с кулаком** в социализм является одним из принципиальных положений правого уклона. Д. Магеровский, как профессор государственного права, его лишь переносит в область теории права и государства. По его словам «мы должны двигаться таким образом, чтобы двигать за собой **все крестьянское хозяйство** (разрядка наша. *А. С.*), ибо притти к коммунистической организации производства можно лишь при условии, если в этот коммунизм врастает не только промышленность, но и сельское хозяйство» [2]), которое, по его мнению, должно «непосредственно впитываться и входить в систему социализма» [3]), очевидно, вместе с кулаком и всеми эксплоататорскими слоями страны. Следовательно, не реконструкцию сельского хозяйства, не социалистическую революционную перестройку деревни, как предлагает партия, а мирное (т.-е. без классовой борьбы) «врастание крестьянского хозяйства», вползание его в социализм. И эта оппортунистическая теория, проникшая в учебные программы и руководства, без всяких стеснений и оговорок преподносится советскому студенчеству [4]). Нет сомнений, что подобные теории таят глубоко в себе оппортунистическую сущность. Поэтому лишь люди, ничего общего не имеющие с политикой нашей партии, с революционно-диалектическим пониманием сложнейших процессов переходного периода, могут поддерживать и преподносить другим подобные явно оппортунистические мысли.

Вопросу классовых взаимоотношений Д. Магеровским, в основном, посвящена одна статья в журнале «Советское право» под заглавием «Советская власть и взаимоотношения классов» [5]). После эта статья с некоторыми поправками и сокращениями им была включена в его «Государственное право». Вопрос классовых взаимоотношений им в основном трактуется, как вопрос взаимоотношений рабочего класса и крестьянства. Но напрасно читатель будет искать постановку вопроса о диференциации крестьянства. Ни слова о среднем крестьянстве, как центральной фигуре земледелия, ни слова о кулаке... Напротив, для большей точности он несколько раз в своих работах подчеркивает именно «**все крестьянство**». Правда, его работы пестрят цитатами из Ленина, резолюций партийных с'ездов и конференций. Однако, необходимо заметить, что эти цитаты так «обстрижены» и «причесаны», что часто трудно бывает разобраться, кто же именно дает постановку вопроса о союзе с крестьянством без классовой диференциации, кто оперирует лишь общим мелко-буржуазно-эсеровским понятием «всего крестьянства» т. **Ленин** или Д. **Магеровский**. В данном случае **недостаточной** является формула союза с «основной массой крестьянства» [6]). Без правильной оценки бедноты и середняка, без учета роли кулака и отношения к нему изобретение Д. Магеровского является лишь пустой фразой, смазывающей всю сущность нашей политики.

Безжизненна, пуста и абстрактна вся формула рабоче-крестьянского союза по Д. Магеровскому. На место реальных классовых отношений, классовых противоречий и борьбы, конкретных условий и изменяющейся жизни перед ним лишь абстрактная формула-понятие. На протяжении ряда страниц, разбирая вопрос об этапах пролетарской революции и взаимоотношении классов, он не замечает, что на различных ступенях революции рабоче-

---

[1]) Там же, стр. 10.
[2]) Д. **Магеровский**. «Государственное право» («Основы советского права», стр. 10; см. его «Экономические основы советской власти» в журн. «Сов. Пр.» № 6, 1925 г., стр. 8).
[3]) «Основы советского права», стр. 12; «Сов. Пр.», № 5, 1925 г., стр. 11.
[4]) «Основы советской конституции», М. 1928 г., стр. 4 и 31—32.
[5]) **Магеровский**, Д., Советская власть и взаимоотношения классов («Советское Право», № 5, 1925 г.).
[6]) «Основы советской конституции», стр. 32.

крестьянский союз менял свой характер и формы. Союз пролетариата со всем крестьянством, союз с беднейшим крестьянством, союз со средним крестьянством при опоре на бендоту—все это Д. Магеровский упускает из виду. Он просто не понимает, что союз рабочего класса со средним крестьянством при опоре на бедноту одновременно означает решительный курс на развертывание классовой борьбы, а не притупление ее; наступление на кулака, а не врастание его в социализм; все большее и большее вытеснение элементов капитализма, а не «вхождение» их в социализм; активно-революционные процессы реконструкции и социалистической перестройки деревни, а не пассивное впитывание «всего крестьянского хозяйства» в систему социализма. И эта теория Д. Магеровского союза рабочего класса со «всем» крестьянством, теория притупления классовых противоречий и борьбы в условиях переходного периода, смазывания вопроса о роли кулака в деревне со всей его враждебно-классовой и эксплоататорской сущностью является не менее оппортунистической и правой, чем его размышления о советской экономике.

Вопросам теории государства по существу посвящена одна работа [1]). В ней государственная власть трактуется как «своеобразное отношение между классами, заключающееся в возможности руководства и в руководстве одного класса действиями других классов и социальных групп» [2]). Понятно, что государство после этого логически превращается лишь в организацию, обладающую высшей властью в пределах определенной территории [3]). У Д. Магеровского нет ясного представления о единстве и различии государства и государственной власти. Необходимо напомнить, что ни власть, ни территория не являются основными моментами, определяющими собой понятие государства. Этими категориями кишат старые учебники государственного права и буржуазные теории формальных признаков государства: территории, населения и власти. Что же касается государственной власти, то она Д. Магеровским понимается явно оппортунистически. Теория общего «смягчения» классовых противоречий привела его к постановке вопроса о государственной власти, как отношении «руководства». По этой теории отношение руководства со стороны пролетариата в условиях переходного периода распространяется не только на бедноту и среднее крестьянство, но и на кулака и явно враждебные капиталистические элементы страны. Д. Магеровский боится таких революционно-марксистских понятий, как «классовое господство», «насилие», «угнетение» и т. д. А в этом, ведь, сущность государственной власти.

Стоит лишь представить себе некоторые факты об'ективно развивающегося революционно-исторического процесса, как все теории «руководства» станут смешными и несостоятельными. Необходимо спросить Д. Магеровского, о каком «руководстве» буржуазии напоминают кровавые июльские дни 1917 года, о каком таком «руководстве» буржуазии при ближайшем участии их друзей—«смиренных» социал-демократов—твердят пролетариату майские дни. Нет, теорию «руководства» следует понимать не иначе, как в смысле ревизии марксистско-ленинской теории непримиримости классовых противоречий и классовой борьбы. На самом деле, разве не ясно, что защита теории «руководства» в одно и то же время означает пересмотр ленинской теории красного революционного террора, теории беспощадного подавления классовых врагов; разве не ясно, что по теории Д. Магеровского линия партии на развертывание классовой борьбы, как в городе, так и в деревне, заменяется другой линией, линией «руководства»? Выходит, что вообще не

---

[1]) См. **Магеровский**, Д., Государственная власть и государственный аппарат. М. 1924 г.
[2]) **Магеровский**, Д., Государственная власть и государственный аппарат, стр. 29; см. «Основы сов. конституции», стр. 11—12.
[3]) «Основы советской конституции», стр. 11.

следует итти на развертывание классовой борьбы, а лучше организовать свое «руководство» так, чтобы «все крестьянское хозяйство» вместе с кулаком и другими эксплоататорскими слоями «вросло в социализм». Поэтому и все обострения, затрунения и т. д. по теории Д. Магеровского, очевидно, об'ясняются лишь наличием недостаточного «руководства». Мало этого, Д. Магеровский согласен итти даже не на фактическое руководство. Его государственную власть вполне устраивает наличие отношений, заключающихся лишь в одной «возможности» руководства, руководства в будущем, в потенции, т.-е. в наличии лишь идеи, которая пока «не проявляется».

Такова сущность теории, по которой государственная власть заключается в «руководстве» и «возможности руководства». Для каждого грамотного марксиста ясно, что если можно и даже необходимо говорить о руководстве господствующего класса по отношению к его классовым союзникам, то этого нельзя делать по отношению к классовым врагам.

Концепция Д. Магеровского отвлеченного понятия «руководства», а не классовой борьбы и угнетения полностью воспроизводит на страницах советской печати оппортунистические, социал-демократические представления о государстве, как форме примирения классовых противоречий, классового сотрудничества и мирного реформистского руководства со стороны правящих слоев. Как не вспомнить одно место из последних работ К. Каутского по поводу демократического государства. «Внутри демократического государства,—говорит он,—при обеспеченной демократии вооруженная борьба для разрешения классовых конфликтов не может иметь места. Эти конфликты разрешаются мирным путем через пропаганду и голосование» [1]), т.-е. через реформистское «руководство». Понимает ли Д. Магеровский, как глубоки корни оппортунизма в его теории? Если он этого не понимает, то мы все же обязаны подчеркнуть всю вредность подобных теорий, искажающих марксизм.

Ничего общего с диалектическим подходом не имеет и его своеобразная теория «элементов» государственной власти [2]). По этой теории государственная власть складывается из ряда механически соединенных «элементов»: экономических, классовых, идеологических, национальных, международных и др. Разлагая механически государственную власть на составные части, Д. Магеровский, вместо реальных отношений, их движения, революционных изменений, противоречий и процессов становлений замечает лишь юридико-догматические клетки-«элементы» и механически скрепленные из них абстрактные структуры.

Крайнюю путаницу в теорию государства вносит он и по вопросу о соотношении государства и государственной власти. По Д. Магеровскому логически выходит, что государство есть организация высшей власти в пределах определенной территории, а государственная власть—это отношение между классами. Как видно, в этом построении нет ни капли диалектики, так как государство механически отделено от государственной власти. В постановке диалектического материализма, в противоположность Д. Магеровскому, мы под государством понимаем систему или порядок отношений между классами, а под государственной властью—содержание этих отношений, т.-е. классовое господство, насилие и угнетение. В нашей постановке соотношение между государством и государственной властью представляется в виде обычного диалектического соотношения формы и содержания.

---

[1]) Kautsky, K. Die materialistische Geschichtsauffassung, B. II, с. 432. Цитирую по книге Е. Б. Пашуканиса и И. П. Разумовского «Новейшие откровения Карла Каутского», М. 1929 г., стр. 51.

[2]) См. Магеровский, Д., Государственная власть и государственный аппарат.

Все указанные выше искажения основных принципов маркистско-ленинского учения о государстве не могли не чувствоваться при разрешении более конкретных, но не менее принципиальных вопросов советского государственного строительства [1]). Необходимо отметить, что изучение советской системы Д. Магеровский, как юрист-догматик, сводит лишь «к анализу юридических норм», определяющих строение и функции органов власти. «Юридическая структура» советского государства поэтому представляется ему отвлеченно и механически-схематично. Юридико-нормативному изучению, по Д. Магеровскому, подлежат не только проблемы, относящиеся к структуре отдельных органов власти, но и вопросы, связанные с национальной политикой, советским федерализмом и т. д. Кроме параграфов декретов, положений и инструкций, отвлеченно-догматических упражнений, мы ничего иного не находим в этой части его работ.

В результате формального подхода и безразличного отношения к сущности советского строя, у Д. Магеровского получилось своеобразное построение системы советского государственного права и учения о советской конституции. В этой системе не отведено места для городских и сельских советов, низовых с'ездов советов и исполнительных комитетов. Создается впечатление, что сами советы в советской системе по его теории никакой роли не играют. Он, как и многие юристы по профессии, занят лишь догматическим анализом положений о центральных органах советской власти, упуская из виду, что «Советы суть новый государственный аппарат» [2]), верховные органы которого создаются из нижестоящих, образуя, таким образом, единую советскую систему, при которой вся власть «принадлежит Советам» [3]) и на них опирается. Исключение советов и низовых звеньев государственного аппарата, механическое разграничение и отрыв их от центральных органов советской власти неизбежно приводит к рецепции буржуазных теорий государственного права, противопоставляющих местную власть центральной, буржуазное местное самоуправление—центральному управлению, исходя из классовой противоположности центра и мест [4]). Этим смазывается вопрос о классовой сущности советского государства. Д. Магеровский не решается отметить, что советское государство по своей классовой природе—государство пролетарское, хотя без этой постановки вообще нельзя говорить о советской системе, как государственной форме пролетарской диктатуры.

Разбирая отдельные органы власти, Д. Магеровский одевает их в одежду категорий буржуазного государственного права. Так, например, Союзный Совет и Совет Национальностей он любит величать «палатами» [5]). Эта на первый взгляд терминологическая неточность в устах «профессора государственного права» приобретает особое значение. По существу механическим перенесением категорий буржуазного государственного права в советскую систему в работах «юриста по профессии» получается известное

---

[1]) См. Магеровский, Д., Союз Советских Социалистических Республик («Власть Советов», № 6—7, 1923 г.); Магеровский, Д., Союз Советских Социалистических Республик, М. 1923 г.; Магеровский, Д., Центральные органы власти СССР («Власть Советов», № 11—12, 1923 г.); Магеровский, Д., Государственная власть и государственный аппарат, М. 1924 г.; Магеровский, Д., Государственное право («Основы сов. пр.», М. 1927 г.); Магеровский, Д., Конституция пролетарской диктатуры («Сов. Пр.», № 6, 1927 г.); на основе принципиальных положений работ Д. Магеровского построена брошюра методических разработок «Основы советской конституции», М. 1928 года.

[2]) Ленин, Н., Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 228.

[3]) Конституция РСФСР, стр. 2.

[4]) Один из учеников Д. Магеровского, В. Беляев, прямо так и делит органы советской власти на центральные и местные по признаку преобладания в них пролетариата или крестьянства («Сов. Пр.», № 1, 1927 г.).

[5]) См. «Власть Советов», № 6—7, 1923 г., стр. 27—28; Союз Советских Социалистических Республик, стр. 37—38; «Основы советского права», стр. 38—41.

сближение советского аппарата с буржуазным парламентаризмом. В общем получается такая же картина, как от механического перенесения категорий политической экономии в советское хозяйство, в особенности в его социалистический сектор. Он не замечает, что в данном случае его устами говорит та часть буржуазной профессуры, которая на советскую власть вообще может смотреть не иначе, как через буржуазные очки. Теория сближения органов советской власти и парламентаризма нам хорошо известна. Одним из ближайших сотрудников Д. Магеровского в свое время был выдвинут тезис о «сближении Совета Народных Комиссаров с кабинетом министров» [1]), по словам которого, если СНК «отступает от Совета министров в отношении демократичности, партийности, ответственности», то именно этим «он приближается к западным кабинетам», «радикальная демократия» которых «оказывается достаточно гибкой, чтобы вместить классовые соотношения близкие и весьма близкие к существующим у нас». Как видно, не только о терминологической близости идет речь. Политическая сторона, — устряловско-термидорианская политика, идеология перерождения советской системы, по которой «новейшая эволюция парламентаризма» является «непосредственной прилюдией к советскому строю» [2]), — выступает со всей ясностью. Эта теория нами была своевременно осуждена. «Нам надо беспощадно бичевать,—писал тогда П. И. Стучка,—покушения наших советских юристов на проведение теорий сближения нашего права с буржуазным» и нашего государства с буржуазным. Это относится не только к профессорам Дурденевским, Тоцким, Понтовичам, Игнатьевым и др., но и к Д. Магеровскому.

К вопросу о государственном аппарате относится проблема его классового содержания. В этой весьма важной проблеме Д. Магеровский смазывает классовый момент. «В природе государственного аппарата, — отмечает он, — важно подчеркивать его л ю д с к о й с о с т а в» [3]) и то обстоятельство, что основным «элементом» государственной машины являются «люди». Поэтому и государственный аппарат, по его учению, есть лишь «определенным образом организованная система людей, долженствующая проводить политику господствующего класса» [4]). Вредность этой концепции заключается в том, что ею по существу «снимается» один из основных вопросов ленинской теории, вопрос о «ломке» буржуазного государственного аппарата. Государственный аппарат, который по теории Д. Магеровского, лишь—отвлеченная система абстрактных «людей, долженствующая проводить политику господствующего класса», нуждается не в особой революционной «ломке», а лишь в установлении «руководства» или «возможности руководства», к которому по его учению сводится сущность государственной власти. Отвлеченно представляя себе «людской состав», как механически очерченый «элемент», он выхолащивает все классовое содержание из государственного аппарата. По его концепции допускается механический разрыв между господствующим классом и «системой людей», долженствующей проводить политику этого класса, т.-е. государственным аппаратом, в то время, когда государственный аппарат является организацией господствующего класса, его государственно-организационной формой. В диалектическом развитии об'ективной реальности указанные явления обусловливают совершенно иные связи и взаимоотношения, ибо класс, организуясь в господствующий, превращается в систему органов государственной власти, а государственный

[1]) См. Д у р д е н е в с к и й, В., Совет Народных Комиссаров («Сов. Пр.», № 1, 1922 г., стр. 53).
[2]) Т о ц к и й, Н., Госплан РСФСР и проблема правового строительства («Бюллетень Госплана РСФСР», № 4, 1926 г., стр. 24).
[3]) М а г е р о в с к и й, Д., Государственная власть и государственный аппарат, стр. 92.
[4]) Там же, стр. 93.

аппарат—из формы переходит в содержание, становясь принципом в н у т р е н н е г о п о с т р о е н и я э т о г о к л а с с а и в то же время внешним его оформлением. Для Д. Магеровского важны лишь выхолощенные понятия, абстрактные схемы и механические связи, с неизбежностью логики ведущие в болото бесклассовых буржуазно-государственных теорий и оппортунистического стушевывания классовой сущности явлений.

Функции органов гоударственной власти Д. Магеровский понимает также формально-догматически. В своей теории он предлагает своеобразную классификацию функций, по которой каждый орган государственной власти осуществляет резко очерченный круг различных функций, отличаясь друг от друга «как по количеству функций, так и по об'ему их» [1]). Кроме самого списка функций, явно выдуманного Д. Магеровским (напр., декларационной, конструирующей, координационной, плановой, нормотворческой, административной, контрольной, юрисдикционной, судебной, информационно-учетной и т. д.), большие сомнения вызывает механическое распределение их по отдельным ступенькам лестницы органов советской системы. Сама механика распределения функций по органам власти по схеме Д. Магеровского является лишь в известном смысле формальной переделкой буржуазной теории разделения властей. Совершенно непонятным является, почему судебная функция «приписана» лишь к Президиуму ЦИК'а и почему этой важной функции лишены такие органы, как ЦИК и СНК [2]). Очевидно, Д. Магеровский и в наших условиях находит возможным особо отделить власть судебную (механически заменив ее понятием «функция») от законодательной и исполнительной. Трудно понять, почему ЦИК Союза лишен функции декларационной, а его Президиум и СНК—учетно-информационной. Без всяких оснований Всесоюзный С'езд Советов Д. Магеровским лишен законодательной функции. Почему же у государственных актов, принятых С'ездом Советов Союза, как верховным органом власти в порядке ст. I Конституции Союза, нет и никогда не будет «конкретности, необходимой для закона»? [3]). Несостоятельность всей классификации, не имеющей никакого практического и научного смысла,— очевидна. Она лишний раз подчеркивает несостоятельность абстрактно-догматического подхода Д. Магеровского и перенесения им буржуазных теорий на советскую почву, хотя бы под видом новых классификаций и систем, внешне одетых в марксистские фразы.

Из «абстрактного определения» исходит Д. Магеровский и в своих рассуждениях о демократии. Под демократией он понимает «общественный строй, характеризующийся самоуправлением народа на основе равенства и свободы» [4]). Не приходится долго доказывать, что и в данном случае Д. Магеровский допускает явно оппортунистическую установку. Демократия по Д. Магеровскому потеряла свой классовый характер: она лишь «общественный строй». Необходимо напомнить, что тов. Ленин нам оставил совершенно иное учение о демократии. По Ленину «демократия есть одна из форм государства» [5]), и имеет строго определенный классовый характер. Критикуя абстрактное определение демократии, «демократии вообще», он писал, что «подобная постановка вопроса о вне- или надклассовой течке зрения, как бы с точки зрения всего народа, является прямой насмешкой над основным учением социализма, а именно над учением о классовой борьбе»... [6]). Такой насмешкой над учением социализма, учением о классовой борьбе, является именно теория Д. Магеровского, по которой демократия характеризуется

[1]) «Основы советского права», стр. 22.
[2]) М а г е р о в с к и й, Д., СССР, стр. 37—43.
[3]) «Основы советского права», стр. 36.
[4]) «Советское Право», № 6, 1927 г., стр. 12.
[5]) Л е н и н, Н., Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 61.
[6]) Л е н и н, Н., Собр. соч., т. XVI, стр. 36.

лишь «самоуправлением народа», а не своей классовой сущностью. Формулировка Д. Магеровского свободно может быть подхвачена представителями социал-демократии, имеющими в виду так называемую «чистую демократию», в которую по их учению врастает буржуазное государство в результате реформистского «руководства» и эволюционного выветривания классовых противоречий. По их теории уже в современном демократическом государстве «использование государственного аппарата для целей эксплоатирующих классов не принадлежит к его сущности и не связано с ним неразрывно» [1]. Д. Магеровский, не замечая социал-демократической сущности своего учения, продолжает мысль логически до конца, заявляя, что эпоха отмирания государства будет эпохой уничтожения классов, эпохой социализма и полного демократизма [2]. Выходит, что демократия, как «общественный строй», а не форма классового господства и угнетения, останется и после отмирания государства. Опять-таки по этому вопросу мы имеем существенное расхождение между учением Д. Магеровского и Ленина. Ленин отчетливо подчеркивал, что «чистая демократия есть лживая фраза либерала, одурачивающего рабочих» [3] и что «уничтожение государства есть уничтожение также и демократии», а «отмирание государства есть отмирание демократии» [4]. Ленинская постановка вопроса возможна лишь при наличии четкого классового, революционно-диалектического подхода, чего мы, к сожалению, не находим у Д. Магеровского. Поэтому и его абстрактно-формальный подход дает богатую почву для сближения его теории с идеологией современной социал-демократии.

Формально-юридически Д. Магеровский подходит к советскому избирательному праву. По его учению советское избирательное право представляется в виде системы «социальных норм». Почему «социальных»? Очевидно, и в данном случае он не решается стать на открыто-классовую точку зрения и, маскируя свою действительную сущность грудой цитат из Ленина и параграфов декретов, заменяет понятие «классовое»—«социальным». Подчеркивая, что «понимание социальной (разрядка наша. *А. С.*) природы государственного аппарата является характернейшей чертой ленинского учения о государственном аппарате» [5], избирательное право он считает лишь «организующим началом, при помощи которого подбирается людской состав (разрядка здесь и ниже наша. *А. С.*)» [6], и осуществляется стремление «при помощи социальных норм закрепить те социальные отношения, которые связывают государственный аппарат с производственными единицами» [7].

Как видно из приведенных выше положений Д. Магеровского, на место классовой теории советского избирательного права преподносится абстрактное, смазывающее классовый характер, расплывчатое учение о «людском составе», системе «социальных норм» и «социальных отношений». Даже там, где в силу необходимости ему приходится говорить о классовом принципе, он все же находит для себя более удобным использовать заимствованный у неокантианцев «ценностный принцип» [8]. При помощи «ценностного принципа», а не об'ективных экономических и классовых причин он об'ясняет различие между рабочим классом и крестьянством, проводимое в избирательных нормах советского права. Необходимо запомнить слова т. Ленина, что «пока остается классовая разница между рабочим и крестьянином, мы не можем

1) Kautsky, K., Die materialistische' Geschichtsauffassung, B. II., стр. 598.
2) «Советское Право», № 6, 1927 г., стр. 15.
3) Ленин, Н., Собр. соч., т. XV, стр. 457.
4) Ленин, Н., Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 363.
5) и 6) «Основы советского права», стр. 20.
7) Там же, стр. 21.
8) «Советское Право», № 6, 1927 г., стр. 18.

говорить о равенстве» [1]. «Ценностные принципы», как и многие другие неокантианские по существу идеалистические принципы, к ленинскому учению отношения не имеют, а, наоборот, являются по отношению к нему прямо противоположными и враждебными.

Неверно и политически вредно Д. Магеровский трактует вопрос о суверенитете союзных республик. Допуская, что советские республики, входящие в федерацию «сохраняют свой суверенитет», он делает своеобразную оговорку, по существу «снимающую» суверенитет союзных республик. Этот суверенитет, по его теории, «проявлялся» до заключения договора, «не проявляется» в момент существования федеративных отношений и «может проявиться» в одностороннем акте выхода из состава Союза. «Этот своеобразный характер власти союзных республик,—говорит он,—заставляет нас ввести новое юридическое понятие — понятие потенциального суверенитета» [2]. Это новое понятие «потенциального суверенитета», по его мнению, «создает юридическое выражение для политического требования на государственное отделение». Суверенитет в этом смысле у союзных республик в настоящее время реально существует, но «не проявляется». Вот и вся новая теория суверенитета. Но какие выводы из нее вытекают? Прежде всего, необходимо ответить на вопрос: что является содержанием суверенитета союзных республик? В данном случае мы вполне присоединяемся к положению Г. С. Гурвича, что «право нации на самоопределение и есть ее суверенитет», который «государства, члены Советского Союза, сохраняют всегда и полностью» [3]. «Право на самоопределение наций, — учил тов. Ленин, — означает исключительно право на независимость в политическом смысле, на свободное политическое отделение от угнетающей нации», а «это требование вовсе не равносильно требованию отделения, дробления, образования мелких государств. Оно означает лишь последовательное выражение борьбы против всякого национального гнета» [4]. В данном случае речь иде «об одной из форм политического гнета...» [5]. Октябрьской революцией этот гнет был уничтожен, «недостаточной политике лжи и недоверия, придирок и провокации» был положен конец. Она была заменена «открытой и честной политикой, ведущей к полному взаимному доверию народов России». Государственно-правовой формой отношений действительного равенства и свободы, взаимного доверия и независимости народов на место национально-политического гнета является суверенность союзных республик. В этом смысле суверенитет понимается и в декларации прав народов России [6], в этом смысле он существует в советском государстве не формально «на бумаге» и не в «потенции», а на самом деле, реально, фактически, «всегда и полностью». По Д. Магеровскому суверенитет союзных республик «не проявляется», следовательно, он нереален, так как не приходится говорить о реальности отношений, которые никак не проявляются. По логике его учения, суверенитет, как об'ективная реальность, превращается в своеобразную кантианскую «вещь в себе». Конечно, об этом заявить Д. Магеровский не решается, он, ведь, «марксист» и говорит о суверенитете, как о реальности. Но необходимо лишь вспомнить, что об'ективная реальность, которая никак «не проявляется», остается вне времени, пространства, движения и т. д. Д. Маге-

1) Ленин, Н., Собр. соч., т. XVI, стр. 210.
2) Магеровский, Д., Союз Советских Социалистических Республик, стр. 34.
3) Гуревич, Г., Принципы автономизма и федерализма в сов. сист. М. 1924 г., стр. 73.
4) Ленин, Н., Собр. соч., т. XIX, стр. 171.
5) Ленин, Н., Собр. соч., т. XIX, стр. 182.
6) См. «Декларация прав народов России», С. У., от 4/XII 1927 г., № 2, стр. 18.

ровский в своих рассуждениях, по всей вероятности, допускает лишь движение абстрактных понятий, мыслей, представлений..., хотя оторвать движение от материи, мышление от об'ективной реальности, ощущение от внешнего мира означает по учению тов. Ленина «перейти на сторону идеализма» [1]). С этим необходимо считаться, из этого необходимо исходить. Исходя из этой установки, теорию Д. Магеровского логически можно привести к следующему: суверенитет союзных республик — в потенции, следовательно, сами союзные республики, как суб'екты государственно-правового отношения пока еще—в потенциальном положении и не в состоянии разрешать вопросы своей независимости. Поэтому и их суверенитет—в потенции, в будущем, в «возможности», а в настоящее время остается лишь идея, об'ективная реальность которой «не проявляется», пустой лозунг о равенстве и братстве народов и их обман революционной фразой.

Такова теория советского государства по Д. Магеровскому, скрывающая под вуалью левой фразы гнилые корни оппортунизма.

---

[1]) Ленин, Н., Материализм и эмпириокритицизм, М. 1920 г., стр. 271.

Н. Ежов, Л. Мехлис, П. Поспелов.

Правый уклон в практической работе и партийное болото.

1. Правый уклон на практике.

1.

Борьба с правым уклоном в нашей партии, в особенности с его проявлением в практической повседневной работе, вступает в новую полосу своего развития.

Теоретические положения партии, содержащиеся в резолюциях с'ездов, конференций и ЦК,—представляют собой руководство к действию партийных рядов в деле социалистического строительства. Между тем, как это ни странно, значительные прослойки партийцев не осознали до сих пор, что решения партии о борьбе с правым уклоном не могут ограничиваться только голосованием ими определенной резолюции, осуждающей правых. Принятие резолюции о борьбе с правой опасностью в рядах партии является только предпосылкой к практическим мероприятиям по осуществлению генеральной линии партии.

Основные партийные кадры и партия в целом не только теоретически осознали необходимость борьбы с правым уклоном, но и ведут упорную борьбу за преодоление правого уклона как в области теоретического, так и в области практического его проявления. Однако, давно не везде борьба с правым уклоном в практической работе поставлена на должную высоту. Мы все еще можем встретить партийцев, которые полагают, что их дело проголосовать за резолюцию, а практическое ее проведение в жизнь—дело руководящих органов. Принятие резолюций о борьбе с правым уклоном не гарантирует еще развернутой борьбы с правыми тенденциями в практической работе, поскольку до сих пор не все члены партии мобилизованы на проверку повседневной практической работы под углом зрения осуществления генеральной линии партии и борьбы с правой опасностью. Можно констатировать, что решения организаций, вскрывающие правые ошибки в практической работе, были до последнего времени сравнительно редки. Между тем, ряд фактов, имевших место за последние месяцы, говорит о том, что правые тенденции в практической работе—явление довольно распространенное.

Кстати заметим, что одним из серьезнейших недостатков в проводимой чистке партийных рядов является тот факт, что вопросу о борьбе с правым уклоном в практической работе не всегда уделяется при чистке достаточное внимание.

Чем об'яснить, например, что партийная чистка в Тульском губфинотделе прошла гладко? Что основная болезнь губфинотдела не была выявлена?

Тульский губфинотдел проявлял чрезмерную заботливость о частнокапиталистическом секторе хозяйства. «Еще совсем недавно, — сообщает

«Правда»,—улица Коммунаров цвела вывесками торговцев - галантерейщиков. Они чувствовали себя господами положения, за их спиной стоял губфинотдел. ЦРК выбивался из сил, чтобы закрепить за собой галантерейный рынок, а губфинотдел отвечал: «ЦРК один не справится. Надо удержать рынок, а то будет брешь». Кооперация долго не могла справиться с напором частников, скупавших скобяные изделия. Зав. губфинотделом, он же председатель губплана, Игнатов издал приказ: «На скобянщиков не нажимать» («Правда» № 179). Ко всему этому следует добавить «снисходительное» отношение аппарата губфинотдела к частнику в области налогов, недообложение частно капиталистических элементов и т. п.

Основная язва аппарата Тульского губфинотдела—правая линия в практической работе и связь с чуждыми элементами и т. п.,—оказалась не вскрытой при партийной чистке. Подобные факты—не единичны и подтверждают, что чистка партии во многих случаях еще не вылилась в смотр повседневной работы партийных ячеек и отдельных членов партии, в проверку проведения генеральной линии партии на практике.

Правая линия в повседневной практической работе может проистекать в силу целого ряда причин. Эту линию могут вести открыто правые, остающиеся местами на своих руководящих постах; ее проводят скрытые правые,—такие, несомненно, имеются в рядах партии. Болотные прослойки партии, деляческие элементы,—все это на данном этапе преимущественно резервы правой линии в практической работе. Само собой разумеется, что сюда должны быть причислены разложившиеся в морально-бытовом отношении и выполняющие волю враждебных нам классов, как это имело место в Астрахани, Смоленске и др. организациях. Не исключена возможность правых ошибок в практической работе в силу теоретической неграмотности отдельных членов партии, в том числе и из актива. Некоторых коммунистов, недостаточно теоретически грамотных, предохраняет от правых ошибок классовое чутье, но не у всех прослоек нашей партии, имеющей в своих рядах и непролетарские элементы, оно развито.

Трудности борьбы с правым уклоном и его проявлением в практической работе вытекают из того, что иногда отдельные организации, а равно и члены партии, голосуя за генеральную линию партии, на практической работе проводят линию правого уклона. Например, в Астраханской организации по части принятия резолюций против правых, как известно, дело обстояло более или менее благополучно. Окружком и ячейка выносили сотни резолюций о борьбе с правым уклоном, за социалистическую индустриализацию страны, проведение самокритики и т. п. На практике же господствовала система «зажима» и капитуляция перед частным капиталом, сдача ему позиций в Астраханской рыбной промышленности и морально-бытовое разложение значительной части актива.

В Бакинской организации тоже своеобразное положение—руководители «декларировали» за генеральную линию партии, против правого уклона, за самокритику. А на деле господствовала система зажима, самокритику разворачивали в лучшем случае в ячейковом масштабе, не допуская критики ошибок бакинского руководства. По вопросу о положении с самокритикой актив Баку отмечает единогласно резолюцией: «Подлинная большевистская действенная самокритика снизу была развернута далеко не достаточно. Борьба с зажимом самокритики не только слабо проводилась, но иногда этот зажим осуществлялся самим партийным руководством (дело Артака). Актив отмечает, что баиловские товарищи (Артак, Шатуновская, Воронин и др.) своевременно сигнализировали об ошибках руководства в области самокритики, борьбы с правой опасностью, в вопросе о кадрах и т. п. Тем не менее руководство совершенно не приняло во внимание этих правильных указаний, а наоборот, об'явило баиловских товарищей клеветниками и беспринципными склочниками» («Правда», № 178).

Словом, в отдельных организациях и ячейках сложилась довольно своеобразная система: самокритика — критикуй других, но не местное «начальство»; правая опасность—это дело резолюций, говори о правом уклоне вообще, но не о его конкретных проявлениях в повседневной практической работе. Между тем нельзя серьезно говорить о борьбе с правым уклоном, с его проявлением на практике при системе руководства «говори о чем угодно, только не о «домашних» делах губернии, округа и т. п.». Надо считать бесспорно установленным,—таков опыт Смоленска, Астрахани, Баку и др. организаций, что зажим в самокритике является лучшим свидетельством общего неблагополучия в организации, в проведении политической линии партии и т. п. Отсутствие самокритики—лучшая защитная форма бюрократов, разложившихся элементов и правой линии в повседневной практической работе.

II.

Возьмем примеры Астрахани, как наиболее яркие в этом отношении и заслуживающие самого тщательного анализа.

Чрезвычайно характерно, что все астраханское дело было вскрыто не нормальными методами самокритики, что партийная и рабочая масса проявила пассивность и замкнутость. Как установлено, всякие попытки критики «начальства» там подавлялись, тотчас же критиков подводили под бузотеров, склочников, привлекая «виновных» на скамью подсудимых. Например, рабочего - коммуниста, члена ячейки Астраханского торготдела, где больше всего было развито взяточничество и работа проводилась под диктовку частника, за попытку бороться с безобразиями в торготделе арестовали, а впоследствии уволили. Подобный факт мог иметь место только потому, что в Астрахани господствовала система круговой поруки верхушки организации, что самокритика там всячески подавлялась. Как говорят, в Астрахани и «вороны» знали о взяточничестве в советском аппарате, о разложении советско-партийной верхушки, но... партийная организация молчала.

Боязнь репрессий, обывательское настроение членов партии—«моя хата с краю»—являются типичными не для одной Астрахани. Пассивность партийных масс в обстановке морально-бытового разложения верхушки организации—показатель и результат слабости партийной организации в целом, ее непролетарского состава, засоренности советского аппарата чуждыми элементами и т. п. Достаточно указать, что в ЦРК из нескольких сот сотрудников рабочих было всего 13 человек, а в горкоммунотделе на 197 сотрудников — ни одного рабочего.

Неудивительно поэтому, что Астрахань является «образцом» извращения классовой линии в практической работе. Вот, например, перед нами ответственная комиссия Астраханского губкома по частному капиталу. Комиссию возглавляла руководящая верхушка организации, голосовавшая против правых и примиренцев. А что делали эти товарищи в своей практической деятельности? Увязывали ли они линию партии по индустриализации страны, борьбе с частным капиталом и т. п. с повседневной своей работой?

В 1926 г. Оргбюро ЦК слушало доклад о состоянии Астраханской организации, и тогда было обращено внимание, что с ростом частного капитала в рыбной промышленности неблагополучно. Несмотря на это предупреждение, астраханцы «заботились» о развитии хозяйства вообще. И частнокапиталистические элементы нашли благоприятную почву для своего роста и разложения советского аппарата.

В 1928 г. во время весенней путины классовый враг почувствовал себя настолько окрепшим, наглость астраханских нэпманов приняла такие раз-

меры, что они пред'явили местным органам власти ультиматум—требование увеличения нормы заготовок, угрожая в противном случае уходом с рынка. Совершенно очевидно, что классовый враг был в составе экономических организаций Астрахани на положении «незаменимых совработников».

Какое же решение выносит комиссия губкома по регулированию частного капитала? Заговорила ли в ней классовая совесть? Нет, она капитулирует перед частником, вынося такое постановление:

«В виду того, что практика регулирования торготдела привела к тому, что рыбопромышленные фирмы сдают свои патенты и отказываются от дальнейшей деятельности, в виду того, что фиск пострадает от этого, и в виду еще целого ряда причин—подвергнуть пересмотру методы регулирования в сторону увеличения норм частным рыбопромышленным фирмам».

Отбросим на момент элементы морально-бытового разложения, которое захватило значительную часть актива организации и бесспорно сыграло свою роль в деле капитуляции перед классовым врагом. Бытовое загнивание, пьянство и т. п. в условиях нэпа всегда ведет к смычке с частником, к искривлению классовой линии. Попытаемся разобрать вопрос в целом, отыскать те источники, которые питали этот расцвет капитулянтства перед частнокапиталистическими элементами.

Во всем народном хозяйстве СССР мы имеем быстрый рост социалистического сектора хозяйства. Вытеснение частнокапиталистических элементов идет не только относительно, но на отдельных участках и абсолютно. Анализ данных с 1925/26 по 1928/29 гг. показывает несомненный относительно более быстрый рост обобществленного сектора и падение роли частнокапиталистического. И по линии валовой продукции, и по товарной массе, и по движению фондов, и, наконец, по численности наемного труда идет процесс укрепления позиций социализма в нашей стране. Такова же в основном картина распределения народного дохода—с 1924/25 по 1928/29 гг. доля обобществленного сектора в национальном доходе возросла с 38,8% до 52,4%.

Пятилетний план хозяйственного строительства, утвержденный XIV всесоюзной партконференцией, предусматривает дальнейший решительный рост социалистического сектора города и деревни. В с. х. этот рост будет происходить за счет строительства совхозов, организации бедняцко-середняцких масс в коллективы и вытеснения кулацких хозяйств.

Однако, пока что роль необобществленного сектора не одинакова по различным отраслям хозяйства. Например, в 1927/28 г. по данным Госплана удельный вес секторов в народном доходе распределялся по основным отраслям хозяйства так (в %%):

	Госуд. сектор.	Коопер. сектор.	Частный сектор.
1. Земледелие	2,3	1,2	96,6
2. Рыболовство и охота	48.6	20,8	39,6
3. Крупная промышленность	90.5	8,1	1,4
4. Мелкая промышленность	3,5	27,1	69,4
5. Транспорт и связь	190	—	—
6. Торговая выручка	22,0	57,3	20,7

Наиболее прочно наше положение, как видно, в крупной промышленности, транспорте и связи,—это наши хозяйственные командные высоты. Более слабые участки—рыбная промышленность, земледелие, торговля и мелкая промышленность.

Астрахань, где рыбное хозяйство играет первенствующую роль в экономике края, принадлежит к числу более слабых участков нашего хозяйственного фронта. К тому же в Астрахани процессы хозяйственного развития имели тенденцию, обратную той, которую мы видели во всем хозяйстве СССР. Частный капитал рос не только абсолютно, но и относительно, отвоевывал позицию за позицией в астраханской рыбной промышленности, в главнейшей отрасли астраханского хозяйства. В 1923 г. частник в рыбной промышленности занимал 3,8%, в 1924 г. его роль резко поднялась—до 17,7%, в 25 г. до 25%, в 26 г.—24,4%, в 27 г.—22,3%, в 28 г.—24%.

Быстрый темп индустриализации страны, проводимый партией на основе решений XV партс'езда, укрепляет командное положение социалистических элементов народного хозяйства и диктатуру пролетариата. Но процесс нашего хозяйственного и политического роста протекает в диалектических противоречиях. Отсюда на общем фоне поступательного движения в деле социалистического строительства показываются отдельные темные пятна.

Частокапиталистические элементы расположены неравномерно во всех отраслях народного хозяйства, во всех районах нашего Союза. На целом ряде участков заметен положительный процесс—абсолютное вытеснение частного капитала. Однако, неравномерность распределения и роста частнокапиталистических элементов ведет к тому, что на других участках капиталистические и полукапиталистические хозяйства возрастают и абсолютно и относительно. Развернутое социалистическое наступление на капиталистические элементы города и деревни, обострение классовой борьбы, трудности реконструктивного периода способствуют консолидации, сплочению и революционной закалке партийных рядов.

С другой стороны, при слабости партийного руководства, наличие частного капитала, рост его, а тем более преобладание на том или ином участке, являются одним из источников, которые питают извращения классовой линии, питают разложение среди наименее стойкой, непролетарской части нашей партии. При этом морально-бытовое разложение причудливо переплетается с правой линией в практической работе, с капитуляцией перед классовым врагом.

В такой обстановке—значительного удельного веса капиталистического сектора хозяйства, при слабой пролетарской прослойке, при специфических условиях промысловой работы, при значительном влиянии мелкобуржуазной стихии на известные слои астраханского пролетариата—работал советский и партийный аппарат Астрахани. Из этой об'ективной обстановки отнюдь не вытекали еще с фатальной необходимостью морально-бытовое разложение и капитуляция перед классовым врагом.

Но эта обстановка, на ряду с общей слабостью партийной организации, непролетарским составом ее, отсутствием большевистских традиций, совершенно недостаточной работой по идеологическому воспитанию партийцев, при отсутствии самокритики—способствовала морально-бытовому разложению и расцвету правооппортунистических тенденций в практической работе, создавала предпосылки для потери астраханцами перспектив социалистического строительства.

Характерно, что искривление классовой линии имело место почти во всей рыбной промышленности СССР—в Астрахани, Аральске, Балаклаве и Архангельске. Очевидно, в деле проведения правого уклона в практической работе в рыбной промышленности повинны и некоторые центральные планирующие и регулирующие органы. Прошедший недавно в Москве с'езд уполномоченных ловецкой кооперации показал, что Всекопромрыбаксоюз непосредственно санкционировал правую линию в практической работе, недооценивал обострения классовой борьбы в городе и деревне. Например,

заместитель председателя Совета Всекопромрыбаксоюза, член ВКП(б), уполномоченный НКЗ заявил на с'езде: «Принимая во внимание, что вопросы классового подхода в рыбацкой деревне имеют более глубокое значение, чем в деревне вообще, необходимость развертывания крупного морского рыболовства (в частности, красноловья в Каспийском море, аломанского лова хомсы в Керченском проливе и т. д.) вынуждала к некоторым послаблениям в деле проведения классовой линии». («Правда» № 182).

Неудивительно, что комиссия Астраханского окружкома по регулированию частного капитала, потеряв классовое чутье, обеспокоилась, когда частник пред'явил ей ультиматум об уходе с рынка. Как же, рассуждали члены комиссии,—пострадает фиск. Тот факт, что государственная промышленность терпит ежегодно 2 милл. руб. убытка от недогрузки, комиссию не интересует, она заботится о полной загрузке частника, чтобы... местный бюджет получил 300—400 тыс. рублей.

Делячеcкие мотивы витают над астраханцами в повседневной работе. Они не хотят видеть, что соотношение классовых сил в результате их забот о местном бюджете изменилось в пользу капиталиста. Какое им дело до «более решительного наступления на капиталистические элементы города и деревни»? При чем тут необходимость борьбы с правым уклоном как главной опасностью и примиренчеством к нему? Это вопросы резолюций, за которые они голосовали. Их не смей заподозрить в правом уклоне!

Другое дело—практическая работа, а не голосование резолюций. Тут местный бюджет противопоставляется общегосударственному, задачи социалистического строительства стушевываются перед «трудностями»... окружного масштаба.

Узкое делячество, то здесь, то там прорывающееся в практической работе, местничество — столь развитое в отдельных организациях, — они являются характерными элементами партийного болота, неизбежно свидетельствуют о потере перспективы социалистического строительства и ведут к правой практике в повседневной практической работе.

Однако, надо помнить, что в наш «век» даже оппортунистическая практика, граничащая с классовым предательством,—даже она пытается теоретически себя обосновать, чтобы «уложиться» в рамки линии партии. В 1928 г. зав. АПО Астраханского губкома при обсуждении вопроса об удельном весе частника в предстоящей весенней путине заявил:

«Очень легко, товарищи, одним росчерком пера снять частный капитал, но нет ни одной директивы ни последнего ноябрьского пленума ЦК, ни в решениях партс'езда о том, чтобы росчерком пера ликвидировать нэп. Поэтому нужно подходить к этому вопросу осторожней, нужно учесть политическую сторону вопроса».

Абстрагироваться от политической стороны вопроса о роли частного капитала в нашем хозяйстве, понятно, не следует. И наш автор выступает в защиту нэпа, полагая, что сокращение роли частника есть отмена нэпа. По этой теории выходит, что наступление на капиталистические элементы возможно вести лишь тогда, когда будет директива с'езда о ликвидации нэпа. Все прочие резолюции партии — о более решительном наступлении на капиталистические элементы, о борьбе с правым уклоном и т. п., не имеют отношения к вопросу об удельном весе частника в рыбной промышленности. И эта теория защиты развития частного капитала подносится под флагом сохранения нэпа. К сожалению, следует отметить, что это выступление не получило на заседании окружкома никакого отпора, наоборот, некоторые солидаризировались с ним. Неудивительно поэтому, что частнокапиталистические элементы, подкрепленные «ленинской теорией» в астраханской интерпретации, чувствовали себя прекрасно, «мирно врастали» в систему советского аппарата Астрахани, подкупив его основные звенья.

Морально-бытовое разложение части актива в Астрахани является тем фактором, который способствовал усилению частного капитала в рыбной промышленности. В условиях зажима самокритики в организации частнику удалось подкупить все важнейшие регулирующие и контролирующие звенья советского аппарата. Торговый отдел, финансовый и суд стали агентурой частнокапиталистических элементов. Необложение частника приняло колоссальные размеры, ему же был открыт госкредит. Частник, по собственному признанию, чувствовал «золотое время».

Астраханское дело является ярким примером, где мещанство в личной жизни и морально-бытовое разложение коммунистов тесно переплетаются с делячеством и открыто-правым уклоном на практике, выливаясь в форму капитуляции перед капиталистическими элементами и предательства интересов рабочего класса. В результате «машина едет не туда, куда ее направляют, а туда, куда направляет кто-то, не то нелегальное, не то беззаконное, не то бог знает откуда взятое, не то спекулянты, не то частнохозяйственные капиталисты, или те и другие». (Ленин, XVIII т., ч. 2, стр. 32).

Оппортунизм в практической работе — распространенное явление, он принимает различные формы. Противоречивые условия нэпа, рост частнокапиталистических элементов в нашем хозяйстве, трудности реконструктивного периода, обострение классовой борьбы, значительная роль мелкотоварного крестьянского хозяйства — способствуют потере менее устойчивыми членами партии перспектив социалистического строительства и скатыванию к открыто оппортунистическому правому уклону или в болото обывателя, ставящего превыше всего вопросы личного благополучия.

Это перерождение совершается не сразу, оно происходит медленно, и незаметно для самих об'ектов. На первых порах они работают честно, стараясь плыть по течению, работая без перспектив. «Результаты ясные: сначала они обкладываются плесенью, потом они становятся серенькими, потом их засасывает тина обывательщины, а потом они превращаются в заурядных обывателей. Это и есть путь действительного перерождения» (Сталин, доклад на XV с'езде).

Партобыватель больше всего дорожит спокойствием в работе, он всячески стремится избежать толчков... «Зачем теснить частника, справится ли кооперация?». «Надо ли обострять отношения с зажиточной частью деревни?» «Нельзя ли получить хлеб без обострения классовой борьбы?». Такова практика значительной части партийного обывателя, такова идеология и практика правых уклонистов.

Партийный мещанин отражает различные уклоны от партийной линии — и правые и «левые». Неправ тов. Л. Шацкин — на прочих ошибках его статьи мы остановимся ниже — в своем утверждении, что партийный обыватель отражает только правый уклон. Он пишет: «Короче говоря, партобыватели в массе своей — не только завтрашние правые. Они и сегодня представляют существенный внутрипартийный резерв правой фракции» («Комсомольская Правда» № 137).

Для партобывателя характерна беспринципность. Хозяйственная и политическая кон'юнктура способны качнуть его в ту или другую сторону. В период троцкистских атак на партию, в период трудностей не мало партийного болота заполнило ряды троцкистов. Опыт показывает, что часто в период особых трудностей партобыватели становятся на крайний фланг той или другой оппозиции. Шацкин явно недооценивает — такова характерная черта его статьи — возможность троцкистских рецидивов со стороны пар-

тийного болота. Однако, на данном этапе партийное болото больше всего переплетается с правым уклоном в повседневной практической работе.

Для партобывателя местничество и делячество — характерные черты. К принципиальным вопросам он относится с отвращением. Но больше всего он ненавидит самокритику, которая-де срывает «спокойную» работу. А отсутствие самокритики, как мы видели, содействует росту бюрократизма, притуплению классового чутья и правой линии в практической работе. Партобыватель в практической работе чрезвычайно часто проводит открыто оппортунистическую линию правого уклона.

Самокритика — важнейшее оружие партии против правого уклона в практической работе, против искривления классовой линии. Зажим самокритики ведет к тому, что ошибки незаметно накапливаются, превращаясь в систему. Самокритика же не только исправляет допущенные ошибки, но дает возможность партии и ее кадрам учиться на ошибках и уже во всяком случае не допускает превращения их в систему.

III.

Осуществление решений XV партийного с'езда о темпе индустриализации и социалистическом переустройстве деревни создает условия для изживания болотных настроений в партии и «астраханщины» в политике и быту. Однако, осуществление этой линии требует смелого вовлечения в дело социалистического строительства миллионов трудящихся и в первую очередь пролетариев города и деревни. Особую роль приобретает воспитание устойчивых партийных кадров, выдвинутых на хозяйственную, профессиональную и пр. работу. Отсюда — борьба за улучшение партийных кадров, за решительное выдвижение рабочих на руководящую работу, за проведение самокритики в жизнь—один из способов борьбы с искажениями классовой линии в практической работе.

Рост частнокапиталистического сектора хозяйства, неравномерность его распределения по районам и отраслям хозяйства, обострение классовой борьбы сказываются особенно чувствительно на сельскохозяйственном фронте. Важность этого участка вытекает из того, что именно здесь *основная* база капитализма — мелкотоварное хозяйство и что «удельный вес кулачества в деревне во сто крат выше, чем удельный вес капиталистов в городской промышленности» (Сталин. Вопросы и ответы, стр. 12). Тут простор для правых ошибок чрезвычайно велик и тем более, что партийные кадры на селе наименее устойчивы.

Наши щупальцы в деревне до сих пор довольно слабы. Надо сказать, что на этом участке мы встречаем явления, которые по своему социально-экономическому значению должны приковать наше внимание. Слабость партийной прослойки в деревне, засоренность ячеек кулацкими и зажиточными элементами, политическая неграмотность коммунистов на селе, — все это требует максимальной мобилизации всех сил партии по борьбе с извращениями классовой линии в практической работе, какими бы мотивами это извращение ни побуждалось.

Мы имеем значительные достижения в области социалистического переустройства деревни, но они явно *недостаточны* в обстановке реконструктивного периода, обострения классовой борьбы. Выполнение пятилетнего плана народного хозяйства, в том числе плана по социалистическому переустройству деревни, должно решительно видоизменить соотношение сил на с.-х. участке нашего строительства. Надо отчетливо осознать, что астраханщина стимулируется противоречивыми условиями нэпа, наличием, а тем более ростом частнокапиталистических элементов хозяйства, обострением классовой борьбы и находит себе наиболее благодарную почву там, где сравнительно слаб обобществленный сектор.

Деревня, несомненно, наиболее благодарная почва для искривления классовой линии в практической работе, для перерождения отдельных клеточек партии и советского аппарата. Правых извращений, понятно, не мало по линии городской промышленности, советского аппарата и т. п., их никоим образом нельзя недооценивать. *Бюрократизм — основная болезнь нашего государственного, профсоюзного, кооперативного и партийного аппарата*... Его экономический корень — мелкобуржуазная стихия.

Расстановка классовых сил в деревне резко отличается от положения в городской промышленности. Середняк продолжает оставаться «центральной» фигурой в деревне, его удельный вес наиболее значителен. Советская экономическая политика способствовала поднятию бедняцких хозяйств и сдерживала рост кулачества, создавая одновременно коллективные формы хозяйства. Однако, как это констатирует Госплан, «до 1927/28 г. положение сельскохозяйственного мелкотоварного и полунатурального производства *порождает больше элементов капиталистических отношений, нежели социалистических (колхозы)*. Производственная база обобществленного сектора еще столь слаба, что она пока не служит сколько-нибудь серьезным противодействием развитию капиталистических отношений» (Контрольные цифры на 1928/29 г., 94, разрядка наша).

За последние годы положение несомненно изменилось в более благоприятную сторону. Создалась об'ективная обстановка для более быстрого, чем в первые годы нэпа, роста обобществленного сектора хозяйства на селе. Колхозное и совхозное строительство нашло колоссальный отклик в бедняцко-середняцких массах деревни. Кулак почувствовал основную силу, которая направлена против него. Посевы его в целом ряде районов сокращаются. Наоборот, посевная площадь обобществленного сектора и бедняцко-середняцких масс расширена. Однако, деревня продолжает оставаться тем участком, где извращение классовой линии наиболее распространенное явление, ибо в мелкотоварном хозяйстве капитализм имеет наиболее глубокие экономические корни, рождаясь ежечасно... Лишь всемерное выполнение темпа индустриализации, развитие колхозов и совхозов — очагов социалистической экономики в с. х. — способно в *корне* подорвать предпосылки к перерождению партийно-советских клеточек на селе. Эту линию и осуществляет партия на основе решений XV партс'езда. Однако, этот основной рычаг должен, понятно, координироваться и иными способами воздействия в отношении суб'ективных носителей извращения классовой линии в практической работе.

Попытаемся на ряде фактов посмотреть проявления правого уклона в практической работе на селе. К этому участку необходимо особенно приковать внимание в связи еще с тем, что мы вступаем в чрезвычайно ответственный момент — в новую хлебозаготовительную кампанию.

Материалы с мест говорят, что далеко еще не везде воспринята линия партии в отношении кулачества и зажиточной верхушки деревни. Нередко встретить на селе члена ВКП(б) с ярко выраженной кулацкой идеологией.

На открытом собрании в сельской ячейке, с. Заковряшцина, Н.-Сибирского округа по вопросу о кулаке имело место такое выступление члена ВКП(б): «Труженика-крестьянина считают кулаком, а как рабочие со служащими получают громадные ставки, держат прислуг, беспощадно их эксплоатируют и они считаются честными гражданами, это в корне не верно, если крестьянин кулак, то служащий в три раза более кулак, нет у нас кулаков, а есть одни труженики».

Кулачество не замедлило устроить ему овацию, об'явив действительным коммунистом. Мы не станем говорить о политической безграмотности

этого выступления, непонимании социально-экономической сущности кулачества, пользующегося наемной рабочей силой для присвоения прибавочной стоимости. Нам важно подчеркнуть полное кулацкое перерождение этого члена ВКП(б) и тот факт, что подобные случаи не единичны. Недооценка правыми идеологами кулачества и его социально-экономической мощи на селе, их теория «мирового врастания кулака в социализм» — это питает классово-чуждые элементы нашей партии.

Социалистическое строительство не может итти лишь по линии городской промышленности, хотя последняя играет первостепенную роль. Опираясь на успехи социалистической промышленности, необходимо всемерно стимулировать перевод сельского хозяйства на рельсы социализма. С первых дней Октября наша партия стала на путь колхозного и совхозного строительства. Однако, лишь за последнее время мы достигли на этом участке более значительных успехов, опираясь на директивы XV парт'сезда. Недооценка идеологами правых необходимости развития совхозов и колхозов вытекает из их в корне ошибочной установки, что мы не нуждаемся в хозяйственных командных высотах в деревне. Об'ективно они и способствуют перерождению партийно-советских клеточек на селе.

Автор брошюры «Путь к социализму», исходя из свободного развития кулачества на селе, ставит вопрос: «Не будет ли здесь такого положения вещей, что кулацкие элементы окажутся неизмеримо сильнее экономически, чем масса остального крестьянства, и тем самым не будут ли они в состоянии перехлеснуть через нас и очутиться, таким образом, заправилами и хозяевами всей деревенской жизни в целом?» И отвечает на него: «на этот, совершенно законный вопрос мы должны дать такого рода ответ: командной высотой по отношению деревенской буржуазии является пролетарский город» (Н. Бухарин «Путь к социализму», стр. 57).

Подобный ответ нас удовлетворить не может — он не полный, а потому ошибочной. Понятно, основой диктатуры пролетариата является крупная промышленность, это—основная социально-экономическая высота. Но успешное социалистическое строительство невозможно, если игнорировать обобществленный сектор в сельском хозяйстве, если исходить, как это имеется в вышеозначенной работе, из того, что такого рода «командные высоты» нам не нужны. Подобная политика — путь к капитализму, а не «путь к социализму», как полагет т. Бухарин.

Теоретическая концепция правых выглядит довольно путано. Когда говорят о строительстве колхозов и совхозов, они кивают в сторону промышленности, как единственной командной высоты, отрицая необходимость экономических командных высот в деревне. Отсюда следовало бы, что они хотят сосредоточить внимание на вопросах развития промышленности. Но стоит партии поставить вопрос о быстром темпе индустриализации, о развитии производства средств производства — правые требуют равняться по «узким местам».

Правые в своей с.-х. политике исходят из того, что кулацкие организации должны свободно развиваться, ибо через банки и пр. они будут врастать в единую систему социалистического хозяйства. И надо сказать, что, невзирая на специальное постановление XV парт'сезда, предупреждающее о необходимости борьбы с кулацкими лжекооперативами, лжетовариществами и т. п., на местах в целом ряде случаев правые тенденции не получают достаточного отпора.

Капиталистическая и вообще зажиточная верхушка деревни ведет с нами борьбу различными методами. Открытые формы борьбы часто меняются на скрытые. Некоторая часть кулачества внешне приемлет нашу форму хозяйства, укрываясь в различных лжекооперативах, машинных товариществах и т. п. Задача — избегнуть налогов, политической изолированности, получить кредит и т. п. В подобные коллективы, состоящие из кулаков и подкулачников, для отвода глаз пускаются иногда несколько бедняков, но в лучшем случае их там только терпят. Казалось бы коммунисты на селе должны выступить застрельщиками в борьбе против кулацких лжекооперативов. Но на практике это не всегда имеет место. Искажение классовой линии на практике принимает иногда такие формы, что чрезвычайно трудно отличить правый уклон в партии от открыто-кулацких настроений.

Вот перед нами выступление председателя Тагильского совета, члена ВКП(б), на пленуме рика по вопросу о колхозе. «Бояться кулаков, — говорит он, — не надо, я в свой коллектив с удовольствием принял бы кулаков, а что толку с бедняков... бояться сельских кулаков нечего, они наши крестьяне».

Что в кулацкое «коллективное» хозяйство выгодно принять не бедняка — доказывать нечего. Подобным колхозам кулак не опасен. Характерна развязность организатора подобного колхоза, как показатель, что директива XV партийного с'езда о ликвидации лжекооперативов и более решительном наступлении на кулака здесь осталась на бумаге. Рост капиталистических элементов в деревне, обострение классовой борьбы, хозяйственное обрастание некоторых коммунистов и их личная связь с зажиточной частью деревни — вот основная причина искривления линии партии и полного перерождения некоторых членов партии в деревне.

Неоднократны, однако, случаи, когда причиной правой линии в практической работе выступает теоретическая неграмотность коммунистов, отсутствие классового чутья или морально-бытовое разложение. Коммунисты Шуйской волости, Вологодского уезда решили повести линию на вытеснение частнокапиталистических элементов хозяйства. Они стали добиваться, чтобы кулак Пальников сдал добровольно органам власти свой кожевенный завод. Переговоры с последним вели непосредственно секретарь волкома партии и судья. Понятно, кулак выдвинул ряд ответных условий: 1) восстановить в избирательных правах, 2) принять в члены союза, 3) не отбирать 40 гектаров земли, 4) дать детям дорогу учиться, 5) пересмотреть вопрос о сельхозналоге, 6) оставить на заводе управляющим, а брата специалистом и т. п.

Эти условия, как сообщает редакция «Красный Север», были полностью приняты шуйскими властями, договор подписал пред. вика Титов, член ВКП.

Просуществовал договор пока до него не докопался селькор. Классовый враг, окрепнув экономически, стал требовать себе на первых порах... равноправия в советской системе, а шуйские коммунисты — верхушка волостных партийных и советских органов — вступают с ним в позорное соглашение. Кстати заметим, что в свое время завод подлежал национализации.

Предстоящая хлебозаготовительная кампания ставит особенно остро проблему борьбы с правым уклоном в практической работе на селе. «Решающим условием успеха предстоящей кампании является, — говорит постановление ЦК от 29/VII с. г., — активное участие в ее проведении каждого коммуниста и каждой парторганизации, борьба со всяческими проявлениями хвостизма, пассивности и спячки, борьба с всякими искривлениями политической линии партии в практической работе, в особенности с проявлениями правого уклона и примиренчества к нему». Опыт истекшей хлебозаготовительной кампании показал, что в ряде случаев члены партии, а иногда и целые ячейки не только не помогали партии в хлебозаготовках, а тормозили их.

Успешное проведение хлебозаготовительной кампании требует активной работы местных партийных организаций и мобилизации бедняцко-середняцкой части деревни. От коммунистов и комсомольцев на селе прежде всего требуется личным примером показать крестьянству необходимость продать хлеб государственным и кооперативным органам.

В истекшем году в ЦЧО, на Украине и др. районах многие члены партии и комсомольцы не сдавали излишков хлеба общественным заготовителям, а продавали их частнику. В Проскуровском округе отдельные партийцы открыто называли крестьян, привозивших хлеб для продажи государственным и кооперативным заготовителям, дураками. Подобные настроения захватывали иногда целые ячейки на селе.

Необходимость быть в первых рядах по продаже хлебных излишков государственным и кооперативным органам не осознана многими коммунистами в деревне. На этот счет, понятно, нет писанных уставных норм, но двух мнений тут быть не должно. Те требования, которые партия пред'являет крестьянам, в первую очередь относятся к членам партии и комсомольцам. Аналогично поступают рабочие коммунисты —они идут во главе социалистического соревнования, повышают производительность труда и т. п., они первыми подписываются на займы индустриализации.

Кулацкие и хвостистские настроения не случайное явление в целом ряде сельских ячеек. В Иркутской губ. в 2-х случаях целые ячейки выступили против мероприятий по хлебозаготовкам, там же было не мало случаев выступлений коммунистов на открытых собраниях против хлебозаготовок. В Новосибирском округе некоторые коммунисты сдавали партийные билеты, не желая расставаться с хлебом. В Мариупольском округе ячейка доказывала, что заготовительный план непосилен, а беднота заявила обратное. В Средне-Волжской области и на Северном Кавказе были случаи, когда коммунисты... упрашивали кулаков продавать излишки хлеба.

Мы не будем подробно перечислять другие формы искривления линии партии в работе на селе, проявления кулацкой идеологии у отдельных коммунистов. Они встречаются почти по всем звеньям работы на селе и в особенности распространены по линии земельных и финансовых органов. Извращение классовой линии при проведении налоговой политики (переобложение бедноты и середняка, недообложение кулачества и т. п.) частое явление. В работе земельных органов все чаще встречаются явления, аналогичные Смоленским. Лишь 5/VIII 1929 г. Вологодский окружком выносит постановление: «Учитывая заявление т. Кузнецова о том, что в округе имеется ряд фактов п е р е д а ч и во владение усадеб, угодий помещикам, попам и фиктивного раздела таковых, предложить фракции Окрисполкома в месячный срок выявить все эти факты и из'ять эти угодья-усадьбы на основе существующего законодательства».

Немало случаев, когда работники земельных органов «столыпинизируют» деревню, насаждают хутора и отруба. Наконец, особенно значительные искривления проявились при перевыборах советов. Тут наблюдались случаи восстановлений лишенцев-кулаков, участия отдельных коммунистов в кулацких собраниях и т. п.

Не везде налажена работа по усилению самостоятельной организации деревенской бедноты в соответствии с решением XVI всесоюзной партконференции. В ряде мест она настолько слаба, что беднота не находится под влиянием ячейки [1]). Впрочем, тут могут быть причины иного порядка — сама ячейка состоит из зажиточной части села. Так в с. Сорокомышив, Ново-Сибирского округа, по вопросу об увеличении самообложения коммунисты постановили: «В виду того, что беднота за нами не идет — бедняцкие собрания не проводить, а провести совещание кулаков, которые имеют влияние на

[1]) Кстати заметим, что отдельные товарищи пытаются сделать отсюда «ультра-левые» выводы о необходимости немедленно перейти к организации союза деревенской бедноты. Нечего доказывать, что под этой левой фразой скрывается троцкистская концепция, отражающая чаяния зажиточной части деревни об организации «крестьянского союза».

селе и через которых можно будет провести самообложение». Неудивительно, что подобная ячейка проводит классово-чуждую линию на практике.

* * *

Чистка рядов партии больше чем своевременна. Проведение в жизнь линии партии по борьбе с правым уклоном и его проявлением в практической работе требует в первую очередь, чтобы партия была очищена от разложившихся в морально-бытовом отношении, от чуждых в классовом отношении элементов, от прямых агентов кулачества в наших рядах. Чистка должна превратиться в боевой смотр работы парторганизаций и членов партии по борьбе с правым уклоном на практике. Она, наконец, должна р е ш и т е л ь н о у д а р и т ь п о о б ы в а т е л ь с к и м э л е м е н т а м в н а ш е й п а р т и и.

Борьба с партийным болотом особенно актуальна в связи с тем, как мы указали, что на данной стадии обыватель с партбилетом проводит на практической работе преимущественно линию правого уклона, капитуляции перед классовым врагом.

Осушка партийного болота методами идеологического и организационного воздействия должна вестись одновременно с еще более усиленной борьбой с правым уклоном от генеральной линии партии. Однако, борьба с партийным болотом требует ясности в подходе к проблеме. Статьи тт. Л. Шацкина, Стэна и др., появившиеся за последнее время в «Комсомольской Правде», на наш взгляд допускают в трактовке проблемы ряд п о л и т и ч е с к и х о ш и б о к, мешающих борьбе с правым уклоном и обывательщиной в рядах партии. К рассмотрению этих ошибок мы и перейдем.

2. Либеральная терпимость к уклонам под флагом борьбы с обывательщиной.

1.

Статья тов. Шацкина по своей в н е ш н е й форме направлена на борьбу с партийным болотом. Однако, за этой внешней формой скрываются мелкобуржуазные рассуждения о партийном обывателе и терпимость к уклонам в рядах партии. Шацкин тенденциозно дезориентирует членов партии по вопросу, какие прослойки членов ВКП являются типичными представителями болота. Он направляет огонь, как мы это увидим, не по партийному обывателю, а по рабочей части партии, по партийным кадрам.

С его точки зрения самый лучший, преданный партиец, закаленный в подполье и на фронтах, не имеющий личной жизни, все отдающий партии,— является обывателем, если у него нет расхождений с партией, хотя бы по «частным» вопросам. Раз у него нет «колебаний в пределах генеральной линии»,—значит, он заражен «микробом идейной трусливости», значит, он «мещанин в политике», партийный обыватель, которого нужно вычищать из партии. Такова логика Шацкина.

В своей статье Шацкин пишет:

«Но есть и другого рода обыватель в нашей партии, понять и разоблачить которого гораздо труднее. Труднее уже хотя бы потому, что многие близорукие люди считают его чуть ли не образцовым коммунистом, идеальным партийцем, примером для молодого поколения. С точки зрения узкой, а потому и неправильно понятой коммунистической этики он ведет себя образцово. Предположим даже (к удовольствию рыцарей «коммунистического» ханжества), что он не пьет, не курит, не ругается и до глубокой старости пребудет девственником. П р е д п о л о ж и м д а л е е, ч т о о н н е з а с т р а х, а з а с о в е с т ь п р е д а н р е в о л ю ц и и, р а б о ч е м у к л а с с у, п а р т и и. У н е г о н е т л и ч н о й ж и з н и, и о н ц е л и к о м о т д а е т с я о б щ е с т в е н н о й р а б о т е.

И все же такая добродетельная личность может стать, и нередко становится, партийным обывателем, даже имея за своей спиной подпольный стаж, каторгу и фронты, если этой личности привит микроб идейной трусливости. Ибо, если и такого обывателя очистить от карикатурных преувеличений, то главной его особенностью является безыдейность, беспринципность»[1]).

Вопиющая противоречивость, надуманность этих рассуждений прямо поражает. В самом деле, как можно пред'являть тягчайшее для партийца обвинение в безыдейности, беспринципности товарищам, вся жизнь которых целиком отдана партии, революции, общественной работе, у которых «нет личной жизни», а «за спиной подпольный стаж, каторга, фронты»?

Зачем понадобилось Шацкину обвинять лучшую часть партийных кадров в «идейной трусливости», зачислять подавляющую часть членов партии в партийное «болото»? Почему он пытается возбудить недоверие к старым кадрам партии?

Основной смысл статьи Шацкина, полной трусливых намеков и недомолвок, заключается в защите «права на сомнение и колебание». Вся статья проникнута духом либеральной терпимости к уклонам, к политическим шатаниям и ошибкам. С точки зрения Шацкина—не надо бояться политических ошибок, это обывательщина, не ошибается только тот, кто ничего не делает.

Теория «права на сомнение и колебание» пропагандировалась и другими товарищами в комсомольской печати. Подобная антиленинская, непартийная теория может принести огромный вред делу большевистского воспитания молодежи, внести путаницу в умы известной части молодых партийцев.

Не даром всесоюзная конференция ленинского комсомола дала решительный отпор этой непартийной «теории».

«Создание особой теории «права на сомнение и колебание»,—говорится в резолюции конференции, — нашедшей свое выражение в ряде статей в комсомольской печати, может принести только вред делу большевистского воспитания молодежи, ибо она способствует проникновению чуждой пролетариату идеологии в ряды комсомола, ведет к либеральной терпимости к уклонам от генеральной линии партии. Такая теория может быть на руку лишь оппозиционным элементам к линии партии» [2]).

Общеизвестны вопли правых уклонистов относительно «пришивания» уклонов, клеветнические измышления правых о «казарменном режиме» в партии.

Недовольство партийным режимом, недовольство «морально-политической обстановкой» в партии сквозит и в статье Шацкина. «... Предварительным условием всякой борьбы с политическим болотом является такая морально-политическая обстановка, такая мобилизация общественного мнения коммунистов, при которой никто не мог бы принимать комобывателя за образцового партийца»,—пишет Шацкин.

По Шацкину, «болото», партийный обыватель «пришивает» уклоны выдержанным партийцам. Но мы уже знаем, что Шацкин зачислил в «болото» лучшую часть партийных кадров и подавляющее большинство партии.

Намеки Шацкина насчет «идейной трусливости», которой якобы заражены партийные кадры, насчет «пришивания» уклонов—совпадают с той злостной критикой партийного режима, которую дают самые махровые правые оппортунисты, исключаемые из рядов партии.

Вот, например, откровения исключенного из партии правого уклониста Танина:

[1]) «Комс. Правда» № 137. Подчеркнуто нами.
[2]) Резолюция VI конференции ВЛКСМ, «Комс. Правда» № 168.

«При нынешнем курсе партиец считается образцовым, если он в течение многих лет никогда не расходился с партией, а между тем, ясно, что это может относиться лишь к одной из следующих категорий: 1) честные, искренние партийцы, но лишенные способности критически мыслить; 2) люди, у которых стремление спокойно жить; 3) просто карьеристы» («Правда» № 177).

Разве нет в этих рассуждениях идейной близости с теми поклепами, которые возводит Шацкин на самых лучших, преданных, самоотверженно работающих, дисциплинированных партийцев?

И Шацкин и Танин образцовым партийцем считают, очевидно, такого, который за время пребывания в партии успел побывать во всех уклонах, расходился и расходится с партией, хотя бы по «частным» вопросам. Это, ведь, признак «способности критически мыслить», «идейных дерзаний». Такой партиец уж наверняка не «заражен микробом идейной трусливости».

Шацкин принципиально неверно ставит вопрос о борьбе с обывательщиной в рядах партии, вносит вреднейшую путаницу в этот вопрос.

Он зачислил в «обывателей», в «болото» чуть ли не подавляющее большинство партии, в том числе лучших, преданных партийцев, а борьбу с правым уклоном подменяет борьбой с обывательщиной, с «болотом». По Шацкину выходит, что «болото» в партии может сыграть в нашей революции такую же роль, как «болото» в Конвенте времен Великой французской революции. Отсюда, чтобы избежать судьбы Конвента, открывай огонь по главной опасности—партийному обывателю. По Шацкину выходит, что главная опасность в партии на данном этапе не правый уклон, а «болото» [1]).

Эта грубая политическая ошибка Шацкина совпадает с ошибкой, допущенной некоторыми комсомольскими работниками, которые пытались подменить фронт борьбы с правым уклоном—борьбой с «делячеством».

Шацкин очень прозрачно намекает, что в партии, мол, проводится линия на «мирное сожительство» с «болотом», что партия борется с правой опасностью в блоке, в союзе с «болотом», притом борется непоследовательно...

Шацкин изображает якобы распространенный в партии тип «реального политика», которому приписывает следующие рассуждения:

«В хорошем хозяйстве всегда веревка пригодится. Конечно, партобыватели не идеал большевиков, хотя, с другой стороны, не следует преувеличивать их недостатков. Но в настоящее время надо все силы концентрировать против правых. А люди, которых вы называете обывателями, голосуют против правых. Зачем же создавать себе врагов, а правым—друзей? Не время теперь для размежевания с болотом, нельзя открывать нового фронта. Сначала преодолеем правую опасность, а потом займемся расчисткой мусора. Выносить его сейчас из избы тактически неумно».

И дальше Шацкин поучает партию:

«Нельзя до конца последовательно бороться с правой опасностью в союзе с болотом...».

«Нужна прямая, активная борьба против обывательского разврата в партии, основатель и вождь которой никого так не презирал, как обывателя» [2]).

В замаскированной форме Шацкин перепевает старые троцкистские мотивы о «центризме» партийного руководства. В этом вся соль тезиса о «союзе с болотом», о линии на «мирное сожительство с болотом», намеков Шацкина на непоследовательную борьбу с правой опасностью.

[1]) Мы не говорим о полной теоретической неграмотности этого сравнения.
[2]) Подчеркнуто нами.

Посеять недоверие к партийному руководству, к партийным кадрам,— таков об'ективный смысл статьи Шацкина.

С поистине хлестаковской развязностью Шацкин выступает перед комсомольской аудиторией в роли спасителя партии, в роли застрельщика борьбы против «обывательского разврата» (в политике), который, якобы, процветает в партии...

II.

Клеветнический характер раскиданных в статье Шацкина намеков усиливается тем обстоятельством, что он совершенно умалчивает о борьбе с обывательщиной, с элементами разложения, с «болотными» настроениями, которую проводит партия. Шацкин, очевидно, не замечает этой борьбы, или не хочет ее замечать.

Шацкин умалчивает также совершенно об идейно-политическом росте партии.

Партия напрягает все свои силы, мобилизует активность рабочего класса для преодоления трудностей. Партия проводит беспощадную борьбу с элементами разложения, бытового загнивания, с бюрократизмом, с болезнями советского, профсоюзного аппарата. Все шире развертывается самокритика в печати, на рабочих собраниях. Партия проводит твердый курс на развитие внутрипартийной демократии. Наконец, идет генеральная проверка партийных рядов, проверка активности каждого члена партии.

Все это Шацкин игнорирует.

Непримиримая борьба партии с уклонами от генеральной линии заставляет встряхнуться, подумать над принципиальными вопросами даже те плывущие по течению, равнодушные к вопросам партийной политики элементы, которые заслуживают эпитет «партийного болота».

Лучшая часть этого «болота», в результате непримиримой борьбы партии с уклонами от партийной линии—воспитывалась партией, приобщалась к активной партийной жизни.

Время от времени происходит накопление пассивных, безразличных к партийной политике, теряющих революционную перспективу элементов. Партия борется с накоплением этих элементов «болота», путем беспощадного разоблачения оппортунистических колебаний как в теории, так и в практической работе.

Партия воспитывает и закаляет свои кадры, воспитывает всю массу членов партии в борьбе за проведение классовой линии.

Шацкин не хочет понять, что решительная борьба с правым уклоном, в том числе и с его проявлениями в практической работе, является одновременно борьбой с «болотными» настроениями, которые на данной стадии питают преимущественно правый уклон, переплетаются сплошь и рядом с правым уклоном в практической работе.

Именно поэтому надо заострять внимание партии на борьбе с правым уклоном, с его проявлениями в практической работе. Именно в целях борьбы с «болотом» нужно решительно бороться с пропагандой либеральной терпимости к уклонам, с теориями, возводящими в партийную добродетель «сомнения и колебания»,—хотя бы по «частным» вопросам, и «в пределах» генеральной линии.

За крикливыми рассуждениями Шацкина об обывательщине скрывается полное пренебрежение к железной большевистской дисциплине.

Как известно, мелкий буржуа может впасть иногда в крайнюю революционность, но «не способен проявить выдержки, организованности, дисциплины, стойкости» (Ленин). Ничто так не претит социальной природе мелкого собственника, как дисциплина.

Мелкобуржуазный радикализм Шацкина, пропаганда терпимости к уклонам, содержащаяся в его статье, во-первых, только на руку правым уклонистам, которые все время подобно Шацкину кричат о «пришивании» уклонов, а, во-вторых, открывает дорогу троцкистским настроениям, троцкистским рецидивам в партии.

Об'ективные условия, обстановка реконструктивного периода в гораздо меньшей степени создают предпосылки для накопления элементов «болота» в партии, чем, например, об'ективные условия восстановительного периода.

Все более усиливающийся темп работы дает гораздо меньше возможностей партийцам «успокаиваться», покрываться плесенью обывательщины.

Обострение классовой борьбы, международная обстановка, трудности социалистического строительства, гигантский размах строительной работы, рост активности рабочего класса, активности крестьянства, общее усложнение задач и повышение ответственности партийца,—все эти обстоятельства пред'являют большие требования к партийным кадрам, ко всей партии, к каждому партийцу.

Мы вступили в такой период борьбы за социализм, когда каждый партиец самым ближайшим и непосредственным образом должен участвовать в социалистическом строительстве. Сейчас партиец проверяется не только голосованием на собраниях, но и практическим проведением партийных решений. Вопросы социалистического строительства перестали быть отвлеченными вопросами,—все более они вплетаются в личную жизнь партийца.

Коммунист должен подавать пример беспартийным рабочим и крестьянам, должен нести известные материальные жертвы в интересах социалистического строительства. Деревенский коммунист проверяется в огне классовой борьбы, которая развертывается на селе, проверяется своим участием в колхозном строительстве, в сдаче хлеба государству и т. д. Социалистическое соревнование, поднятие производительности труда, систематическое участие в займах индустриализации, практическая повседневная работа по проведению в жизнь решений партии,—на этих вопросах проверяется партиец в городе.

Организационная политика партии, работа по повышению теоретического уровня,—все это увеличивает монолитность пролетарской партии.

Регулирование социального состава является одним из важнейших методов укрепления боеспособности партии и, вместе с тем, очищения от «болотных» элементов.

Социальной базой «болота», болотных настроений являются определенные прослойки в составе партии—служилый элемент, крестьянство. Давление госаппарата на партийцев приводит сплошь и рядом к перерождению отдельных клеточек и звеньев партийного организма.

«Не следует забывать,—указывает тов. Сталин в политотчете ЦК на XV с'езде ВКП(б),—что во всякой большой партии, особенно в такой партии, как наша, которая стоит у власти, и где имеется известная часть крестьян и служилого элемента, накапливаются в течение известного времени известные индиферентные, равнодушные к вопросам партийной практики элементы, голосующие закрыв глаза и плывущие по течению. Наличие большого количества таких элементов есть зло, с которым надо бороться. Эти элементы составляют болото нашей партии [1]).

[1]) Стенографическ. отчет XV с'езда ВКП(б), стр. 73

Социальный состав партии за годы нэпа коренным образом изменился в сторону усиления пролетарского ядра. В период партийной чистки 1921 г. рабочие составляли в партии немного больше одной трети—37,3%, а остальное приходилось на долю крестьян, служащих и прочих.

На 1 января 1929 г. рабочие составляют в партии 62,4% (вместе с рабочими - коммунистами в Красной армии); крестьяне (вместе с коммунистами Красной армии)—около 21%; служащие (вместе с Красной армией)—15,6% и прочие—1,3%.

Другими словами, рабочие составляют в партии около ⅔, все остальные прослойки—около одной трети. Соотношение как раз обратное тому, которое имело место в период чистки 1921 г. [1]).

Если взять распределение по роду занятий, то соотношение будет менее благоприятное. Всего в партии насчитывалось на 1 января 1929 г. 1.436.160 членов и кандидатов. Из них: рабочих от станка—42,3%, батраков и с.-х. рабочих—2%, крестьян—12,8%, служащих и прочих—42,9%. Значительная часть рабочих по социальному положению превратилась в служащих по роду занятий.

Повышение удельного веса в партии группы рабочих от станка происходит довольно медленно. До сих пор еще не выполнена директива XIII с'езда партии — «добиваться, чтобы в партии было больше половины ее состава рабочих от станка».

Следующие данные показывают, как за последние годы повышается удельный вес в составе партии рабочих на производстве:

% рабочих на производстве в составе партии.

На 1/I 1924 года	15,8
» 1/VI 1924 »	42,3
» 1/VII 1926 »	33,6
» 1/VII 1928 »	40,6
» 1/I 1929 »	42,3

Проблема регулирования социального состава представляет значительные трудности, требует пристального внимания партийных организаций. До сих пор мы имели значительный процент отсева рабочих, вступивших в партию; большинство добровольно выходящих из партии и механически выбывших составляют рабочие.

Недостаточно тщательный отбор при приеме в партию, недостаточное внимание к вступившим в партию рабочим, неумение втянуть их в партийную жизнь, в круг партийных интересов, явления разложения в отдельных организациях, искривления классовой линии в практической работе, зажим самокритики, — все это является причинами отсева рабочих, вступивших в партию. В одной из организаций имел место характерный факт, когда пьянство и разложение секретаря ячейки привело к выходу из партии около 100 рабочих. Но лишь только его вычистили из партии — эти рабочие снова вступили в партию.

Партийная чистка 1929 г. должна еще более усилить роль пролетарского ядра в партии, как за счет очистки от непролетарских мелкобуржуазных элементов, так и за счет привлечения в нее лучших, наиболее стойких пролетариев.

Партия систематически очищает свои ряды от чуждых, искажающих классовую линию, непролетарских элементов, от шкурников, примазавшихся и разложившихся.

Если взять итоги чистки 1921 г. и последующих отдельных проверок, а также итоги систематической работы контрольных комиссий, то всего

[1]) Доклад тов. Ярославского на XVI всесоюзн. партконфер., «Правда» № 102.

с 1921 г. по 1 июня 1928 г. было исключено и выбыло из партии 435.075 человек [1]).

Систематическая очистка партийных рядов уменьшает в партии наличие элементов «болота». В самом деле, подавляющая часть тех, которые исключены за различные проступки, или тех, которые добровольно выходят из партии, — как раз представляет собой элементы, равнодушные к партийной жизни, неустойчивые в политическом отношении.

Очищая свои ряды, вбирая в себя лучшие элементы рабочего класса и воспитывая их, партия становится все более однородной по составу, укрепляя тем самым свою боеспособность.

И прямо чудовищным поклепом на партию, на партийное руководство являются намеки относительно того, что «болото» может стать большинством в партии, что «болото» в нашей партии может сыграть такую же роль, как «болото» в Конвенте в период Великой французской революции. (Шацкин).

В основе подобных рассуждений лежит (осознанное или не осознанное) отрицание монолитности, однородности нашей пролетарской партии, отрицание монолитности партийного руководства.

Одним из важнейших средств борьбы с элементами обывательщины, «болота» в партии является усиление теоретической подготовки партийных кадров, повышение уровня политической подготовки всей партии.

Партийный обыватель характеризуется полным пренебрежением к революционной теории. С точки зрения обывателя разногласия в партии возникают благодаря персональным качествам вождей. Партийный обыватель берет в политических вопросах не линию, не вопросы идейно-политической борьбы, а «лиц» и их взаимоотношения. Он ставит вопрос не о правильности той или другой политической линии, а о том, как примирить, или почему не могут сработаться такие-то.

Обыватель не хочет вникнуть в социально-экономические корни, из которых возникают уклоны и шатания в партии.

Если раньше внутрипартийные дискуссии заставляли многих партийцев в «пожарном» порядке, в порядке встряски заняться ознакомлением с тем или иным теоретическим вопросом,—теперь теоретическая подготовка партийного актива должна принять (и принимает уже в известной мере) все более систематический характер. Это бьет по обывательским настроениям в партии.

Орграспредом ЦК ВКП(б) разработаны данные о составе руководящих работников партийных комитетов (секретарей, заворгов, завагитпропов, председателей исполкомов, советов профсоюзов). Разработка охватывает всего 1.180 работников, от членов ЦК нацкомпартий до окружкомов. Представляют значительный интерес сведения о партийно-политическом образовании этих работников:

Партийно-политическое образование руководящих партийных кадров.

Группы работников.	Всего работников.	Из них % окончивших комвузы.
1. Секретари ПК	257	19,2
2. Заворги ПК	232	22,3
3. Зав. АПО ПК	233	28,8
4. Предс. исполкомов	240	3,2
5. Предс. СПС	221	6,1

[1]) «Правда» № 102, доклад тов. Ярославского.

Наличие в составе руководящих партийных кадров довольно заметной прослойки товарищей, получивших систематическую теоретическую подготовку (окончивших комвуз)—является весьма положительным признаком. Этот признак говорит, насколько беспочвенными являются попытки некоторых зараженных интеллигентским самомнением «теоретиков» огульно заподозривать партийные кадры в теоретической неграмотности, в пренебрежении к теории, в узколобом практицизме.

На этот путь обвинений партии, партийных кадров в пренебрежении к теории, в «ползучем эмпиризме», в «ожирении» теоретической мысли стал, например, тов. Стэн в своей статье «Выше коммунистическое знамя марксизма-ленинизма» [1]).

Он довольно недвусмысленно пишет о признаках «поглупения» коллективного теоретического разума партии, беря под сомнение способность партии и ее руководящих органов находить по-ленински центральное «звено» в политике, предвидеть события и своевременно на них реагировать.

Поэтому он обращается к комсомолу с лозунгом—на собственном опыте проверять генеральную линию партии. Стэн пишет: «Каждый комсомолец должен на своем опыте прорабатывать серьезно все вопросы, и таким путем убеждаться в правильности генеральной линии нашей партии». Скрытое недоверие к коллективному опыту партии сквозит также в призыве Стэна к комсомольцам: «вооружившись теоретически, обезопасить себя от всяких неожиданностей в политике, всегда существующих для ползучих эмпириков».

Коллективный опыт, коллективный теоретический разум партии выражается в партийных решениях. В сложных условиях реконструктивного периода, в условиях нарастания новой волны мирового революционного движения, партия дает принципиальное, теоретическое обоснование своей линии, пользуясь оружием марксистско-ленинской теории, богатейшим идейно-политическим наследством Ленина, ленинским методом.

Партийные решения содержат ряд важнейших теоретических положений, освещающих революционный путь партии и рабочего класса.

Только люди, расходящиеся с генеральной линией партии, неудовлетворенные линией партии, могут в той или иной форме утверждать, что партия идет «вслепую», без перспектив, зигзагами (так, кстати заметим, говорили и троцкисты в своей платформе).

Выступление тов. Стэна, близкое по духу к подобным утверждениям,—на руку правым уклонистам и, вместе с тем, оно открывает дорогу для рецидивов троцкистских настроений в партии.

Приведенные выше цифры о партийно-политическом образовании руководящих кадров, разумеется, не дают оснований считать достаточным достигнутый уровень теоретической подготовки партийных кадров.

Особенно отстает, как мы видели, теоретическая подготовка советских и профсоюзных работников. Это отставание создает кое-где предпосылки для деляческих настроений, для правых ошибок в практической работе.

Но оторвать местных работников на несколько лет для учебы в комвузе, на курсах марксизма,—дело довольно трудное. Есть и другие, более доступные пути повышения теоретической подготовки. За последние годы огромное значение получили летние курсы партийного актива. На 2—3 месяца партиец освобождается от практической работы и получает возможность вплотную «засесть» за Ленина, начинает учиться самостоятельно читать и разбираться в «Капитале» и других первоисточниках марксистской мысли. Опыт летних курсов показывает, что партийцы с исключительной добросовестностью отдаются теоретическим занятиям, с огромным напором преодолевая неизбежные на первых порах трудности.

[1]) «Комсомольская Правда», № 169.

Результаты работы летних курсов начинают систематически закрепляться организацией постоянной консультации по теоретическим вопросам. Все большее значение приобретает система самообразования партийного актива, система заочного обучения, консультации по теоретическим вопросам, которая организуется вокруг Института Красной Профессуры, курсов марксизма при Комакадемии, комвузов, совпартшкол.

Соединение практической работы хотя бы с минимумом теоретических занятий — все более становится неотложной необходимостью для партийца. И эта необходимость уже осознана членами партии, за исключением неисправимых обывателей, аполитичных, относящихся безразлично к вопросам партийной политики и революционной теории.

Правда, не приходится закрывать глаза и на то обстоятельство, что даже товарищи, настойчиво стремящиеся к пополнению своих знаний, часто настолько перегружены практической работой, «заседательской суетней», что у них не остается времени для чтения.

Ряд постановлений о выделении в распоряжение партийцев минимум одного—двух вечеров в неделю для теоретической подготовки,—до сих пор в большинстве случаев остается на бумаге.

Поэтому, со всей настойчивостью следует ставить вопрос об усилении теоретической подготовки партийного актива, чтобы за счет рационализации партийно-советской работы могло быть реально выделено, «забронировано» необходимое для этого время.

Борьба с правым уклоном и его проявлениями в практической повседневной работе, как главной опасностью в партии на данном этапе; борьба с рецидивами троцкистских настроений, с «левыми» загибами; наконец, беспощадное разоблачение партийного обывателя,—все это требует еще более усиленного внимания к вопросам повышения теоретической подготовки членов партии.

3. Некоторые итоги и выводы.

В настоящей статье мы сосредоточили внимание на искривлениях партийной линии в практической работе, на отрицательных явлениях в жизни партии. Мы почти не касались огромных положительных сдвигов в деле социалистического строительства, огромного идейно-политического роста партии.

Партия со всей решительностью вскрывает различные язвы и гнойники, явления перерождения отдельных клеточек партийного организма, искривления классовой линии, беспощадно бьет по конкретным проявлениям оппортунизма в практической работе.

На уроках Астрахани, Баку, на ошибках профсоюзов, на целом ряде других конкретных примеров разоблачения оппортунистических уклонов, правых ошибок в практической работе учатся все организации, все члены партии.

Своеобразие данного этапа борьбы с правым уклоном в партии заключается в том, что особо важное значение приобретает борьба с конкретными проявлениями правого уклона в практической, повседневной работе, проверка проведения в жизнь партийной линии, партийных директив. Однако, это ни в какой мере не должно ослаблять идеологического разоблачения правого уклона.

Смелое, безбоязненное развертывание самокритики, проверка исполнения партийных директив не только сверху, но и снизу являются важ-

нейшим средством борьбы с правым уклоном в практической работе. Зажим самокритики—излюбленный метод самозащиты бюрократических, оппортунистических элементов.

Ударяя со всей силой по правому уклону в практической работе, одновременно партия борется с элементами «болота», с обывательским безразличием к принципиальным политическим вопросам, с узколобым делячеством, предающим классовую линию (Астрахань), наконец, с элементами обывательской пассивности, мирящейся подчас с любыми безобразиями, которые творятся под носом.

Вместе с тем, партия дает отпор и тем героям «левой» фразы, зараженным комчванством и «революционным» пустозвонством, которые пренебрежительно относятся к лозунгу Ленина о практичности и деловитости в работе, которые смешивают революционную классово-целеустремленную деловитость с «делячеством».

Чистка партии до последнего времени еще не везде вылилась в смотр повседневной работы партийных ячеек, в проверку проведения генеральной линии. Мы имеем факты, когда вопиющие искажения классовой и партийной линии вскрывались уже после проверки, когда приходилось назначать вторую проверку отдельных ячеек, отдельных партийцев.

Актуальнейшей задачей партийной чистки является изгнать из партии тех, кто на деле перешел в ряды буржуазии, кто защищает интересы кулака, выгнать из партии разложившийся элемент,—прямой резерв союзников нэпманов и кулачества. Однако, от этих прямых защитников буржуазных интересов, прямых пособников буржуазии, мы сможем освободиться сравнительно легко. Они слишком заметны. Гораздо труднее разоблачить тех, которые на словах стоят за линию партии, голосуют за партийные резолюции, даже иногда не прочь удариться в «левизну»,—а на деле проводят архиправую линию.

События в Смоленске, Астрахани, Баку, в целом ряде отдельных ячеек, показывают, что в наших советских учреждениях, в наших деревенских ячейках есть много голосующих за линию партии, а на деле проводящих антипартийную линию. Именно здесь наибольшие возможности соприкосновения с интересами кулацко-нэпманских слоев, здесь больше возможностей к такому перерождению, а потому в этих ячейках наибольшее количество фактов прямой смычки с частником и кулаком.

Вычистить прямых проводников интересов кулацко-нэпманских слоев, скрытых правых, разложившихся, исправить ошибки честных, но недостачно устойчивых и подготовленных товарищей, научить их твердо проводить классовую линию, — такова должна быть задача партийной чистки. Партийная чистка поможет партии еще более усилить свою боеспособность, еще более укрепить свои связи с массами, поможет пополнить свои ряды за счет наиболее активных, стойких пролетариев.

Огромное значение в борьбе с правым уклоном в практической работе, в борьбе за проведение партийной линии в повседневной работе наших учреждений приобретает чистка госаппарата. Основным недостатком чистки госаппарата является то обстоятельство, что сосредоточивается слишком большое внимание на формальных моментах пригодности проверяемых в госаппарате. Чистится только явно враждебный нам, вредительский элемент. Проверка существа работы проверяемых почти не проводится. В этом ошибки партийной и беспартийной общественности в наших советских учреждениях.

Развертывающуюся чистку советского аппарата необходимо направить в первую очередь по руслу массовой проверки, насколько наш советский аппарат в своей повседневной практике проводит в жизнь решения партии, насколько он по своему составу стоит на высоте тех великих задач, которые выдвигаются перед рабочим классом,—вот основная задача чистки.

Смоленские, астраханские дела, сведения о составе земельных органов в ряде других губерний со всей очевидностью подтверждают, что в советский аппарат в значительной мере проникает классово-чуждый элемент.

Хотя руководящие кадры, верхушка советского аппарата состоят из людей, проверенных партией,—это еще не гарантирует от извращений линии партии в повседневной работе советского аппарата. Дело в том, что исполнительное звено, среднее звено советского аппарата часто работает против нас, оказывает сопротивление проведению партийной линии. Чистка госаппарата и должна выявить, насколько состав этого среднего звена соответствует поставленным задачам.

На ряду с процессом прохождения чистки соваппарата необходимо решительно поднять встречную волну выдвиженчества рабочих. Необходимо использовать чистку в целях орабочения нашего госаппарата, в целях приближения его к массам, в целях улучшения его работы вообще и, прежде всего, по линии обеспечения действительного проведения партийных директив.

Эти два важнейшие мероприятия—чистка партии и чистка госаппарата,—несомненно должны сыграть решающую роль в деле борьбы с проявлениями правого уклона в практике, в деле рассасывания «болота» в партии. Однако, параллельно этим двум мероприятиям, необходимо развернуть работу по укреплению наиболее слабых в этом отношении участков достаточно выдержанными и подготовленными силами. Задача укрепления кадров деревенских парторганизаций и задача укрепления исполнительных кадров в важнейших звеньях госаппарата,—является важнейшей задачей. Партия за последние годы много сделала для укрепления деревни работниками; из пролетарских центров в деревню двинуты тысячи людей. Однако, в сравнении с потребностями это является каплей в море. Нужно пополнение деревни работниками продолжать систематически изо дня в день. В первую голову это задача всех промышленных парторганизаций.

Необходимо создать вокруг посылки на работу в деревню такое партийное общественное мнение, что работа в деревне является почетным назначением для партийца.

Выдвижение в госаппарат рабочих, выдвижение молодых специалистов и молодежи вообще является средством действительно овладеть средним звеном советского аппарата и тем самым создать известные гарантии против искажений классовой партийной линии.

Наконец, важнейшей задачей в цепи задач, направленных к борьбе с правым уклоном и с примиренческим отношением к нему является овладение революционной теорией все более широкими кадрами партии. Партия укрепляет свою боевую мощь, увеличивает свою монолитность путем повышения идейно-политического уровня своих рядов.

Рост идейно-политического уровня всей партии, рост теоретической подготовки партийного актива за последние годы совершенно очевиден. Но на этом нельзя успокаиваться. Все возрастающая сложность задач, обстановки реконструктивного периода требует еще большего усиления теоретической подготовки партийцев.

Каждый день выполнения «плана великих работ»—пятилетки, каждый день упорной борьбы за «создание новой общественной связи, новой трудовой дисциплины, новой организации труда, соединяющей последнее слово науки и капиталистической техники с массовым об'единением сознательных работников, творящих крупное социалистическое производство» (Ленин)—ослабляет социально-экономические корни правой опасности.

Пусть правые оппортунисты и страдающие «левыми загибами» фразеры говорят об окостенении, об «ожирении» партийной мысли.

Партия делает все, чтобы усилить темп социалистической индустриализации, вопреки паникерам и рутинерам, вопреки подчас сопротивлению известных звеньев госаппарата, изыскивает новые резервы, новые источники индустриализации (социалистическое соревнование, непрерывная производственная неделя). Партия строит крупное социалистическое земледелие, преодолевая бешеное сопротивление капиталистических элементов деревни.

Партия, руководящий авангард рабочего класса, мобилизует силы рабочего класса для преодоления трудностей, партия заражает рабочий класс «самым длительным, самым упорным, самым трудным героизмом массовой и будничной работы» (Ленин).

И в этом залог победы социализма.

В. Фейгин.

Об эволюции крестьянина в домашнего рабочего социалистич. промышленности.

Глубокие преобразования в экономике советских стран кладут начало изменения классовых типов основных масс крестьянства. Огромные массы бедняцко-середняцких слоев крестьян коллективизируют свою производственную и торговую деятельность, часть превращается в наемных рабочих социалистических фабрик, заводов и совхозов, и, наконец, значительная масса крестьян превращается в домашних рабочих социалистической промышленности. Но если анализу вопроса о превращении крестьян в наемных рабочих и в кооперированные группы посвящено достаточно большое внимание, то вопрос о превращении крестьян в домашних рабочих социалистической промышленности остается совершенно неосвещенным. А между тем процесс превращения значительных масс бедняцко-середняцкого населения деревни в домашних рабочих приобретает огромный размах и вызывает значительное изменение в соотношении и расстановке классовых сил.

Домашний рабочий крупной промышленности это такой тип производителя, который работает не в общей мастерской, а у себя на дому и не на рынок, а на заказ крупной промышленности и который получает сырье, а иногда и основные средства производства от заказчика.

Исходя из этого определения Ленин, анализируя кустарные промыслы Горбатовского уезда Нижегородской губ., различал три типа кустарей .

«35,6% кустарей работают на базар; 46,7% на хозяина и 17,7% состоят в наемниках. Таким образом, мы видим и здесь преобладание домашней системы крупного производства, преобладание таких отношений, когда труд порабощен капиталу» [1]).

Вторую категорию кустарей, работающих на хозяина, но не в общей мастерской, а у себя на дому на заказ, Ленин квалифицировал домашними рабочими крупной промышленности.

Кустари этого типа не являются товаропроизводителями, но вместе с тем они еще не превратились в пролетариев, работающих в общей мастерской и окончательно отделенных от своих средств производства.

Они работают у себя на дому на заказчика и за плату, которая представляет собой сдельную заработную плату.

Но скупщик, выполняя функцию посредника между домашним рабочим и рынком, становился организатором производства разрозненных рабочих домашней системы промышленности. Скупщик являлся организатором разделения труда между мастерскими домашних рабочих, выполнял функции браковщика, ассортиментщика производимой продукции и пр. Самостоятельный кустарь-производитель превращался в домашнего рабочего крупной промышленности.

---

[1]) **Ленин, том I, стр. 120, изд. 2.**

Таких домашних рабочих сохранилось большое количество и до настоящего времени. Но. если в условиях капитализма такой тип производителя является домашним рабочим капиталистической промышленности, то в условиях диктатуры пролетариата, когда основная промышленность принадлежит пролетарскому государству, такой тип производителя в том случае, если он работает на заказ фабрики последовательно-социалистического типа, является домашним рабочим социалистической промышленности.

Это относится не только к кустарям, но и к крестьянам-земледельцам.

Ленин на этот вопрос отвечал следующим образом:

«... Мелкий товаропроизводитель-земледелец более походит на мелкого товаропроизводителя-неземледельца, чем на земледельца-ремесленника... Точно так же работающий на скупщика земледелец более походит на неземледельца, работающего на скупщика,... чем на земледельца-ремесленника» [1]).

Если земледелец. подобно кустарю, работает на заказ, то, в условиях капитализма. он является домашним рабочим капиталистической промышленности, если он работает в условиях диктатуры пролетариата на заказ социалистической или кооперативной промышленности, он, следовательно, является их домашним рабочим.

До сих пор нельзя было говорить о сколько-нибудь серьезных изменениях в формах оборота между городом и деревней

Оборот происходил исключительно на основе рыночных отношений, а, следовательно, крестьянин, не только кулак, но бедняк и середняк являлись, в той или иной мере, товаропроизводителями. Они, несомненно, остаются в основном товаропроизводителями и теперь, но на ряду с производством товаров, значительные массы бедняцко-середняцких слоев деревни, начинают работать на заказ. Начало этому положено системой контрактации.

Контрактация по существу обозначает нерыночный оборот между городом и деревней. Социалистическая промышленность непосредственно или через кооперативного агента вступает в договорные отношения с массами крестьянства. Эти договора направлены к тому, чтобы продукция, производимая в мелком крестьянском хозяйстве, передавалась по цене, определяемой государством, непосредственно заготовительным организациям. В свою очередь государство выполняет функции поставщика средств производства — иногда только отдельных элементов их—посевного материала и пр., а иногда, в зависимости от характера договора, крестьянину предоставляются все элементы средств производства и денежные ссуды. Таким образом, крестьянин начинает работать на заказ, получая средства производства и кредит от заказчика и сдавая заказчику по условленной цене. произведенную продукцию.

Если предположить такой идеальный тип контрактации, при котором вся торговая деятельность крестьянина была бы законтрактована, то при этих условиях последний перестал бы быть товаропроизводителем. Он стал бы домашним рабочим социалистической промышленности, работая не на рынок, а на заказ.

В настоящее время контрактация охватила еще не все стороны торговой деятельности той части крестьянства, которая вступила с социалистической промышленностью на путь договорных отношений. Но роль контрактации все возрастает, сфера ее влияния все больше расширяется, а. следовательно, нельзя не видеть в этом процессе двух тенденций: во-первых, тенденции к изменению классового типа крестьянина-бедняка и середняка в сторону превращения его в домашнего рабочего социалистической промышленности и, во-вторых, тенденции к уменьшению роли рыночных отношений. Сначала остановимся на первом вопросе.

[1]) Ленин, том II, стр. 260, изд. 2-е.

Договоры между массами крестьянства и социалистической промышленностью бывают двух типов. Первый тип договора, который осуществлен совхозом им. Шевченко, основан на том, что социалистическое предприятие становится для крестьян энергетической базой, агрономическим центром, школой обучения управлению усовершенствованными машинами и проч. Полеводственные работы производятся при этих условиях энергетической базой, средства производства противопоставляют в данном случае крестьянину как ему не принадлежащие. Со своей стороны крестьянин обязуется часть произведенной им продукции передать по установленной цене государству. Взамен этого заказчик дает ему средства производства не в постоянное пользование, а лишь на срок, снабжает семенами, обслуживает агрономически и пр.

Но применение усовершенствованных машин возможно лишь при изменении организации производства. Поэтому типовой договор Украинского об'единения совхозов содержит два главнейших пункта. Об'единение совхозов берет на себя задачу вспашки, обработки почвы, боронования озими, уборки, возки снопов к молотилке, молотьбы хлебов, обучения крестьян управлению машинами, посева площади чистосортными семенами и пр.

Но, с другой стороны, договор предусматривает уничтожение межевых перегородок, установление севооборота об'единением совхозов совместно с уполномоченными от крестьян, безусловное выполнение крестьянами всех требований агронома и механика, подчинение инструкции об организации рабочей силы и пр.

При этих условиях предприятие последовательно-социалистического типа, каким является совхоз Шевченко, становится не только организатором торговой деятельности крестьян, но и организатором их производства.

Энергетическая база берет на себя выполнение всех работ в сфере полеводства, ставя условием обобществление производства. Рамки индивидуальных хозяйств при этих условиях в значительной мере ломаются, изменяется севооборот, изменяется характер землеустроительных работ и пр.

Таким образом, предприятие последовательно-социалистического типа становится организатором торговой и производственной деятельности крестьян, а крестьяне постепенно освобождаются от необходимости работать на рынок.

Когда контрактация основана на этом принципе, следствием ее является обобществление крестьянских хозяйств. Но вместе с тем крестьяне не теряют еще своей индивидуальной самостоятельности.

Что собой представляет при этих условиях классовый тип крестьянина? Это—не кооперированный крестьянин, ибо кооперация предполагает наличие кооперативной собственности на средства производства. В данном же случае средства производства противостоят основным массам крестьянства как им не принадлежащие, чо принадлежащие государственной энергетической базе. При этих условиях крестьянин эволюционирует в сторону превращения в домашнего рабочего социалистической промышленности.

Об этом свидетельствует не только тот факт, что крестьянин начинает работать на заказ, но и то, что он фактически получает не цену за произведенный продукт, а лишь сдельную заработную плату.

Что собой представляет плата за хлеб, получаемая крестьянином при условии, когда ему дается посевной материал, искусственные удобрения и орудия производства? В эту плату уже не входит та часть стоимости средств производства, которая переносится на произведенный продукт. Следовательно, она представляет плату за рабочую силу. Подобно тому как кустарь, работающий на заказ, получает сдельную заработную плату, подобно этому земледелец, работающий на заказ крупной промышленности, превращается в домашнего рабочего и получает также сдельную плату, имеющую

видимость цены за произведенный товар, но являющейся в действительности ценой за проданную рабочую силу.

Правда, и при том условии, когда энергетическая база завладевает производственными и торговыми функциями основных масс крестьянства, остается еще много уголков, благодаря которым крестьяне продолжают частично оставаться товаропроизводителями.

В районе совхоза Шевченко крестьяне, после того как в полеводственной деятельности роль их свелась лишь к роли рабочей силы, приступили к огородничеству, садоводству и пр. Но такое положение не вносит никакого принципиального изменения в тот неоспоримый факт, что классовое лицо основных масс крестьянства постепенно меняется.

Недостаточный охват производственной деятельности крестьян свидетельствует лишь о том, что энергетическая база не обладает еще полным комплексом средств производства для того, чтобы овладеть всеми сторонами сельскохозяйственной деятельности крестьянина.

Только это является причиной того, что некоторые сферы деятельности крестьянина покоятся, даже в поле действия машино-тракторной станции, на примитивном ручном труде.

Правда, некоторые «знатоки и теоретики» сельского хозяйства об'ясняют это явление другими причинами. Они считают, что моторизация сельского хозяйства невозможна вообще, а тем более производства так называемых интенсивных культур.

«В этих отраслях,—писал проф. Бруцкус,—значение машин минимальное, значение внимательного любовного труда наибольшее. Преобладание крупного хозяйства является в таких условиях тормозом для поднятия сельского хозяйства на высший уровень» [1]).

Известный французский деятель в области сельской электрификации А. Делямарр, очень смелый в намечении перспектив на грядущие столетия, но робкий, как и все представители мелкобуржуазной идеологии, когда наступает процесс ломки старых форм и хозяйственных укладов, пишет о том, что «желание упразднить рабочих животных на ферме с заменой их механическими двигателями это утопия».

Такую же отходную моторизации сельского хозяйства пел в 1928 г. крупнейший сельскохозяйственный деятель Англии Кин и директор Ротамстедской станции Руссель. «Без сомнения,—писал он,—трактор не может заменить лошади, но он может пополнить рабочую силу в хозяйстве, где ее нехватает» [2]).

Германский «теоретик» лошадиной силы Фриц Брутшке пишет следующее: «Ни один разумный сельский хозяин не оставит своих лошадей незанятыми для того, чтобы производить полевые работы при помощи машин» [3]).

Однако, не только сферы производства экстенсивных культур, но и сферы производства интенсивных культур могут быть, при данном уровне развития производительных сил, полностью моторизированы.

В 1925 году появились тракторы, приспособленные к хождению по междурядьям и над растениями, появились кукурузные, хлопковые и каучуковые сеялки и культиваторы, появились рассадочные машины, которые производят железными лапками рассаду растений бережней и тщательней, чем это может сделать человек своей рукой.

Трудоинтенсивные сферы производства перестают быть трудоинтенсивными. Роль человека на индустриализированных хлопковых, рисовых,

---

[1]) Проф. Б. Д. Бруцкус, Экономия сельского хозяйства.
[2]) The Implement and Machinary Review. Febr. 1928.
[3]) Fritz Brütschke, Sondern d. Deutsch. Somd. Tierzücht. Hannover. 14. VII. 28.

кукурузных, каучуковых и др. плантациях сводится к управлению машиной так же, как в зерновых предприятиях.

Появление универсального трактора «Doall», что обозначает «делаю все» обрекло на безделие романтиков мелкобуржуазного производства, опровергло все их, поколениями сплетаемые, теории и предсказания.

В условиях современной техники машино-тракторные станции, оборудованные всем необходимым комплексом машин, могут охватить все без исключения стороны сельскохозяйственной деятельности крестьянина.

Если контрактация осуществляется на этой основе, она совершенно видоизменяет классовый тип крестьянина.

Крестьянину при этих условиях не нужно никаких средств производства. Они для него теряют всякую ценность так же, как уже потеряли в районе совхоза Шевченко в сфере полеводственной деятельности. Но если бы энергетическую базу Шевченко снабдить тракторами Doall, трансплатерами и другими машинами, приспособленными для производства интенсивных культур, то крестьяне, несомненно, с такой же охотой передали бы и остальные сферы своей деятельности ведению энергетической базы, с какой они передали полеводственную сферу.

В какой классовый тип превращается при этих условиях крестьянин? Он не товаропроизводитель, поскольку он работает на заказ, а не на рынок, он не является вместе с тем кооперативным производителем, поскольку средства производства, которыми он пользуется, являются государственной собственностью, но не собственностью данного коллектива, он не является вместе с тем наемным рабочим, работающим на государственной фабрике или в совхозе, он является при том условии, когда его торговая деятельность целиком законтрактована, классическим типом домашнего рабочего.

Поскольку сеть машино-тракторных станций уже через год овладеет, на основе контрактации, производственной деятельностью крестьянских хозяйств, расположенных на миллионе гектаров земли, поскольку деятельность таких энергетических баз будет все в большей мере расширяться и роль их возрастать, постольку процесс превращения крестьян целых районов в домашних рабочих становится вопросом не отвлеченной теоретической гипотезы, а фактом реальной действительности.

До сих пор речь шла о высшем типе контрактации, базирующемся на организации энергических баз, благодаря чему становится легко доступным установление с земледельцами таких отношений, при которых целиком или в значительной мере, они перестают работать на рынок.

Однако, государство не располагает еще достаточными материальными возможностями для того, чтобы этот тип контрактации стал преобладающим на данном отрезке времени.

В большинстве районов контрактация базируется на обслуживании крестьянства лишь отдельными элементами средств производства, но не всей массой средств производства, необходимых земледельцам.

В силу этого установление с крестьянами таких отношений, при которых они работали бы только на заказ, делается более трудным, чем в первом случае. Но и при тех условиях, когда контрактация покоится на обслуживании крестьян лишь отдельными элементами производства, крестьянин в той или иной мере начинает работать на заказ, не переставая вместе с тем быть товаропроизводителем.

В нем уже есть черты домашнего рабочего, но он еще не является классическим типом домашнего рабочего, поскольку он товаропроизводитель.

Однако, мелкому земледельцу чрезвычайно трудно работать непосредственно на рынок. Расходы по сбыту той ничтожной продукции, которая

создается им, часто поглощают весь заработок. При этих условиях земледелец обращается к скупщику, начинает работать по его заказу и превращается в его домашнего рабочего.

Скупщик, завладевая продукцией многих мелких производителей, ставит их от себя в зависимое положение и низводит их до степени домашних рабочих капиталистической мануфактуры.

Хищнической эксплоатации скупщика противопоставляется государственная промышленность, которая через кооперативного агента, предоставляет мелкому земледельцу более выгодные условия сбыта.

Поэтому, даже при том условии, когда социалистическая промышленность предоставляет мелкому производителю не все элементы средств производства, а лишь часть их, крестьянину - бедняку и отчасти середняку выгоднее все же работать на заказ социалистической промышленности, чем на заказ скупщика.

Этим в основном об'ясняется тот факт, что за такой небольшой срок как два года, при чрезвычайно выгодной для продавца рыночной кон'юнктуре на продукты земледелия, развитие контрактации, обозначающей нерыночный обмен, получило все же огромный размах.

Торговая деятельность мелких производителей в сфере производства таких культур, как сахарная свекла, хлопок и кенаф, в настоящем году полностью законтрактована.

В сфере производства зерновых культур контрактацией охвачено 27,5% всей посевной площади, табака—84%, подсолнуха—31,5%, льноволокна—50% и т. д.

Развитие контрактации значительно превысило самые оптимистические плановые расчеты.

В сфере производства зерновых культур плановые предположения превзойдены на 332%, в сфере производства льна-волкна на 130%, льносемян на 139%, махорки на 121%, желтого табаку на 102%, продуктов огородничества на 326% и пр.

Вот почему не будет ошибкой сделать тот вывод, что, хотя развитие контрактации не достигло еще такой степени, чтобы охватить полностью все стороны торговой деятельности мелкого производителя, но тенденция развития идет в сторону возрастания роли контрактации. А в этом факте нельзя не видеть нового явления, несущего серьезные изменения в расстановку и соотношение классовых сил.

Нужно отметить, что впервые вопрос об эволюции крестьянина в сторону превращения в домашнего рабочего социалистической промышленности был поставлен тов. Сталиным в его книге «Основы ленинизма». Анализируя меняющиеся в деревне производственные отношения, он писал следующее: «Крайне интересны в этом отношении некоторые новые явления в деревне в связи с работой сельскохозяйственной кооперации. Известно, что внутри Сельскосоюза народились новые крупные организации по отраслям сельского хозяйства: по льну, картофелю, маслу и пр., имеющие большую будущность. Из них, например, Льноцентр об'единяет целую сеть производственных товариществ-льноводов. Льноцентр занимается тем, что снабжает крестьян семенами и орудиями производства, потом у тех же крестьян покупает всю продукцию льна, сбывает ее в массовом масштабе на рынок, обеспечивает крестьянам участие в прибылях и таким образом связывает крестьянское хозяйство через Сельскосоюз с государственной промышленностью. Как назвать такую форму организации производства. Это есть, по - моему, домашняя система крупного государственно-социалистического производства по аналогии с домашней системой капитализма в области, скажем, текстильного производства, где кустари, получая от капиталиста сырье и орудия и сдавая ему всю свою продукцию, фактически являлись полунаемными рабочими на дому» [1]).

Контрактация влечет за собой и другого рода следствие. Если миллионные массы крестьянства постепенно переходят от работы на рынок к работе на заказ социалистической или кооперативной промышленности, то, следовательно, должна уменьшиться роль чисто рыночных отношений.

И этот факт не может не внести серьезного изменения во всю систему народного хозяйства.

Возрастают возможности планового давления государства на рыночную стихию, возрастают возможности государственного регулирования призводственной и торговой деятельности индивидуального крестьянского хозяйства, открываются новые пути превращения мелких разрозненных хозяйств в крупные, высоко-технически развитые земледельческие предприятия.

---

[1]) И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 124—125.

И. Бобрышев.

К перевооружению на одном из боевых участков.

(К дискуссии по антирелигиозному вопросу).

«Марксист должен быть материалистом, т.-е. врагом религии, но материалистом диалектическим, т.-е. ставящим дело борьбы с религией не абстрактно, не на почве отвлеченной, чисто теоретической, всегда равной себе, равной проповеди, а конкретно, на почву классовой борьбы, идущей на деле и воспитывающей массы больше всего и лучше всего». (Ленин, том XI ч. 1, стр. 255).

Антирелигиозный участок — один из боевых участков общего фронта классовой борьбы. Обострение классовой борьбы в стране сказывается со всей полнотой и силой и на этом участке. Рост активности церковников и сектантов, усиление их борьбы за молодежь, за влияние на массы трудящегося крестьянства и на отсталые группы пролетариата — с несомненностью свидетельствуют о попытках религии, организации которой марксизм рассматривал как органы буржуазной реакции, перейти в наступление. Не понимать и не видеть всего классового характера борьбы на этом участке может только тот, кто крепко вооружился оппортунистическими очками, кто замазывает и отрицает факт обострения классовой борьбы в стране.

В последнее время вокруг положения на антирелигиозном фронте возникли довольно оживленные споры. Эти споры не случайны. Они характеризуют как важность антирелигиозного участка, так и усиление внимания пролетарской общественности к борьбе с религией. И еще об одном говорят эти споры. Они говорят также о том, что не все у нас в порядке на фронте борьбы с религией.

Мы не можем сейчас удовлетвориться прежними формами и методами антирелигиозной борьбы. Обострение классовой борьбы, со всей силой отражающееся на религиозном участке, новые задачи, поставленные перед нами новым периодом, требуют известного перевооружения, требуют максимального повышения классовой бдительности в борьбе с церковниками и сектантами.

Усиливая наступление на нэпмана и кулака, мы, естественно, не можем не усиливать наступления на религию, если будем рассматривать ее роль по-ленински. Сложность механики классовой борьбы, обострение этой борьбы, способность врага маскироваться, действовать тихою сапой—несомненно, требуют от нас соответствующего перевооружения. Перевооружение не должно выражаться в одном голом признании его необходимости, в хороших резолюциях, в переименовании наших безбожных обществ. Необходимо прежде всего добиться перевооружения в практической работе.

Может быть, здесь перевооружение вовсе и не нужно? Может быть, безбожные организации были настолько политически дальнозорки, что перевооружились за несколько лет назад, задолго до нового периода, потребовавшего со всей категоричностью этого перевооружения? Конечно, это не так.

Состояние союза безбожников подтверждает необходимость перевооружения этой организации. Союз безбожников об'единяет всего около миллиона человек. Цифра, вне сомнения, мизерная, ни в какой степени не могущая быть признанной удовлетворительной. Одни сектанты одной молодежи, по некоторым данным, об'единяют около двух миллионов. Насколько в количественном отношении церковники и сектанты опередили нас, видно из сопоставления этих двух цифр...

Ленин говорил о том, что в политике учитываются только миллионы, а цифры меньшие отбрасываются. Можно ли считать сколько-нибудь внушительной силой организованную в союз одномиллионную безбожную армию? В выступлениях как устных, так и печатных, руководителей союза безбожников мы не видели достаточно глубокого и полного анализа медленного роста безбожных рядов. А причины эти представляют несомненный интерес. Нам кажется, что главной из них являются недостаточно живые, недостаточно боевые методы работы союза безбожников. Сплошь и рядом внимание антирелигиозников сосредоточивается на раскопках истории древнего мира, языческих мифах и прочих необходимых, но явно недостаточных вещах. Слишком недостаточна связь работы безбожников с сегодняшним днем классовой борьбы, слишком суха она и непривлекательна для широких рабочих и крестьянских масс.

Не может быть признано удовлетворительным также состояние антирелигиозных кадров. На втором с'езде безбожников преобладающая масса делегатов состояла из служащих (411 человек), рабочие составляли 260 человек, крестьяне—108. Эти цифры—показатель того, что основные массы безбожного актива—не из числа рабочих и крестьян. Как правило, актив союза безбожников составляют антирелигиозные «спецы», умеющие прекрасно обращаться с раскопками языческих богов, но не всегда умеющие антирелигиозную пропаганду связать с конкретной практикой классовой борьбы.

По этим двум условиям (малый количественный состав СБ и узкие кадры актива) организации союза безбожников не оказывают сильно заметного влияния на борьбу, которую ведет вся пролетарская организованная общественность с религией.

Возьмем для примера две крупных кампании, проведенные пролетарской общественностью в боях с религией:

1. Борьба за замену безрелигиозного антирелигиозным воспитанием в советских школах. Застрельщиком этой борьбы выступил комсомол, широко поддержанный рабочими фабрик и заводов. Громкого голоса безбожных организаций в этой кампании не было слышно.

2. Борьба за прекращение печатания религиозной прессы. Эту кампанию вела, в первую очередь, наша печать, втянув в нее широкие массы рабочих полиграфического производства. И опять-таки голос безбожных организаций не являлся здесь громким.

Наконец, возьмем наши обычные антирелигиозные кампании в рождественские и пасхальные дни. Здесь также приходится констатировать тот

факт, что организации союза безбожников не являются организаторами кампаний, проведение которых в основном является делом комсомола.

Не для того приводим мы эти факты, чтобы злорадно упрекнуть союз безбожников: «смотрите как вы мало делаете!». Эти факты приводятся нами лишь с одной единственной целью — показать необходимость подлинного перевооружения на антирелигиозном участке.

Необходимость перевооружения диктуется и другими мотивами. Союз безбожников при правильной в основном политической линии в практике своей работы допускает срывы с этой линии. Четкая классовая установка, как никогда, необходимая сейчас в период обострения классовой борьбы, не всегда и не во всем сохраняется в практике работы союза безбожников.

Не все работники на антирелигиозном фронте четко представляют себе линию партии. Весьма характерной иллюстрацией к этому может служить совещание комсомольцев, делегатов второго с'езда безбожников, проведенное представителями ЦК ВЛКСМ и «Комсомольской Правды». Совещание явилось показателем той большой идеологической путаницы, которая существует в некоторых прослойках антирелигиозного актива. На этом совещании отдельные комсомольцы при явном сочувствии подавляющего большинства и возражениях незначительного меньшинства, возражали против ссылки в наше время на... ленинские цитаты, относящиеся к дореволюционной эпохе, на том основании, что у нас-де сейчас капитализма нет... Участники совещания возмущались утверждениями, что у нас существуют корни капитализма. На совещании же раздавались громкие упреки «Комсомольской Правде» в «голой классовости».

Вот каким идейным багажом, вот какими либеральными мыслишками «обременены» головы некоторых прослоек актива безбожников!

Четкая классовая линия в антирелигиозной борьбе — то основное условие, без которого мы успехов в борьбе с церковниками и сектантами не достигнем. Правые и примиренческие тенденции в постановке антирелигиозной борьбы, в практике работы союза безбожников должны быть решительно выявлены и взяты под обстрел.

«Комсомольская Правда» не зря, не надуманно, не в погоне за фразерством, как это сейчас изображается некоторыми товарищами, поставила все эти вопросы на своих страницах. Выше мы привели один пример, подтверждающий всю неотложную необходимость постановки этих вопросов — совещание комсомольцев-делегатов союза безбожников. Таких подобных примеров можно привести не один. В ряде изданий союза безбожников мы имеем подтверждение того, что не у всех антирелигиозников до конца осознана линия партии в вопросах борьбы с религией, что не всегда антирелигиозная борьба рассматривается, как одна из форм классовой борьбы.

О чем свидетельствует такая мысль, что борьба с религиозным дурманом «это ведь не борьба с нэпманом»? О чем свидетельствуют такие утверждения, что религия—пережиток старого мира, при чем старый мир в этих условиях рассматривается только с точки зрения наличия в нем суеверий и темноты?!

В изданиях союза безбожников религия сплошь и рядом рассматривается вне ее классовых корней и классовой роли. «Учебник для рабочих антирелигиозных кружков», например, утверждает: «Религия держится в трудящихся массах не

только благодаря обману со стороны эксплоататоров, но и благодаря самообману трудящихся, к которому они прибегают в своем бессилии перед природой и общественными отношениями».

В книжке Ф. Путинцева «Политическая роль сектанства» (издание 1928 года) мы читаем: «Но было бы слишком упрощенно и ошибочно сводить всю антирелигиозную пропаганду к агитационному разжиганию классовой борьбы и ненависти против кулаков в деревне». Разве эта либеральная мысль не противоречит всей установке партии?

Особо велика путаница в вопросах о роли сектантов. «Мы не против сектантских коммун»... — пишет т. Путинцев в той же своей книжке. — ...Существование сектантских колхозов в данных советских условиях мы считаем полезным, но не ставим себе их в качестве обрзца совершенства».

Примерно такая же мысль была выражена тов. Ярославским в его заключительном слове на с'езде безбожников.

«Пустяки, — говорил он там, — если сектанты будут организовывать колхозы там, где имеется сплошной массив».

Такое утверждение противоречит марксистскому взгляду на религиозные организации, как органы буржуазной реакции, недоучитывает классовых корней религии.

Из таких утверждений вполне естественны выводы о том, что главный упор в борьбе с религией нужно делать на «просветительство».

«Просветительская» программа антирелигиозной борьбы ярче всего выражена в недавно вышедшей «Антирелигиозной Хрестоматии», составленной Г. А. Гуревым и изданной издательством «Безбожник». В предисловии к этой хрестоматии Гурев дает такую программу:

«Первая задача антирелигиозной пропаганды заключается в том, чтобы разбить, опровергнуть религиозное мировоззрение, показать, как наука смотрит на те вопросы, на которые религия старается ответить при помощи представления о боге... С этого и нужно начать антирелигиозную пропаганду. Но, показав, что бог изгнан из научного мировоззрения, что ничего сверхестественного не существует ни в природе, ни в общественности, мы этим еще не разрешаем всей задачи антирелигиозной пропаганды. От естественно научного преодоления религии необходимо перейти к ее социально-историческому преодолению», — пишет Г. А. Гурев. Казалось бы, тов. Гурев сказал верное слово. Но посмотрите, как он представляет себе сущность социально-исторического преодоления религии. Продолжаем цитату: «Ибо без этого все-таки остаются такие важные вопросы: какая разница между верой и знаниями? почему еще сохранилась религия? как и почему возникло представление о боге? как возникло христианство? был или не был Христос? какую социальную роль всегда играла религия? не падет ли вместе с религией и мораль? и т. д. И только тогда, когда вместе с выяснением того, что представление о сверхестественном не имеет под собой никаких оснований, также выяснено, почему именно это представление появилось и почему именно оно до сих пор окончательно не исчезло, — антирелигиозный пропагандист может считать свою задачу в основном выполненной».

В этой «программе», как видим, социальной роли религии отведено самое незаметное место. Нам даже кажется, что об этой социальной роли религии сказано в виде «дани времени». Вся же «программа» есть программа буржуазно-ограниченного культурничества. Такое ограниченное культурничество имел в виду Ленин, писавший

в статье «Об отношении рабочей партии к религии», о том, что «борьбу с религией нельзя ограничивать абстрактной идеологической проповедью, нельзя сводить к этой проповеди, эту борьбу надо поставить в связь с конкретной практикой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии. Почему держится религия в отсталых слоях городского пролетариата, в широких слоях полупролетариата, а также в массах крестьянства? По невежеству народа, — отвечает буржуазный прогрессист, радикал или буржуазный материалист. Следовательно — долой религию, да здравствует атеизм, распространение атеистических взглядов есть главная наша задача. Марксист говорит: не правда. Такой взгляд есть поверхностное буржуазно-ограниченное культурничество. Такой взгляд недостаточно глубоко, не материалистически, а идеалистически об'ясняет корни капитализма. В современных капиталистических странах эти корни, главным образом, социальные» (Ленин, том. XI, ч. 1, стр. 253).

Не сбиваться на путь абстрактно-идеологической проповеди, на путь поверхностного, буржуазно-ограниченного культурничества — главное требование, которое должно быть пред'явлено каждому антирелигиозному работнику.

Критиков работы союза безбожников часто упрекают в том, что они против научной пропаганды. Эти обвинения не серьезны. Речь идет не о том, что нам не нужна научная пропаганда. Речь идет о том, чтобы, ведя эту пропаганду, при ее помощи, как одного из орудий, борясь с религией, не сбиваться на путь ограниченного культурничества.

Ленин в своей критике буржуазного культурничества, предвидя подобного рода обвинения в недооценке научной пропаганды, так отвечал на них:

«Следует ли из этого, что просветительная книжка против религии вредна или излишня? Нет. Из этого следует совсем не это. Из этого следует, что атеистическая пропаганда социал-демократии должна быть подчинена ее основной задаче: развитию классовой борьбы эксплоатируемых масс против эксплоататоров». (Там же, стр. 254).

Непонимание этой ленинской мысли сквозит во всех приведенных нами выдержках из ряда изданий союза безбожников. Как это ни странно, но непонимание этой ленинской мысли проявилось и в заключительном слове тов. Ярославского на с'езде безбожников. Он говорил, что безбожникам подсовывают мысль, что будто бы «мы отрицаем необходимость классовой критики религии. Мы с этого начинаем, но, когда наталкиваемся на некультурность масс, мы говорим, что надо на этом фронте поработать».

Здесь у т. Ярославского сквозит противопоставление классовой критики религии работе на культурном фронте. Ясно, что такое противопоставление ничем не оправдано. Ленин в той же своей статье писал о тех непониманиях, которые проявляются в таких рассуждениях: «Как это так? Подчинить идейную пропаганду, проповедь известных идей, борьбу с тем врагом культуры и прогресса, который держится тысячелетиями (т.-е. с религией), — классовой борьбе, т.-е. борьбе за определенные практические цели в экономической и политической области?». «Подобное возражение, — писал Ленин, — принадлежит к числу ходячих возражений против марксизма, свидетельствующих о полном непонимании марксовой диалектики... Отделить абсолютной, непереходимой гранью теоретическую пропаганду атеизма, т.-е. разрушение религиозных верований у известных слоев пролетариата, и успех, ход, условия классовой борьбы этих слоев — значит рассуждать недиалектически, превращать в абсолютную грань то, что есть подвижная, относительная грань, значит насильственно разрывать то, что неразрывно связано в живой действительности». (Т. XI, ч. 1, стр. 254).

Просветительная книжка сейчас, в полосу культурной революции нужна нам, как никогда. Но, естественно, — это азбучная мысль, — что и сама просветительная книжка должна быть подчинена интересам классовой борьбы пролетариата.

В возражениях критикам работы союза безбожников часты обвинения в том, что они хотят победы над религией добиться административными мерами. Эти обвинения являются плодом досужей фантазии их авторов.

Критиковавшие работу союза безбожников возражали против той пошлой реакционной идейки о замене религии, которая находит себе выражение в «поэзии» некоего Деда-безбожника: «вместо бога — молот в кулак» (кстати эта «поэзия» находит себе место тоже в изданиях союза безбожников). Вместо бога — молот, вместо кулича с крестом — кулич с серпом и молотом, вместо иконы — портрет вождя, — вот против какой замены надо бороться, вот против каких модернизированных богостроительных тенденций надо вести борьбу.

Многие, если не большинство из недостатков работы союза безбожников об'ясняются недостаточным вниманием к этому союзу, недостаточной поддержкой его со стороны партии и комсомола. Но это еще ни в коем случае не может и не должно заставить отказаться от критики ошибок союза безбожников.

В этом перевооружении, которое требуется союзу безбожников так же, как и другим нашим пролетарским организациям, партия и комсомол должны оказать существенную поддержку. Обострение классовой борьбы требует уделения максимального внимания борьбе с религией, требует скорейшего перевооружения той организации, которая стоит на форпостах этой борьбы, которая занимает один из боевых участков классового фронта.

Ем. Ярославский.

Научитесь правильно владеть оружием марксизма.

(Ответ тт. Бобрышеву, Галактионову и другим).

Мысли, которые тов. Бобрышев развивает об антирелигиозной пропаганде, прежде всего, свидетельствуют о том, что эти мысли для него, как и для многих комсомольцев, являются вовсе не выводами из близкого знакомства с антирелигиозной пропагандой и из практики антирелигиозной пропаганды, а выводами человека, наблюдающего антирелигиозную пропаганду со стороны, не знакомого должным образом ни с практикой антирелигиозной пропаганды, ни с ее теорией. Спор с этими товарищами по существу вопроса поэтому чрезвычайно затруднен. В этих спорах приходится бороться с рядом утверждений до последней степени неправильных, наивных, если не сказать больше.

Вопрос о массовости союза воинствующих безбожников.

Так, например, говоря о недостаточной массовости союза безбожников, тов. Бобрышев приводит мысль Ленина о том, что в политике учитываются только миллионы, а цифры меньшие отбрасываются. Мысль сама по себе, безусловно, правильная. Но можно ли на этом основании «отбросить», скажем, германскую компартию или комсомол Германии, потому что они дают цифры меньше миллиона? Конечно, нет. Поэтому нельзя «отбрасывать» и миллион членов союза воинствующих безбожников.

Цифра эта совершенно недостаточная. Я даже согласен с тем, что она «мизерная», и вопрос о массовости союза выдвинут был на антирелигиозном совещании при ЦК и во время предс'ездовской дискуссии, и во время с'езда союза воинствующих безбожников на первое место. В своей речи на антирелигиозном совещании при ЦК я говорил: «Мы не сможем повести правильную борьбу с религией в крестьянстве и рабочем классе, если не обеспечим создание массового союза. Вот на чем должно быть сосредоточено главнейшее внимание в нашей работе на ближайший период». В речи на открытии с'езда СВБ эта мысль также была подчеркнута и выдвинута на первое место. Вопрос о том, как добиться, чтобы союз стал массовым, был поставлен во главу угла всей работы с'езда союза воинствующих безбожников.

Если тов. Бобрышев жалуется на то, что на с'езде СВБ вопрос о причинах недостаточного роста союза был слабо поставлен, то это свидетельствует только о том, что тов. Бобрышев не потрудился даже

ознакомиться с работами и решениями с'езда, о котором он говорит.

Как об'яснял с'езд СВБ слабый размах работы? Вот какие причины выдвинул с'езд: отсутствие достаточной дисциплины, ответственности и плановости в работе СВБ, как результат децентрализованной структуры союза. Тов. Бобрышев не замечает даже, что такие вопросы существуют, а между тем организационный вопрос, несомненно, играл и играет огромную роль в деле правильного роста союза безбожников. Нам пришлось преодолевать огромное сопротивление в этом деле, когда места шли по линии кустарничества, когда был «период шатаний, разброда» и в нашей работе, когда не было централизованного союза, когда еще недавно были такие факты, например, что губкомы запрещали организацию союза безбожников, ссылаясь на то, что у них нет достаточно подготовленных кадров и когда целая республика (Украина), по тактическим соображениям запрещала организацию союза безбожников, пытаясь заменить ячейки безбожников краеведческими и другими научно-просветительными кружками. К этим же организационным неувязкам и недочетам относятся, как результат децентрализации, слабая связь с местами и отсутствие сколько-нибудь удовлетворительной финансовой базы для союза безбожников. В смысле средств беднее этого союза до сих пор нет ни одной общественной организации, а это ведет к тому, что у большинства организаций СВБ почти нет штатных работников, для которых антирелигиозная пропаганда была бы постоянным делом. К этой же организационной стороне относится отчасти слабая поддержка со стороны партийных, советских и общественных организаций и, прежде всего, со стороны комсомола. Об этом лишь вскользь говорит тов. Бобрышев, тогда как это имеет решающее значение в деле создания массового союза.

С'езд СВБ отмечает, прежде всего, необычайно слабую постановку и даже почти отсутствие антирелигиозной пропаганды в самом комсомоле, в то время как за молодежь борются сектантские и другие религиозные организации, когда имеются факты отхода части комсомола к религиозным организациям, когда имеются факты выполнения комсомольцами и даже партийцами религиозных обрядов. С'езд СВБ подчеркнул, что раз'яснительная воспитательная работа по борьбе с религией систематически до сих пор комсомолом не проводилась, что антирелигиозная работа в большинстве комсомольских организаций отсутствует, что комсомольская масса в целом и комитеты КСМ в первую голову еще не осознали важности значения борьбы с религией и почти не предпринимают решительных мер в области антирелигиозной пропаганды и что антирелигиозная работа среди молодежи должна войти в план работ всех комсомольских организаций и организаций СВБ.

Об активе и кадрах.

В числе причин, обусловливающих недостаточную массовость союза, с'езд отметил также слабость работы по воспитанию антирелигиозного актива и по закреплению подготовляемых антирелигиозных кадров на антирелигиозную работу, малочисленность этого актива и недостаточно решительную разгрузку его от других общественных обязанностей.

Неправда, что преобладающая масса безбожного актива состоит не из числа рабочих и крестьян[1]) надо принять во внимание, что служащие, кото-

[1]) В «Комс. Правде» от 13/VIII сообщается, что «актив» вышневолоцких безбожников состоит главным образом из детей духовенства и дворянства. Это надо проверить. Но, конечно, нельзя поручиться за то, что этого нет кое-где.

рые были делегатами на с'езде СВБ, в значительной своей части—недавние рабочие и крестьяне, например, учителя и т. п. Неверно также, что «актив союза безбожников составляют антирелигиозные «спецы», умеющие прекрасно обращаться с раскопками языческих богов, но не всегда умеющие антирелигиозную пропаганду связать с конкретной практикой классовой борьбы», как утверждает тов. Бобрышев. Наша беда заключается не в том, что у нас много «спецов» по антирелигиозной пропаганде, а в том, что у нас этих спецов необычайно мало. Презрительные кавычки по отношению к спецам вовсе не свидетельствуют о том, что тов. Бобрышев и его единомышленники усвоили значение серьезной подготовки к такому делу, как антирелигиозная пропаганда. Только верхоглядством можно об'яснить такую характеристику по отношению к кадрам безбожников, среди которых преобладающее большинство составляют люди, непосредственно ведущие классовую борьбу в городе и деревне. Ведь на фронте религиозной борьбы у нас немало жертв — убитых, подожженных и т. п. рукою кулаков.

Тот, кто ведет антирелигиозную пропаганду, а не только разговаривает о ней, тот не может не связывать антирелигиозной пропаганды с конкретной практикой классовой борьбы. Меньше всего у нас в союзе воинствующих безбожников людей «умеющих прекрасно обращаться с раскопками языческих богов». Их можно перечесть по пальцам одной руки.

Несомненно, одной из причин слабости роста союза являются также недостаток антирелигиозной литературы, недостаток разработанных методических руководств и пособий для конкретной повседневной работы среди разных групп населения и отсутствие систематически налаженного изучения религиозного фронта и методов деятельности противника.

Как создать массовый СВБ.

Мы считаем, что массовый, многомиллионный, на ближайшее пятилетие, по крайней мере, пятимиллионный союз безбожников создать можно.

Такую задачу мы должны поставить перед собой во что бы то ни стало. Основные кадры, хотя и недостаточные, и не всегда доброкачественные, все же имеются. Миллионный актив безбожников может и должен в ближайшие годы организовать по крайней мере еще 4 миллиона из резерва безбожников, которые еще не организованы — из рабочих и крестьян, главным образом. Комсомол должен обязать всех своих членов входить в организацию безбожников точно так же, как партия обязана дать директиву всем партийным организациям и всем членам партии усилить как самую работу СВБ, так и непосредственное участие членов партии в СВБ. Мы должны развернуть работу среди национальных меньшинств, где иногда религиозные организации пользуются еще колоссальным влиянием. Мы должны перейти от чисто стихийного роста СВБ к систематической вербовке трудящихся, обратить особое внимание на вовлечение батрачества и деревенской бедноты, а в городе рабочих, особенно вновь прибывших кадров рабочих. В первую очередь, необходимо развертывать ячейки СВБ там, где больше всего обеспечено влияние партии и комсомола. Не должно быть ни одного предприятия, ни одного совхоза, колхоза и части Красной армии без ячейки СВБ, не должно быть ни одной школы без такой ячейки, не должно быть ни одного пионерского отряда без детской группы безбожников.

Все это вошло в решения с'езда СВБ, и только незнанием или игнорированием этих решений с'езда, незнанием практической работы СВБ можно

об'яснить ту характеристику союза безбожников, которую мы видим в статье тов. Бобрышева и в других статьях в «Комс. Правде» и «Мол. Гвардии».

О методах.

«Мы не можем сейчас удовлетвориться прежними формами и методами антирелигиозной борьбы» — вот мысль тов. Бобрышева, которая в известных пределах является правильной мыслью. С этой точки зрения можно согласиться с постановкой вопроса об «известном перевооружении», если понимать под этим ориентировку на массовую работу. Однако, тут же мы должны оговориться, что дело идет не столько о перевооружении, т.-е. о том, чтобы запастись каким-то новым идейным оружием, пересмотреть все те формы и методы, какими мы пользовались (этим как раз и занимался с'езд СВБ, а не только «переименованием безбожного общества», как это уверяет тов. Бобрышев),—дело идет о правильном усвоении марксистских методов работы, об умении пользоваться методами марксизма в антирелигиозной работе.

По мнению тов. Бобрышева «главной причиной недостаточной массовости союза являются недостаточно живые, недостаточно боевые методы работы союза безбожников». «Сплошь и рядом, — уверяет тов. Бобрышев,— внимание антирелигиозников сосредоточивается на раскопках истории древнего мира, языческих мифах и т. п., необходимых, но явно недостаточных вещах. Слишком недостаточна связь работы безбожников с сегодняшним днем классовой борьбы, слишком суха она и непривлекательна для широких рабочих и крестьянских масс».

Мы этот упрек слышали уже и в дискуссионных статьях в «Комсомольской Правде» во время с'езда. Там это было гораздо резче подчеркнуто в статье тов. Галактионова («Комс. Правда» № 128), где о «Митрах и Адонисах» тов. Галактионов писал: «Этой буржуазной рухлядью, конечно, ничего общего с марксизмом не имеющей, союз безбожников оттолкнул от своей работы молодежь, которая несколько лет тому назад с большой активностью принялась за безбожную работу и нашла здесь вместо живой и интересной массовой работы, какое-то убогое гробокопательство в поповской мифологии».

Прежде всего, верно ли, что СВБ занимается «гробокопательством», то-есть мифологией, и в чем это выражается? Пара фактических справок.

Передо мной перечень всех статей, напечатанных в «Безбожнике» за 1929 год за 6 месяцев. К сожалению, и тов. Бобрышев и другие наши критики не читают антирелигиозной литературы, не знакомы с ней. Только этим можно об'яснить подобного рода упреки. Из 160 статей, помещенных в этих №№ «Безбожника», только 4 статьи относятся (это за полгода!) к истории религии: «Монастыри в России», «Как возникли религиозные посты», «Как сказки о Христе закрепились, как рассказ об исторической личности», «Христианство и рабство». Но неужели же товарищи всерьез думают, что можно заниматься антирелигиозной пропагандой, не занимаясь в такой минимальной степени историей религии? Мне кажется, что более правильно будет сказать, что «Безбожник» слишком недостаточно занимался вопросами истории религии, а не упрекать нас в том, что мы чересчур много занимаемся этой историей.

Если вы возьмете темы, которые мы разрабатывали, то эти темы такие, например: Классовое значение перекрашивания церковников. Церковники залезают в рабочие районы. Антирелигиозная пропаганда — пропаганда со-

циализма. Работа иностранных церковников против СССР. Классовая роль пасхи. Итальянское духовенство помогает фашизму. Контрреволюционная работа мулл. Безбожники, стройте новую деревню. На борьбу с антисемитизмом. Борьба сектантов за молодежь и т. п. То же самое мы увидим, если просмотрим список изданий, выпущенных издательством об-ва «Безбожник», то же самое—в «Антирелигиознике», где мы должны были бы, как в теоретическом органе, давать гораздо больше серьезных статей по истории религии. Где же тут «гробокопательство», где же тут мифология?

Но разве третирование истории религии, которое позволяют себе тт. Галактионов и Бобрышев, сколько-нибудь похоже на то, что писал об этом Ленин? Я вынужден снова напомнить то, что Ленин писал совсем недавно в журнале «Под Знаменем Марксизма» по поводу книги Артура Древса. Ведь книга Артура Древса—книга по истории религии, как раз трактует об этих самых, ненавистных тов. Галактионову и Бобрышеву, «Митрах и Адонисах» и о том, что т. Галактионов называет «буржуазной рухлядью» и «поповской мифологией». Ленин писал: «Известный немецкий ученый Артур Древс, опровергая в своей книге «Миф о Христе» религиозные предрассудки и сказки, доказывая, что никакого Христа не было, в конце книги высказывается за религию, только подновленную, подчищенную, ухищренную, способную противостоять «ежедневно все более и более усиливающемуся натуралистическому потоку» (стр. 238 4-го немецкого изд. 1910 г.). Это реакционер прямой, сознательный, открыто помогающий эксплоататорам заменять старые и прогнившие религиозные предрассудки новенькими, еще более гаденькими и подлыми предрассудками. Это не значит, чтобы не надо было переводить Древса. Это значит, что коммунисты и все последовательные материалисты должны, осуществляя в известной мере свой союз с прогрессивной частью буржуазии, неуклонно разоблачать ее, когда она впадает в реакционность. Это значит, что чураться союза с представителями буржуазии XVIII века, т.-е. той эпохи, когда она была революционной, значило бы изменять марксизму и материализму, ибо «союз» с Древсами в той или иной форме, в той или иной степени для нас обязателен в борьбе с господствующими религиозными мракобесами». (Подчеркнуто мною. *Е. Я.*).

Вы видите, что Ленин говорил как раз противоположное тому, что советуют тт. Галактионов и Бобрышев. Тов. Бобрышев уверяет, что мы «сосредоточиваем внимание на раскопках истории древнего мира, языческих мифах», тов. Галактионов уверяет, что мы «этой буржуазной рухлядью оттолкнули молодежь» и что молодежь находит в СВБ «убогое гробокопательство» и «поповскую мифологию», а Ленин на это ответил Галактионовым и Бобрышевым, что «чураться союза с представителями буржуазии XVIII века, т.-е. той эпохи, когда она была революционной, значило бы изменять марксизму и материализму, ибо «союз» с Древсами в той или иной форме, в той или иной степени для нас обязателен в борьбе с господствующими религиозными мракобесами». Для нас, т.-е. для марксистов-ленинцев, это обязательно, а тт. Бобрышев и Галактионов этого понять не могут. Поэтому они в этом вопросе, выражаясь словами Ленина, «изменяют марксизму и материализму».

Верно ли другое утверждение тов. Бобрышева, что слишком недостаточна связь работы безбожников с сегодняшним днем классовой борьбы? Уже из вышеприведенных тем газеты «Безбожник», а мы могли бы привести десятки таких тем, всякий может убедиться, что антирелигиозная пропаганда СВБ целиком увязана с классовой борьбой

сегодняшнего дня [1]), основана на ней. Тов. Бобрышев сумел вспомнить о двух кампаниях: о борьбе за прекращение печатания религиозной прессы и о борьбе за замену безрелигиозного воспитания в советских школах антирелигиозным воспитанием. Других кампаний он не заметил. Он проглядел просто на просто массовую работу СВБ, связанную с классовой борьбой.

Между тем, нет ни одного вопроса, касающегося широких рабоче-крестьянских масс, где бы союз воинствующих безбожников не принимал самого активного участия. Идет ли речь о борьбе с пьяными праздниками в деревне и городе; о борьбе с религиозным изуверством (мусульманский праздник «шахсей-вахсей»); идет ли речь о закрытии церквей; об отмене религиозных праздников; об отказе от приема попа; о борьбе за разрыв с церковью, за выход из церкви, за агроминимум, за колхозы и т. п.,—СВБ целиком отдает свои силы этой борьбе. В решениях с'езда СВБ сказано:

«В своей агитационно-пропагандистской работе союз воинствующих безбожников должен, в первую очередь, разоблачать политическую классовую роль религии, вскрывать контрреволюционную деятельность всех и всяческих религиозных организаций, пытающихся в целях обслуживания враждебных диктатуре пролетариата элементов всячески затормозить социалистическое строительство и, в частности, проведение в жизнь пятилетнего плана. Необходимо показать трудящимся на живых конкретных примерах, какой вред приносит религия хозяйству советской страны, какой тяжестью ложится она на бюджет трудящихся. Пятилетний план должен быть предметом изучения каждого безбожника и являться одной из основ антирелигиозной пропаганды, одним из важнейших элементов ее содержания, способствующим вскрытию в теории и на практике всего глубокого принципиального различия между старым эксплоататорским миром, миром религиозных предрассудков, тьмы и невежества, и миром новым, миром социализма, подлинной свободы и науки. В то же время содержанием массовой антирелигиозной пропаганды должны быть пропитаны и вопросы истории религии, и естествознания»... СВБ должен с особой энергией бороться за осуществление лозунга «религиозные праздники — будни» и стопроцентный выход рабочих, служащих и учащихся на работу в эти дни, мобилизуя вокруг этого вопроса широкое общественное мнение трудящихся. Ячейки СВБ в своей повседневной деятельности должны иметь в виду, что их работа не может ограничиваться исключительно пропагандистскими (в узком смысле слова) формами. СВБ — это массовая общественная организация для практической борьбы с религией. А потому ячейкам необходимо, исходя из местных условий и на основе предварительной широкой агитационной и пропагандистской работы как можно шире использовать такие формы, как например, борьба методами общественного воздействия со всяким вмешательством служителей культа в общественную жизнь, налаживание широкой индивидуальной работы с членами религиозных общин за их выход из этих общин, организация индиферентных к религии кругов трудящихся за отказ от приема попов на дому, за прекращение всяких расходов на религию, организация профсоюзных масс на отказ от хозяйственного и технического обслуживания религиозных организаций (например, от печатания религиозной литературы, отказ строителей от постройки новых молитвенных зданий)».

О заслугах комсомола.

Если взять те два примера, которые привел тов. Бобрышев, то и здесь он обнаруживает незнакомство с вопросом.

[1]) Это не значит, что в отдельных случаях не могут иметь и не имеют места извращения этой линии.

Меньше всего пишущий эти строки когда-нибудь умалял достоинства «Комсомольской Правды» и комсомола. И в деле борьбы с религией у «Комсомольской Правды» есть некоторые заслуги точно так же, как и у комсомола, несмотря на общую слабость антирелигиозной работы, которую они ведут. Но если тов. Бобрышев пишет, что он «не слышал громкого голоса безбожных организаций» в кампании за замену безрелигиозного воспитания в советских школах антирелигиозным, то одно из двух: либо у него в это время болели уши, либо он вообще не поинтересовался тем, что же сделал СВБ в этой области.

Мы утверждаем, что именно СВБ был инициатором в постановке в Наркомпросе, в печати и среди широких масс учительства этого вопроса. Вот факты: мы провели еще в 1927 году в Центральном доме просвещения и печати дискуссию «Антирелигиозное или безрелигиозное воспитание»; журнал «Антирелигиозник» с 1927 года помещает систематически ряд статей в специальном отделе «Антирелигиозное воспитание в школе»; нами выпущен сборник под этим же названием и готовятся к печати еще два таких сборника, совместно с Цекпросом выпущен сборник «Просвещенец на антирелигиозном фронте»; издана инструкция по организации школьно-пионерских секций при советах СВБ, составлена программа для занятий антирелигизоных школьных кружков; вместе с Соцвосом разработан целый ряд указаний и методических писем о том, как проводить антирелигиозное воспитание в школе; выпущен сборник «Мы — безбожники», намечена программа издания (и уже издано к слету пионеров) «За безбожную детвору». Силами СВБ проведен ряд докладов по СССР на учительских собраниях, курсах, конференциях и т. п. Мы не стали бы так подробно перечислять эту работу, если бы тов. Бобрышев не представил действительность «шиворот на-выворот». Что же делать, если редактор «К. П.» «не слышит» обо всей этой работе!

То же самое и в вопросе о борьбе за полное прекращение печатания религизоной прессы в СССР. «Комсомольская Правда» и тов. Бобрышев должны знать, что кроме нашего желания уничтожить все материальные возможности существования религиозных организаций, мы в этом вопросе, как и вообще в вопросе о религии вынуждены считаться с тем, что имеются миллионы (вернее, десятки миллионов) членов этих организаций — рабочих и крестьян, которых мы не можем третировать, как контрреволюционеров. Мы боремся за влияние на эти массы, но именно поэтому мы в ряде вопросов (и в вопросе о закрытии церквей, и в вопросе о разрешении религиозных изданий) допускаем такую постепенность, которая была бы излишней, если бы мы имели дело с организацией, все члены которой просто-напросто контрреволюционеры. Такую организацию мы могли бы и обязаны были бы распустить во что бы то ни стало. Вот почему неправ тов. Бобрышев, выдвигая такое обвинение против СВБ.

О формах.

А если говорить о том, что антирелигиозная пропаганда порой «слишком суха и непривлекательна для широких рабочих и крестьянских масс», то в этом вопросе я целиком соглашаюсь с тов. Бобрышевым. Но это не вина наша, а наша беда.

Мы не можем добиться до сих пор, например, чтобы наши художники, — а мы несколько раз ставили перед ними этот вопрос, — помогли нам созданием хорошего антирелигиозного лубка, плаката. У нас есть люди, претендующие на звание «марксистов-искусствоведов» и обвиняющие одну из больших художественных организаций АХР в том, что она идеологически невыдержана. Но вот больше года назад мы читали декларацию художественного об'единения «Октябрь». Что же создал «Октябрь» в области антирелигиозной пропаганды? Дал ли он хоть что-нибудь? К сожалению,— ничего. Дал ли театр что-нибудь серьезное в области антирелигиозной пропаганды? У нас уже имеется ТРАМ, где молодежь играет такую большую роль, но и там антирелигиозные мотивы звучат слишком слабо. Мы не имеем до сих пор сколько-нибудь значительных антирелигиозных кинофильм. Наши литераторы-беллетристы не дают крупных художественных антирелигиозных произведений. Комсомольские поэты ничего не дали в области антирелигиозной пропаганды. Может быть, и им помешали «Митры и Адонисы»? Кроме тов. Демьяна Бедного никто не дал сколько-нибудь значительных вещей для антирелигиозной пропаганды.

Если все наши художники — художники кисти, резца, слова, художники театра и наше кино — не помогают как следует в этой нашей задаче, то нам трудно сделать антирелигиозную пропаганду более яркой по форме. Это конечно, не значит, что ее нельзя оживить даже при равнодушии этих художественных и других организаций, и СВБ наметил целый ряд мер по оживлению антирелигиозной деятельности.

Вот если бы тов. Бобрышев и другие наши критики остановились на этих мероприятиях, на этих решениях и показали, как можно это дело улучшить, что нового можно тут внести, не фразами, а конкретными предложениями, откликнулись на вопрос об оживлении антирелигиозной пропаганды, это было бы другое дело. Но, к сожалению, ни «Комсомольская Правда», выступившая с рядом статей против практики и линии СВБ, ни статья тов. Бобрышева, ни статья тов. Галактионова в «Молодой Гвардии» не дают ничего конкретного в области новых форм и методов классовой борьбы. Мы не откажемся ни от каких предложений в этой области, если они не грозят срывом антирелигиозной пропаганды; а в вопросе о методах и формах мы иногда встречаемся с такими попытками «оживить», которые приводят нас к прямым столкновениям с крестьянскими и даже кое-где с отсталыми рабочими слоями. Мы против такого «оживления».

О срывах с правильной линии.

Во время с'езда СВБ против нас было выдвинуто тов. Галактионовым такое положение: «не заменять, а разрушать». Тов. Галактионов привел в доказательство неправильности нашей линии подпись «Деда-безбожника» под антирелигиозным плакатом:

Вместо бога — молот в кулак!
Крепче ногу! Тверже шаг!
Вот, товарищ, смотри, выбирай—
Поповская пасха или красный май.

По поводу этой подписи «Комсомольская Правда» допускает следующее обвинение: «эта пошлая, реакционная идейка о замене религиозных социалистическими настроениями насквозь оппортунистична. Наша задача не заменять религию, а разрушать ее». И на антирелигиозном совещании при ЦК, и на с'езде СВБ мы вынуждены были указать, что это совершенно не диалектическая, не марксистская постановка вопроса, ибо нельзя разрушать, скажем, мелкобуржуазную идеологию, не заменяя ее какой-либо другой, в нашем случае—социалистической. Только анархисты могут ставить вопрос о разрушении, не ставя вопроса о том, чем заменяется разрушаемое. Ни пошлого, ни реакционного, ни оппортунистического в этой идее — о замене религиозных настроений социалистическими — нет. Наоборот, задачей антирелигиозной пропаганды и являет-

ся выкорчевывание, вытеснение остатков всякой буржуазной и мелкобуржуазной идеологии у трудящихся и выработка пролетарского социалистического мировоззрения у трудящихся масс.

И даже сами руководители «Комсомольской Правды» должны были впоследствии признать, что они допустили схоластическую постановку вопроса. Но ведь тов. Бобрышев являлся до сих пор редактором «Комсомольской Правды». Зачем же он допускает такие схоластические, немарксистские постановки вопроса? Это тем более странно, что мы в день индустриализации увидели в «Комсомольской Правде» на первой странице изображение завода и колхоза и надпись: «Наше «преображение», а рядом стихотворение Александра Жарова, в котором рассказывается о том, как раньше Александр Жаров—

«Стоял среди старушек дряблых
У клироса с копеечной свечой,
Над узелком свяченых свежих яблок
И на алтарь крестился горячо».

А теперь он, Александр Жаров, поет

«про города и рощи,
Служа стихом иному «алтарю».

Почему же можно «Комсомольской Правде» заменять алтарь преображенья «алтарем» социалистического строительства и писать «вместо преображения — день индустриализации», а «Деду-безбожнику» нельзя написать под плакатом: «вместо бога — молот в кулак» и «вместо пасхи—наш революционный праздник». Совершенно непонятна, двойная бухгалтерия тов. Бобрышева, по которой одно и то же, появляясь в «Комсомольской Правде», есть проявление революционности и марксистско-ленинской выдержанности, а появляясь в «Безбожнике» — «пошлая оппортунистическая идейка». Запутались вы, дорогие товарищи. Вот в чем дело.

Ленин в статье «Об отношении рабочей партии к религии» ставил вопрос: «можно ли при всех условиях одинаково осуждать членов... партии за заявление: «социализм есть моя религия» и за проповедь «взглядов, сответствующих подобному заявлению?». «Нет, — отвечал Ленин, — отступление от марксизма (а следовательно, и от социализма) здесь несомненно, но значение этого отступления, его, так сказать, удельный вес могут быть различны в различной обстановке. Одно дело, если агитатор или человек, выступающий перед рабочей массой, говорит так, чтобы было понятнее, чтобы начать изложение чтобы реальнее оттенить свои взгляды в терминах наиболее обычных для неразвитой массы. Другое дело, если писатель начнет проповедывать «богостроительство» или богостроительный социализм (в духе, напр., наших Луначарского и К°) [1]. Насколько в первом случае осуждение могло бы быть придиркой или даже неуместным стеснением свободы агитатора, свободы «педагогического» воздействия, настолько во втором случае партийное осуждение необходимо и обязательно. Положение: «Социализм есть религия» для одних есть форма перехода от религии к социализму, для других — от социализма к религии». (Ленин, т. XI, стр. 250—260).

Ясно, что «дед-безбожник» в надписи на плакате и «Преображение» в «Комсомольской Правде» относятся к первому случаю. Ясно, что «Комсомольская Правда» придралась зря, неуместно, забыв или упустив эти указания Ленина.

[1] Статья относится к 1908 году.

Мы вовсе не считаем, что «Комсомольская Правда» поступила неправильно, напечатав плакат «Вместо преображения — день индустриализации». Да, мы вместо всей этой религиозной рухляди и на ее место поставим другое, наше. «Мы наш, мы новый мир построим». И ничего опасного мы не видим в том, что рабочий, выкидывая из своей квартиры икону, «развешивает» портреты вождей. А вы хотели бы, чтобы рабочий вместо икон развесил картины Рембрандта или какие-нибудь произведения конструктивистов, либо оставил стены совершенно голыми, как это одно время рекомендовала «Комсомольская Правда». Мы же считаем, что если вместо выкинутых икон рабочий «развешивает» портреты вождей и картины, изображающие отдельные эпизоды из истории революции, из истории борьбы классов, то это есть громадный шаг вперед.

Тов. Бобрышев в виде примера срыва с линии приводит совещание комсомольцев, делегатов II с'езда СВБ, где будто бы комсомольцы говорили, что «у нас сейчас капитализма нет, и поэтому ленинские цитаты сейчас не годятся». Это говорили комсомольцы? Да, такие комсомольцы, к сожалению, существуют, как есть комсомольцы, которые молятся богу. Но ведь их политически воспитывает комсомол, и если законно возмущение тов. Бобрышева, то оно законно именно в том смысле, что, вот, как плохо воспитывается теоретически комсомол. Сваливать это на союз безбожников, по меньшей мере, странно.

Четкая классовая линия на антирелигиозном фронте, безусловно, необходима. Но эта четкая классовая линия обязывает нас внимательно присмотреться к тому, какие изменения происходят в социальном составе верующих, какие изменения произошли за 12 лет в верхушке руководящей церковными организациями. Само собой разумеется, что не может быть и речи о каком бы то ни было притуплении классовой борьбы. И мы говорили на антирелигиозном совещании при ЦК: «В ближайшие годы нам придется выкорчевывать в СССР капиталистические элементы иного порядка, чем в 1917 — 1921 гг. Если мы раньше имели дело с несколькими десятками тысяч помещиков и несколькими десятками тысяч капиталистов, то сейчас мы имеем дело... с 3—4 миллионами кулаков, составляющих основной актив современных религиозных организаций... Борьба с ними не легче, чем борьба с помещиком, поддерживающим церковную организацию, а, пожалуй, сложнее».

Следовательно, и речи нет о том, что в ближайшее время мы будем иметь какое бы то ни было ослабление классовой борьбы, и мы это подчеркнули во всех решениях нашего с'езда. Да, четкая классовая линия в антирелигиозной борьбе — основное условие, без которого мы успеха в борьбе с церковниками, сектантами иметь не будем. Об этом мы не спорим с т. Бобрышевым и другими нашими критиками. Мы спорили с ним о другом. Один из предметов спора я уже привел. Это — постановка вопроса о том, что «не заменять, а разрушать», и всякий может видеть, что в этом вопросе «Комсомольская Правда» не права, что должен был признать и тов. Бухарцев в своем выступлении.

Эту неправоту «Комс. Правды» вынужден был отметить на конференции комсомола секретарь ЦК ВЛКСМ тов. Рахманов, который говорил на конферениции: «Недавно, очевидно, вы читали на страницах «Комсомольской Правды» несколько статей, направленных критически против линии союза безбожников. Я считаю, что такая критика, которая была в этих статьях на страницах «Комсомольской Правды»... была безусловной ошибкой... Об'ективно получилось так — и это мое мнение — что наш центральный орган до некоторой степени был использован кучкой людей, недовольных линией

партии в антирелигиозных вопросах». Доводы этих товарищей и повторяет, вернее сказать, перепевает тов. Бобрышев.

О сектантских колхозах.

Возьмем вопрос о сектанстве. Я имею в виду упрек тов. Путинцеву (в статьях тов. Галактионова особенно), что он считает допустимым и даже полезным существование колхозов, состоящих из сектантов, но не ставит эти колхозы в качестве образца совершенства. Тов. Бобрышев по этому поводу цитирует также мое заключительное слово на с'езде СВБ, где сказано: «Пустяки, если сектанты будут организовывать колхозы там, где имеется сплошной сектантский массив». Тов. Бобрышев уверяет, что «такое утверждение противоречит марксову взгляду на религиозные организации, как органы буржуазной реакции, недоучитывает классовых корней религии». Вот это и обнаруживает полное неумение т. Бобрышева владеть оружием марксизма. Почему можно допустить существование организаций, в которые входят одни православные, или одни магометане, или одни евреи (в еврейских колониях), и почему допущение организации колхозов из сектантов («там, где имеется сплошной сектантский массив», т.-е. в местностях, где имеется сплошное сектантское население), — «противоречит марксову взгляду на религиозные организации»? Такой вопрос и не снился тов. Бобрышеву.

Но если бы тов. Бобрышев дал себе труд перед тем, как писать свою статью, познакомиться хотя бы с решениями партии по этому вопросу, он знал бы, что партия считает возможной организацию особых хозяйственных об'единений, состоящих из сектантов (первичных кооперативов и колхозов) в тех случаях, когда сектанты живут сплошной массой (например, в колониях менонитов, духоборов и ново-израильтян), он знал бы, что тов. Ярославский, выступая на с'езд СВБ, проводит партийную линию, и что партийная линия не противоречит марксову взгляду на религиозные организации.

Само собой разумеется, что мы не можем допустить, чтобы какой-нибудь колхоз имел такой устав, по которому не принадлежащие к такому-то исповеданию, к такой-то релиигозной организации не могут входить в этот колхоз. Против таких колхозов мы боролись и будем бороться. Но, в то же самое время, мы даем себе ясный отчет в том, что и среди сектантов мы обязаны бороться за создание коллективов, потому что самая организация колхоза означает неизбежность классовой борьбы среди различных прослоек сектантов: середняки и бедняки будут за колхоз, кулаки — против. Организуя колхозы среди сектантов, мы ведем классовую борьбу, мы на примерах сопротивления кулачества раз'ясняем сектантам — бедноте и середнякам — реакционную роль сектантской верхушки.

Еще о социальных корнях религии.

Нас пытаются, как мы видели, упрекнуть за мысль, что кроме социальных корней религии существуют другие корни. Позвольте напомнить: «В современных капиталистических странах эти корни, главным образом, социальные». Так писал Ленин в 1908 г. — 21 год назад. Нам кажется, что тов. Бобрышев, цитирующий эту фразу Ленина, проглядел две оговорки Ленина: 1) в современных капиталистических странах корни религии социальные; 2) они не только социальные, но — главным образом социальные. Если б Ленин думал, что корни религии во все времена, при всяком строе, только социальные, ему незачем было бы делать эти две оговорки. Конечно, в известном смысле и некультурность масс, их отсталость, невежество — явления социального порядка. Бессилие масс перед стихийными и грозными силами и явлениями природы, порождающими религиозные настроения (во время эпидемий, землетрясений, голода и других стихийных бедствий) — тоже большей частью явление социального порядка. Тем не менее Ленин неоднократно подчеркивает, что социальные корни религии — главные, а не единственные. «Страх перед силой капитала, которая слепа, ибо не может быть предусмотрена массами народа, которая на каждом шагу жизни пролетария и мелкого хозяйчика грозит принести ему и приносит «внезапное», «неожиданное», «случайное» разорение, гибель, превращение в нищего, в проститутку, голодную смерть — вот тот корень современной религии, который прежде всего и больше всего (подчеркнуто мною. *Е. Я.*) должен иметь в виду материалист, если он не хочет быть материалистом приготовительного класса» [1]). И здесь подчеркивает, что социальные корни религии — главные (но не единственные).

И еще одно. Ленин в статье «Социализм и религия» писал: «Бессилие эксплоатируемых классов в борьбе с эксплоататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.» [2]).

Ленин также отмечал не раз, что корнями религии являются «бессознательность», «темнота» (в статье «Социализм и религия»).

Почему мы останавливаемся на этих вопросах, на этих определениях Ленина? Да потому, что кое-кто пытается пересмотреть эти взгляды, отрицать их правильность. Эти мысли Ленина дают методологическую установку. «Бессознательность, темноту, бессилие в борьбе с природой» мы преодолеваем ведь иными средствами, чем, скажем, контрреволюционную деятельность религиозной организации. Что эти средства у нас входят в общую систему средств борьбы пролетарской диктатуры, — это не требует пояснений. Эта оценка Ленина корней религии меньше всего позволяет такие формулировки, которые даются в «Комсомольской Правде» и «Молодой Гвардии» — в роде «не заменять, а разрушать», и т. п.

Тов. Бобрышев цитирует мою речь, где я говорил, что мы ставим во главу угла вопрос о классовой критике религии, о вскрытии ее социальных корней, но что, наталкиваясь на некультурность масс, мы говорим: надо на этом фронте поработать. Тов. Бобрышев умудрился увидеть в этом противопоставление задач культурных, научно-просветительных и антирелигиозных

Как же обстоит дело с этим вопросом?

Вот программа партии, пункт 13, где говорится о том, что «партия стремится к полному разрушению связей между эксплоататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, содействуя фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков и организуя самую широкую научно-просветительную и антирелигиозную пропаганду». Если не сказать, что эта выдержка из программы партии, то, наверное, нашлись бы такие умники, которые усмотрели бы в этом противопоставление научно-просветительной и антирелигиозной пропаганды. Между тем, эти стороны нашей деятельности неразрывно связаны. Они дополняют одна другую. Мне остается по этому вопросу повторить то, что я говорил на антирелигиозном совещании при ЦК. Я говорил: «Конечно, заменить нашу критику религии, заменить критику социальных корней ее одним просветительством нельзя, но и противопоставлять нашу про-

---

[1]) Ленин, том XI, изд. первое, стр. 250—260.

[2]) Ленин, том VII, стр. 48—52. Отметим мимоходом, что Ленин здесь является сторонником «теории страха» по вопросу о происхождении религии.

мадную просветительную работу нашей марксистско-ленинской критике религии ни в коем случае нельзя. Марксистская критика даже требует, как известной предпосылки ведения просветительной работы. Она будет настоящей критикой только тогда, когда предпосылкой ее будет просветительная работа». На с'езде СВБ я приводил мнение Ленина по вопросу о кооперации, когда он указывал на то, что культурная революция является абсолютно необходимой предпосылкой для того, чтобы мы могли путем кооперации выкорчевывать корни капитализма. Я повторяю: и мысли не было ни у кого из нас противопоставлять критику социальных корней религии культурно-просветительной работе.

Но вместе с тем, мы считаем верным то положение, которое мы выдвинули, что на ряду с остающимся влиянием эксплоататорских, капиталистических классов, как одно из наследий этого влияния, остается страшная отсталость масс, некультурность, в которых также коренится влияние религии. Борьба против этой некультурности есть также удар по капиталистическим классам. Мы не отделяем этих задач и не противопоставляем их одна другой. Мы боролись за это подчеркивание задач научно-просветительной работы, потому что тов. Галактионов и другие его единомышленники высмеивали в свое время научно-просветительную работу на антирелигиозном фронте, высмеивали наши попытки усилить борьбу против религии путем распространения правильного материалистического понимания явлений природы. Когда это пытаются протащить теперь снова, мы против этого.

Тов. Бобрышев цитирует Гурьева из его предисловия к «Антирелигиозной хрестоматии». Я не буду спорить о том, удачно составлена эта «антирелигиозная хрестоматия» или нет. Укажу лишь на то, что она составлена из произведений всех, сколько-нибудь относящихся к вопросу о религии, выдающихся теоретиков марксизма. В нее вошли произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова, Степанова-Скворцова, Покровского, Лафарга, Дицгена и друг., в ней приведены отрывки из произведений всех выдающихся антирелигиозных материалистов—Никольского, Кунова, Каутского, Рейснера и др., на ряду с выдержками из таких буржуазных теоретиков, как вышеупомянутый Артур Древс, мнение которых ценил Ленин. Тов. Бобрышев выдернул из этой хрестоматии одну фразу, мало удачную и совершенно не характерную для всей хрестоматии, да и ту привел не полностью. Можно ли так полемизировать в серьезном вопросе? Не говорю уже о том, что тов. Бобрышев цитирует Гурева, произвольно выпуская те места, которые совершенно в другом свете представляют то, о чем пишет тов. Гурьев. Тов. Бобрышев совершенно замалчивает, что в этой хрестоматии существуют такие отделы, как: «классы и религия», «религия в свете марксизма», «религия и рабочий класс», которые целиком посвящены классовому анализу религиозной идеологии и содержат в себе основные марксистские материалы по этому вопросу. Нехорошо, тов. Бобрышев, так полемизировать по столь серьезному вопросу.

Существует ли недооценка реакционной роли церкви и религии?

Мы вовсе не говорим, что у нас нет коммунистов или нет организаций, которые недооценивают контрреволюционного значения религии и значения борьбы на фронте религии, как классовой борьбы. Мы об этом писали, мы на это указывали неоднократно. Ведь иначе, как недооценкой нельзя об'яснить того, что многие партийные и комсомольские организации не уделяют или почти не уделяют внимания антирелигиозной пропаганде, что

до сих пор профессиональные организации уделяли так мало внимания, средств и сил антирелигиозной пропаганде в системе своей культурно-просветительной работы, что до сих пор у нас были возможны такие факты, как постройка новых церквей в районах фабрик и заводов. Даже перегибы, которые имеются в области антирелигиозной пропаганды, как в смысле увлечения административными мерами, как в смысле легкомысленных наскоков в этой области, так и в забвении необходимости борьбы на религиозном фронте, об'ясняются в значительной степени именно этой недооценкой классовой роли религии и религиозных организаций.

Однако, на ряду с этими извращениями мы видим другие, о которых умалчивает тов. Бобрышев: это схоластические «левые» установки, в роде галактионовского тезиса: «не заменять, а разрушать» или лукинского «разрушить очаги религии». В № 184 «Комс. Правды» от 13 августа 1929 г. в статье «Воинствующие безбожники или религиозные примиренцы» мы находим критику деятельности тверских безбожников. Если картина, нарисованная «Комс. Правдой», верна, то что говорить—неприглядная действительность. Но, посмотрите, как изображается в этой картине отношение всех организаций к антирелигиозной пропаганде:

«Не ведут никакой практической антирелигиозной работы профсоюзы.

Губком ВЛКСМ сидит под одной крышей с союзом безбожников, но до сих пор (с 1927 года) они не могут договориться о связи. Зав. АПО вышневолоцкого укома ВЛКСМ. в ответ на просьбу союза безбожников о помощи заявил:

У нас есть задачи поважнее, чем ваша безбожная работа.

Ему говорят, что евангелисты строят молитвенный дом, а он отвечает,

— Что же особенного? Пусть строят! Ведь они строят на свои деньги!..

Комсомолка Клюева из ячейки печатников отказалась присоединиться к заявлению о закрытии церкви и превращении ее в пионерский клуб.

— Я в этой церкви крестилась, — оправдывалась Клюева, — здесь наш приход, а потому подписываться не буду.

Дом Красной армии, дома крестьянина, даже губпарткабинет совершенно не участвуют в антирелигиозной пропаганде».

Если бы в активе союза безбожников в Твери сидели самые лучшие работники, они оказались бы бессильными при таком отношении со стороны организаций партии, комсомола, профсоюзов, Красной армии. Да, это религиозные примиренцы—те, кто так относится к борьбе с религией, да, это есть проявление правого оппортунизма, — такое отношение, когда зав. АПО укома ВЛКСМ отвечает, что у него есть задача поважнее, чем безбожная работа. Против этого оппортунизма надо бороться, как против оппортунизма в других областях. Но мы хотели бы подчеркнуть еще раз, что такие «левые» перегибы, как увлечение административными мерами, как попытки заменить систематическую длительную антирелигиозную пропаганду стремлением в короткий срок «уничтожить религию», «уничтожить очаги религии», затрудняют нам, как и в других областях, борьбу с правыми уклонами в этой области, борьбу с недооценкой классовой реакционной роли религии и религиозных организаций.

Что же нужно?

Нужно, чтобы вся партия, весь комсомол вопросам антирелигиозной пропаганды придавали гораздо больше значения. Нужно, чтобы для этого были выделены и силы, и средства. Нужно, чтобы антирелигиозная пропаганда была одним из серьезных участков борьбы на идеологическом фронте, которой партия и комсомол уделяют

серьезное внимание. Нужно, чтобы вопрос об антирелигиозной пропаганде *в профсоюзах, в школах, в деревне*, на фабриках и заводах был поставлен на большую высоту, чем это было до сих пор. Нужно, чтобы *все организации* помогли СВБ стать массовой многомиллионной организацией. Нужно *поднять качество и количество антирелигиозных изданий*. Нужно *обеспечить во всех антирелигиозных организациях, во всей антирелигиозной печати серьезное, выдержанное партийное руководство*. Нужно, чтобы научные и художественные организации пришли на помощь СВБ. Надо совместно с партией, комсомолом, профсоюзами и другими организациями разработать такие формы и методы антирелигиозной пропаганды, которые захватывали бы массы. Добросовестная критика нам может оказать в этом деле большую услугу, но именно *добросовестная критика*.

К сожалению, даже в центральном органе партии, в «Правде», только за последний год появился более заметный интерес к антирелигиозной пропаганде. А надо, чтобы не только в «Правде», но и во всей партийной печати, во всех наших партийных организациях этот вопрос стал одним из боевых вопросов, ибо мы имеем дело с врагом, который *окопался* в религиозных организациях, с классовым врагом, который *прикрылся* религиозными организациями. Если мы выбиваем его из экономических позиций, то из этой позиции, откуда он обстреливает нас и влияет на десятки миллионов трудящихся, мы должны его выбить в ближайшие годы и десятилетия во что бы то ни стало.

От редакции.

Редакция помещает ответ тов. Беннета на статью тов. Шубина, поскольку эта статья касалась лишь одной стороны дискуссии по национально-колониальному вопросу на VI конгрессе. Со своей стороны редакция, не входя в обсуждение и выяснение всех вопросов спора между тт. Беннетом и Шубиным и, прежде всего, поднятых в статье тов. Беннета, считает необходимым отметить:

1. Тезисы о революционном движении в колониях и полуколониях, принятые VI конгрессом, уже блестяще оправдали себя замечательно быстрым развертыванием национально-революционной борьбы трудящихся масс в колониях и полуколониях. Под растущим самостоятельным руководством пролетарского революционного авангарда массы подымаются на борьбу против блока империалистов и национальных феодалов и буржуазии. Это особенно показывает нарастающий революционный под'ем в Индии, героическая борьба бомбейских рабочих при полном переходе буржуазии в контрреволюционный лагерь. В этой борьбе революционный авангард всемерно использовывает и будет использовывать конфликты и трения внутри контрреволюционюго блока.

2. Из статьи тов. Беннета может получиться вывод, что на конгрессе столкнулись две неправильные точки зрения и в результате взаимных исправлений получились правильные тезисы. Это не соответствует действительности. Так как у тов. Беннета речь все время идет о «конгрессе» и группе товарищей, «застрельщиком» выступлений которых был тов. Беннет, то получается, что «конгресс» вначале стоял на неправильной точке зрения по основным тактическим и теоретическим вопросам, поэтому тов. Беннет голосовал против принятия тезисов за *основу*, после эти основы тезисов, очевидно, изменились, и они были приняты всем конгрессом, в том числе и тов. Беннетом

Это, несомненно, искажает характер работ VI конгресса.

3. Тов. Беннет не совсем ясно толкует пункт принятых конгрессом тезисов относительно «соперничества различных империалистических держав» и связи этого соперничества с колониальным вопросом. Тезисы в этом месте выражают совершенно правильную ленинскую мысль, что колониальная монополия приводит к огромному усилению соперничества империалистических держав, интернациональных трестов и т. д., между собой. Тов. Беннет хочет толковать это положение ограничительно. Именно в том смысле, что, якобы, здесь речь идет об усилении соперничества и борьбы *внутри* колоний. Между тем, дело обстоит не так просто. Прежде всего, вопрос касается усиления соперничества и борьбы империалистов за монопольное владение колониями, за политический передел мира. Во-вторых, это не исключает, допускает (а в известной обстановке и условиях это неизбежно) конкуренцию (и вмешательство) империалистических соперников и в сферах колониальной монополии (путем вывоза капитала, концессий, демпинга, вооруженного или иного политического вмешательства и т. д.). Одно другое не исключает, одно с другим связано.

4. Тезисы VI конгресса и дискуссия на нем внесли уже ясность в спорные вопросы. Дело не в том, что тов. Беннет якобы проповедывал возможность мирного освобождения колоний. Если бы тов. Беннет (и другие) стоял на этой позиции, то он выражал бы точку зрения стоящих вне рядов Коммунистического Интернационала. Дело же заключается в том, что из постановки экономических и политических вопросов «деколонизаторами», «индустриализаторами» (хотя эта сторона вопроса играла для тов. Беннета не важнейшую роль в его аргументации о контрреволюционности индийской буржуазии и тов. Беннет, разумеется, не шел так далеко в этом вопросе, как, напр., Рой) следует притупление и сглаживание того разделения и противоречия между империализмом и нациями угнетенными, которые, как отмечал Ленин, составляют *суть* империализма, что легло в основу тезисов II конгресса и является вообще одной из основ нашей программы.

Что эта «деколонизаторская» и «индустриализаторская» позиция крайне опасна (а не столько откровенная теория деколонизации), показывает все развитие борьбы с правыми оппортунистами после VI конгресса. В оценке современной стабилизации, как крепнущей, правые и примиренцы исходят из того же по существу понимания развития в колониях, взаимоотношения империализма и колоний, которое лежит и в основе построений «законченных» «индустриализаторов».

Последняя концепция имеет источником *реформистское*, а не ленинское понимание монополистических тенденций, составляющих решающую характеристику империалистической стадии капитализма. Это нашло свое пока «высшее» завершение в последних выступлениях примиренцев с теорией, которая по

существу приводит к тому выводу, что современный капитализм перерастает в какой-то новый еще более высший этап «организованного капитализма». Это и есть та теория, которой «левые» с.-д. удерживают еще левеющих рабочих от перехода в лагерь революционной борьбы. И не случайно то, что некоторые теоретики «деколонизации» сейчас открыто перешли в лагерь правых ренегатов. Не случайно и то, что теоретики «организованного капитализма» не совсем были склонны отмежеваться от теории «деколонизации».

5. С другой стороны, то обстоятельство, что ряд товарищей, бывших в группе «деколонизаторов», не находятся в лагере правых и примиренцев, как и их прямые действия и заявления уже на конгрессе и после него по нац.-кол. вопросу, показывает, что они исправили и в общем осознали свои ошибки и ошибочная позиция их на VI конгрессе по вопросу об «индустриализации» об'яснялась недостаточным пониманием ленинской теории империализма и склонностью некритически, поверхностно смотреть на действительное развитие в колониях через оппортунистические очки.

Редакция считает также не случайным, что кое-кто из тех, кто наиболее резко и ретиво выступал против «деколонизаторов» и склонялся к неправильной концепции «аграризации» Индии, сейчас точно так же находятся в лагере правых и примиренцев (Пеппер) или в лагере правых ренегатов (например, Ловстон).

6. Это говорит о том, что на конгрессе были две неправильные тенденции или точки зрения по нац.-кол. вопросу. Одна—«индустриализаторы». Здесь законченный оппортунизм выражался в том, что, с одной стороны, последовательно развивалась концепция, что империализм (хотя и под своим контролем) индустриализирует колонии, и, с другой стороны, менее ясно вначале, но совершенно ясно сейчас (напр., в случае с Роем) предполагалась оппортунистическая линия в отношении буржуазии (ее революционная, якобы, роль, соглашение с ней и т. д.). Но в этой группе были и другие товарищи, которые, исходя в основном из правильной линии о контрреволюционности индийской буржуазии, так или иначе обосновывали свои позиции и оппортунистической теорией «индустриализации».

Другая — «аграризаторы». Здесь в основном примерно такое же переплетение. Здесь законченный оппортунизм выражался в том, что заявляли, якобы никакого по существу капиталистического и индустриального развития в колониях и, прежде всего, в Индии не происходит, империализм властно задерживает это развитие, *поэтому* противоречия между империализмом и нац. *буржуазией растут*, *поэтому* буржуазия еще, может быть, и будет революционной, поэтому соглашение с ней необходимо и т. д. Но и в этой, так сказать, группе были товарищи, которые, исходя из в общем правильного понимания взаимоотношений империализма и колоний, делали не совсем правильные выводы в отношении буржуазии (недооценка ее контрреволюционности или склонность думать, что она еще может быть революционной и т. д.), противопоставляя это несколько упрощенному пониманию «индустриализаторами» тактики в отношении буржуазии (недоучет возможностей и необходимости использовывать трения и конфликты в контрреволюционном блоке). Или товарищи, которые, исходя в общем из правильной линии в отношении буржуазии, в противовес «индустриализаторам» связывали свою позицию так или иначе с концепцией «аграризации».

Отсюда ясно, что на конгрессе дискуссия по экономическим и общетеоретическим вопросам была неразрывно связана с животрепещущими вопросам *революционной тактики*. При этом замечательно, что оппортунистические элементы (все ли?) в обеих группах уже после конгресса достаточно ясно выявили, что они «едино суть» и в вопросах экономики и в вопросах политики. Сейчас Пеппер и Ловстон являются такими же по существу деколонизаторами, как и Рой, стерлась и разница в тактических вопросах. Уже не один месяц Рой подвизается в органе Брандлера с проповедью о революционности индийской буржуазии и негодованиями против Коминтерна, «отталкивающего» от себя эту хорошую буржуазию.

И основной опасностью в компартиях колоний для революционного движения рабочих и крестьян является неясное, право-оппортунистическое понимание роли национальной буржуазии в революционно-освободительном движении.

7. VI конгресс обе эти оппортунистические линии или точки зрения и в зачаточном и в законченном виде отверг. VI конгресс занимал правильную позицию борьбы с правыми и примиренцами, во-первых, тем, что он исправил некоторые неясные или неправильные формулировки первоначальных тезисов, во-вторых, тем, что мнение конгресса представляли товарищи, выступавшие и против «деколонизаторов» и, прежде всего, против правых и примиренцев вообще и в национально-колониальном вопросе в частности, и, в-третьих, тем, что главный огонь, направленный против правых и примиренцев и в национально-колониальном вопросе, естественно включил в сферу своего действия и «деколонизаторов», поскольку они исходили или связались с этой оппортунистической концепцией.

Беннет.

Революционное движение в Индии и колониальная дискуссия на VI конгрессе КИ.

X пленум ИККИ четко и ясно охарактеризовал важнейшие сдвиги, происшедшие в тот отрезок времени, который отделяет нас от VI конгресса КИ. «Новым со времени VI всемирного конгресса является резко обозначившееся полевение международного рабочего класса и нарастание нового под'ема революционного рабочего движения»—таков итог, подведенный X пленумом. И X пленум дает нам описание основных звеньев нарастающего революционного под'ема, среди которых «мощная революционная забастовочная волна в Индии» занимает далеко не последнее место.

В тезисах X пленума ИККИ «О международном положении и очередных задачах КИ» нынешняя стадия развития революции в Индии характеризуется следующим образом:

> «В нынешний момент могучее революционное движение развертывается в Индии. Героическая стачка бомбейского пролетариата, борьба трудящихся масс против комиссии Саймона, уличные демонстрации и бои, нарастающее аграрное движение—все это говорит о том, что Индия уже становится одним из важнейших плацдармов колониальных революций. Открытая измена индийской буржуазии делу национальной независимости (решение национального конгресса свараджистов о правах доминиона для Индии) и активное содействие кровавым расправам с бастующими рабочими разоблачают контрреволюционный характер индийской буржуазии. Это означает, что независимость Индии, улучшение положения рабочего класса, разрешение аграрного вопроса могут быть завоеваны только революционной борьбой рабочих и крестьянских масс под руководством пролетариата в борьбе против английского империализма, индийских феодалов и национального капитала. Задачи индийской революции могут быть разрешены только в борьбе за революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства под знаменем советов».

Еще до пленума, а именно в марте текущего года, КИ охарактеризовал движущие силы индийской революции в специальном воззвании к «Пролетариям всех стран, угнетенным народам мира». В этом воззвании мы читаем:

> «С под'емом революционной волны растет, расширяется и укрепляется руководящее влияние *пролетариата* в боевом антиимпериалистическом фронте. Пролетариат Индии показывает трудящимся, что он не останавливается ни перед какими жертвами, чтобы повести за собой крестьянство, городскую бедноту и всех эксплоатируемых в победоносный бой против империализма. Рабочие Бомбея и Калькутты, Карагпура и Лилуа в своей героической самоотверженной забастовочной борьбе, в своих многочисленных боевых демонстрациях показывают, что они научились на опыте тяжелых поражений революций 1919—21 годов искусству борьбы и победы. Они идут уже дальше: великие уроки Шанхая, Ухана, Кантона не проходят бесследно, и на знаменах индийского пролетариата уже загорается лозунг советов».

На основании этого анализа мартовское воззвание КИ умозаключает, что «только союз рабочей революции с крестьянской войной разобьет на голову империализм и его феодально-буржуазных союзников». Лозунги этого

воззвания заострены не только против английского империализма, но и против сваради́стов. («Долой свараджистов и другие буржуазные партии, предателей национальной индийской революции»).

Революционное движение в Индии подводит черту спорам КИ с правыми и примиренцами по вопросу о характере нынешней капиталистической стабилизации. «В условиях нарастающего под'ема революционного рабочего движения в метрополиях и укрепления СССР будут крепнуть и расти гораздо более быстрым темпом, чем до сих пор, революционные движения в колониях, **приближая крах всего капиталистического строя**» (разрядка моя). Одновременно события в Индии наполняют новым живым содержанием тезисы VI конгресса «о революционном движении в колониальных и полуколониальных странах». В этих тезисах говорилось о том, что «подлинная угроза английскому господству исходит не из лагеря буржуазии, а со стороны нарастающего массового движения индийских рабочих, которое развертывается в форме грандиозных стачек». Стачки индийских рабочих перерастают на наших глазах в мощное революционное движение.

Революционные события в Индии бросают новый свет на те страстные споры, которые велись на VI конгрессе по колониальному вопросу вообще, о судьбах революции в Индии—в особенности.

Основная ценность дискуссии по колониальному вопросу на VI конгрессе заключается в том, что она охватила не только **общие** проблемы революционного движения в колониальных и полуколониальных странах, но и те животрепещущие конкретные вопросы, которые были выдвинуты ходом борьбы в важнейших колониях и полуколониях. Колониальная дискуссия шла разными потоками. Обсуждались уроки великой китайской революции, перспективы нового под'ема индийского революционного движения, итоги восстаний в Индонезии, характер борьбы в Северной Африке против французского империализма, новые проблемы, выдвигаемые негритянским движением в Южной Африке и в С.-А. Соед. Штатах, и т. д. и т. п. Несомненно, однако, что взоры VI конгресса были в огромной мере прикованы к великой борьбе в Индии, перспективы коей вызвали наиболее страстные прения.

Не дожидаясь даже окончательного текста тезисов VI конгресса, т. Шубин поспешил подвести итоги колониальной дискуссии [1]). Основной недостаток статьи т. Шубина заключается, на мой взгляд, в том, что автор ее взял на себя роль прокурора в отношении тех, кто дерзнул не согласиться с первым наброском тезисов, представленным VI конгрессу. Во избежание недоразумений я здесь же отмечу, что указание грозного прокурора, будто я выступил против тезисов «уже после принятия конгрессом тезисов», является очевидной ошибкой. Колониальные тезисы в том виде, в каком они опубликованы, были приняты **единогласно** и за них голосовал среди всех прочих делегатов и автор этих строк. Но это второстепенный момент. Важно лишь то, что в статье «Экспорт капитала и колониальная монополия» мы находим очень тщательную и внешне убедительную попытку представить дело таким образом, будто на VI конгрессе Коминтерна было серьезное течение в защиту теории деколонизации. Если бы это было верно, то мы должны были бы в процессе проработки колониальных тезисов провести серьезную и систематическую борьбу против этого откровенно-оппортунистического и крайне опасного уклона в колониальном вопросе. К счастью, это не так. «Деколонизационный заговор», открытый автором статьи, является по существу плодом его собственного воображения. Учитывая, однако, что статья может посеять серьезнейшие недоразумения, необходимо самым подробнейшим образом остановиться на анализе тех обвинений, которые в ней сформулированы.

[1]) Свой ответ на эту статью я составил сейчас же после ее появления в печати, так как печатание моего ответа задержалось, я счел возможным добавить ссылки на факты и документы последнего времени. *Б.*

Корень разногласий. Я уже отметил, что наиболее горячие прения вызвал вопрос о перспективах революции в Индии. В этом нет ничего удивительного. Индии предстоит играть огромную роль не только в борьбе против старой британской империи, но и против империализма вообще. Индийская же дискуссия, тесно и неразрывно связанная с уроками китайской революции, в свою очередь заострилась на вопросе о роли буржуазии и соотношении классов в самой Индии.

Индийские споры в Коминтерне начались задолго до VI конгресса. Коминтерн напряженно работал над тем, чтобы всесторонне учесть китайский опыт и правильно применить уроки этого опыта к нарастающему революционному движению в Индии. И в предварительных дискуссиях — как в индийской комиссии, так и в колониальной комиссии, которой было поручено подготовить колониальный вопрос к VI конгрессу — споры в огромной мере вращались вокруг вопроса о роли буржуазии. Я принадлежал к категории тех, которые упорно настаивали на том, что во всех наших тактических начертаниях надо исходить из точного понимания контрреволюционной роли индийской буржуазии в отношении к национально-революционному движению. Попутно я отстаивал ту мысль, что партия Сварадж организовалась, как контрреволюционная партия, еще до черной измены китайского Гоминдана.

> «Сварадж и лидеры конгресса уже показали и доказали, что радикальными резолюциями они маневрировали, а отнюдь не об'единяли и организовывали борьбу. Члены свараджа сознательно, открыто не только саботируют это движение, но выступают против него, сотрудничая с комиссией Саймона» (см. протокол инд. ком. от 10/IV 1928 г.).

В одной из дискуссий, предшествовавших конгрессу, сторонники этой точки зрения следующим образом сформулировали свою мысль:

> «Сбросить с чашки весов индийскую буржуазию здесь хотел бы всякий... Мы прекрасно понимаем, что это не так просто, это можно будет сделать только силой оружия... Можно ли говорить о какой-нибудь революционной роли индийской буржуазии? Те товарищи, которые связаны с работой в Индии, утверждали и будут утверждать, что индийская буржуазия сейчас существует, ее сбросить так легко с чашки весов нельзя, но она существует как прекрасно организованная **контрреволюционная сила.** Из этого нужно исходить во всех наших расчетах. Из этого отнюдь не вытекает, что у этой буржуазии не будет трений и конфликтов с английским империализмом. Конфликты будут. Но даже теперь, когда конфликты в связи с комиссией Саймона достигли сравнительно высоких размеров, мы наблюдаем в Индии такую картину, когда руководители буржуазного движения пытаются совершенно разбить молоденькое и слабенькое коммунистическое движение. Из этого надо исходить... Индия уже прошла через определенный революционный под'ем 1919, 1920 и 1921 гг., когда это движение оборвалось именно на том, что начало вырисовываться широкое крестьянское движение, и на скрижалях буржуазии написано и записано — не допускать никакого такого движения, которое вовлекало бы широкие массы. К тому же индийская буржуазия имеет опыт китайской революции. При этих условиях говорить о революционной роли, а не о конкретной, очевидно и безусловно контрреволюционной роли индийской буржуазии нельзя».

Эти слова были сказаны еще в июле прошлого года. И в дальнейших спорах мы самым решительным и самым энергичным образом эту мысль о безусловно контрреволюционной роли индийской буржуазии всемерно подчеркивали. Нам в данном случае совершенно не важно, в какой мере наши формулировки были верны или неверны. Я привел некоторые цитаты лишь в интересах раз'яснения смысла и **сущности** того вопроса, который нас волновал больше всего в прениях по индийскому вопросу.

Эти прения — по вопросу о роли буржуазии, — вспыхнули с новой силой на самом конгрессе после появления первого наброска тезисов. Мы не сможем понять ни дискуссии по вопросу о роли буржуазии, ни дискуссии по

всем прочим вопросам — индустриализация, экспорт капитала, «деколонизация», — если мы не будем иметь перед глазами те основные мысли первого наброска тезисов, которые легли в основу страстной полемики на VI конгрессе.

Против каких положений первого наброска тезисов мы в первую очередь ополчились? Достаточно обратиться к нашим выступлениям, чтобы легко найти ответ на этот вопрос.

В первоначальном наброске тезисов в пункте 20 мы читаем:

«Не исключается, что реформистская буржуазия данной колонии вынуждена логикой борьбы, особенно в острой революционной ситуации, до известной степени отказаться от своей политики колебаний между империалистическим и национально-революционным лагерем».

Так начинается 20-й пункт тезисов. А дальше в том же пункте сказано:

«Однако, нельзя с уверенностью утверждать, что во всех этих странах совершенно исключается, что реформистская буржуазия или часть ее в острой революционной ситуации сначала примкнет к национально-революционному лагерю и таким образом некоторое время будет играть об'ективно революционную роль».

В другом месте (пункт 23-й) мы читаем:

«В первый подготовительный период революционного движения этих стран, когда организованность пролетариата и влияние коммунистической партии еще слабы, а буржуазные партии напротив значительно превосходят их в этом отношении, когда они еще занимают руководящие позиции в национальном движении, ибо в колониях претензиями на власть со стороны национальной буржуазии они пока еще демонстрируют свою оппозицию (хотя и колеблющуюся, реформистскую оппозицию) против государственного феодально-империалистического блока, а большинство народа следует за ними — на этой стадии (как, например, в данное время в Индии и в Египте) было бы ультра-левой ошибкой, если бы компартия начала свою агитацию с того, что просто-напросто поставила бы знак равенства между национал-реформистами (свараджистами, вафдистами и т. д.) и господствующим контрреволюционным блоком империалистов и феодалов».

Против вышецитированных мыслей первого наброска тезисов мы и выступили с максимальной резкостью, допуская, отчасти сознательно и отчасти бессознательно, серьезные преувеличения. Я позволю себе привести резюме моей речи, которую автор статьи «Экспорт капитала и колониальная монополия» так своеобразно цитирует. Я обращаюсь к этой речи по той простой причине, что на мою долю выпало быть застрельщиком в борьбе против первого наброска тезисов и что именно меня автор статьи об экспорте капитала избрал главной мишенью для своих нападок.

Вот эта выдержка:

«Теперь разрешите подвести итоги. На основе своего собственного опыта индийская буржуазия знает, что развитие революционного движения в Индии означает начало аграрной революции. На основе опыта в Китае она знает нечто большее, а именно, что это есть начало борьбы рабочих и крестьян за власть. Теперь спрашивается—будет ли буржуазия, вооруженная этими двумя опытами, действительно колебаться между империалистами и национальной революцией. Если вы думаете, что «колебание» их примет форму обращения к империалистам, у которых они получат оружие, чтобы уничтожать революционеров, то такие «колебания» возможны. Если же вы думаете, что они будут колебаться в том смысле, что они не будут знать с кем пойти, то я прошу извинения, но мне предложили сформулировать свои мысли возможно острее, и я скажу, что это чепуха. Национальная буржуазия в Индии никогда колебаться не будет. Она уже действует, и она действует в контрреволюционном направлении. Всякий, который говорит хотя бы о тени возможности для национальной буржуазии играть позитивную активную роль в национальной революции, распространяет иллюзии и распространяет очень вредные иллюзии».

В этом заключался корень вопроса. Верно, что мы в своих выступлениях чрезмерно односторонне подчеркивали контрреволюционную роль буржуазии и таким путем не развернули полностью смысла и значения всех сложных взаимоотношений между колонией и империей. Эти наши преувеличения исправлены в достаточно четкой и ясной форме в окончательных тезисах VI конгресса. Несомненно, однако, что все споры по всем прочим вопросам были подчиненны этому основному и решающему спору о судьбах индийской революции и о роли классов в этой революции. Всякая попытка отвлечься от этого коренного вопроса будет иметь своим последствием затемнение всей сущности колониальной дискуссии на VI конгрессе Коминтерна.

Индустриализация и деколонизация. Споры об индустриализации и «деколонизации» были переплетены со спорами по вопросу о роли буржуазии. Для того, чтобы лучше понять ход и развитие дискуссии, связанной с индустриализацией и «деколонизацией», необходимо еще раз обратиться к тому наброску тезисов, который лег в основание спора.

В первом наброске тезисов, в главе «о характере империалистической колониальной политики», в пункте 4-м мы читаем: «Опустошительные последствия, к которым капиталистическое развитие ведет, в особенности на первой стадии своего существования, воспроизводятся в колониях в чудовищной степени и ускоренным темпом, благодаря внедрению заграничного капитала; прогрессивные последствия капитализма напротив там большею частью совершенно не ощущаются. Там, где прежде наблюдалось относительное благосостояние народов или существовала старая народная культура, теперь благодаря империалистическому колониальному режиму все это пошло прахом, и трудящиеся массы ввергнуты в глубочайшую материальную и культурную нужду» (разрядка моя). Достаточно только вспомнить гениальные письма Маркса об Индии, чтобы сразу почувствовать, что вышеприведенные слова тезисов звучат явным диссонансом. Маркс говорил о «социальной революции в Индостане». (См. «Летопись марксизма», том III). Маркс, конечно, подчеркивал, что «совершая революцию, Англия руководствовалась самым грубым интересом и проявила тупость в способе ее (революции) проведения». Но Маркс не оплакивал разрушение традиционного хозяйственного строя, а раз'яснял, что «страницы истории британского господства в Индии вряд ли говорят о чем-либо, кроме работы разрушения. Созидательная работа англичан едва видна сквозь груды развалин. Однако, эта созидательная работа началась».

Мы, вместе с тем, могли бы пройти мимо этой сантиментальной фразы или ограничиться коротеньким предложением о том, чтобы ее вычеркнуть. Нас более смутила в той же главе, в пункте 6-м, следующая формулировка основного принципа империалистической экономической политики:

«Можно считать почти общим принципом империалистической экономической политики в колониях,—читаем мы в этом пункте,—стремление все больше и больше превращать отношения между «метрополиями» и колониями в отношения аграрного тыла к промышленному фронту, сельскохозяйственного придатка к колоссально разбухшему организму капиталистической крупной промышленности».

Идея о том, что капитализм стремится все более и более превращать отношения между метрополиями и колониями в отношения аграрного тыла с промышленными центрами, вызвала у нас предположение, что автор тезисов намечает по существу дальнейшую аграризацию колоний и отрицает капиталистическое в них развитие.

Наши опасения еще были усилены трактовкой роли экспорта капитала в колониях. В пункте 7 того же наброска тезисов мы читаем:

«Некоторые отклонения от общего, враждебного индустриализации направления империалистической колониальной политики на практике вытекают из заинтересованности финансового капитала в экспорте капитала».

Предположение, что экспорт капитала создает, вообще говоря, только некоторые отклонения, вызвало у нас опасение, что речь идет о недооценке этого важного фактора в жизни колонии, фактора, ускоряющего развитие капиталистических отношений в колониях.

Таковы те положения первого наброска тезисов, против которых его противники особенно остро и особенно резко выступали. Очевидно, что автор грозной статьи об «экспорте капитала и колониальной монополии» не мог обойти молчанием те положения, которые были главным предметом обсуждения во время колониальной дискуссии. Он должен был четко определить свое отношение к этим положениям. Автор имеет полное право бить нас за вредную и неправильную формулу об индустриализации Индии под контролем Англии. Вместе с тем, несомненно, что, если кто-нибудь делает попытку после конгресса ограничиться только анализом ошибок, допущенных критиками наброска тезисов, то он этим самым берет на себя ответственность за все положения этого наброска. Если это так, то наш грозный прокурор вступает в противоречие не только со мной и не только с большинством английской делегации, но и с теми тезисами, которые единогласно были приняты конгрессом, ибо всех этих положений, которые я только что цитировал, читатель в окончательном тексте тезисов не найдет.

Прежде всего попытаемся определить, под каким углом зрения мы критиковали вышеприведенные места первого наброска тезисов. Если обратиться к той же моей речи, которая упомянута выше, произнесенной на 33-м заседании VI конгресса, то мы там прочитаем следующие строки:

«Является ли вопрос об индустриализации или вопрос об участии империалистических держав в индустриализации колоний академическим или политическим вопросом? Я лично думаю, что это ни в какой мере не является академическим вопросом, это вопрос политический. Если вы придете к заключению, что Индия представляет собой большую деревню, что она представляет собой аграрный придаток к британскому империализму, тогда, очевидно, вы должны пройти мимо больших классовых битв, которые происходят в Индии, вы должны недооценить роль и значение рабочего класса, вы должны иметь неправильное представление о роли буржуазии, вы обязаны не видеть тех сил, которые ведут к перерастанию буржуазно-демократической революции в социальную революцию. Проблема индустриализации есть проблема, которая непосредственно связана с вопросом о расстановке классов, с вопросом о перспективах революционного движения в Индии».

Всем известно, что Ленин придавал исключительное значение Индии в общей антиимпериалистической борьбе. Я позволю себе полностью восстановить ту цитату, половина которой приведена в статье нашего обвинителя.

Ленин писал:

«Трудящиеся массы колониальных и полуколониальных стран, составляя огромное большинство населения земли, пробуждены к политической жизни уже с начала XX в., особенно революциями в России, Турции, Персии и Китае. Империалистическая война 1914—1918 гг. и советская власть в России окончательно превращают эти массы в активный фактор всемирной политики и революционного разрушения империализма, хотя этого не видит еще упорно образованное мещанство Европы и Америки, в том числе вожди II и II½ Интернационалов. Британская Индия стоит во главе этих стран, и в ней революция тем быстрее нарастает, чем значительнее становится в ней, с одной стороны, индустриальный и железнодорожный пролетариат, а с другой стороны, чем более зверским становится террор англичан, прибегающих все чаще к массовым убийствам (Амрицар), к публичным поркам и т. д.» (т. XVIII, стр. 312—313).

Тут Ленин ясно связывает судьбу революции с ростом индустриального и железнодорожного пролетариата. Теория же аграризации не оставляет никаких перспектив для роста этого пролетариата и таким путем сводит на-нет все наши рассуждения о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую революцию. Я поэтому и поныне полагаю, что мы правильно поступили, связав вопрос об индустриализации с политическим вопросом о роли пролетариата, и также правильно поступили, выступив против теории, которую нельзя охарактеризовать иначе, как теорией аграризации Индии.

Само собою понятно, что наша борьба против теории аграризации ни на одну иоту не уменьшает нашу ответственность за те неправильные формулировки процесса индустриализации, которые мы защищали на VI конгрессе.

Теперь посмотрим, как расправляется с нами автор обвинительной статьи «Экспорт капитала и колониальная монополия». На стр. 78 он выдергивает сперва цитату из речи тов. Ротштейна [1]), затем цитату из моей речи, затем начинает эти цитаты «пояснять» и приходит к выводу, что «тт., говорящие о деколонизации, готовы подменить ее «исключительной индустриализацией», ибо в таком понимании, как у Ротштейна, индустриализация есть деколонизация». Не буду касаться методов полемики и методов цитирования. Не знаю также, откуда цитируются слова «исключительная индустириализация». Весь вопрос заключается только в том, верно ли, что мы являемся заговорщиками-деколонизаторами, решившими скрыть свой заговор при помощи словечек об индустриализации и при помощи цитат из Ленина. Послушаем сперва еще одну цитату обвинения:

«Чтобы на этот счет уже не могло быть никаких сомнений, т. Беннет в статье, помещенной в «Коммунистическом Интернационале» уже после принятия конгрессом тезисов заявляет, что «экспорт капитала в корне видоизменяет взаимоотношения между метрополиями и колониями».

Но «корень» взаимоотношения между метрополиями и колониями состоит в колониальной монополии и порабощении. Если экспорт капитала меняет эти взаимоотношения, да еще в корне, у него действительно нет другого выхода, как деколонизировать» («Большевик» № 21/22, стр. 78).

Отмечу сперва, что моя статья появилась не после принятия конгрессом тезисов, а до принятия окончательных тезисов. Вообще говоря, моя статья в журнале «Коммунистический Интернационал» № 33—34 представляет собой докладную записку, составленную одновременно с конспектом речи, произнесенной на 33-м заседании. Но это второстепенная деталь. Важно выяснить, в какой мере наши рассуждения об индустриализации представляли собой замаскированную защиту деколонизации. Очевидно — и на этот счет двух мнений быть не может, — что под теорией деколонизации мы разумеем мирный отход или мирное освобождение колоний из-под колониальной зависимости. Иными словами, теория деколонизации по существу является вредной, оппортунистической теорией. Чтобы проверить нас на этом вопросе, можно было бы обратиться и к той поправке, которую внесла английская делегация, и к тем речам, которые ее представители произнесли на конгрессе, а также к той декларации, которая была представлена английской делегацией конгрессу. Я ограничусь цитатами только из той моей речи и из той моей статьи, которые автор обвинения «цитирует». Прежде всего попытаемся уточнить вопрос о нашем отношении к перспективе мирного отхода колоний. На стр. 6-й моей речи приведена знаменитая цитата Маркса, в которой отчетливо сказано, что никакой иной перспективы, кроме революционной перспективы, не может быть в деле освобождения колоний. В статье же в «Коммунистическом Интернационале» (на стр. 48) я восстанавливаю ту же цитату («Индусы не пожнут плодов новых элементов общества...» и т. д.) и прибавляю: «Ту же мысль читатель найдет и у Ленина (см. т. XIX, стр. 196)». Таким образом ясно, что в обоих документах я исходил только из одной перспективы — из перспективы революционной. Из этой перспективы

[1]) В мою задачу не входит ни раз'яснение, ни исправление ошибок тов. Ротштейна. *Б.*

исходили и все прочие члены английской делегации. Развязные разговоры о том, что я, вероятно, не дочитал мысли Ленина на 196 стр., где он говорит о революционной перспективе, явно несостоятельны и опровергаются вышеприведенной мною ссылкою [1]). Но меня обвиняют в том, что я сказал, что «экспорт капитала в корне видоизменяет взаимоотношения между метрополиями и колониями». Для вящшей убедительности обвинитель подчеркнул слова «в корне», которые в моей статье занимают более скромное место. Но уж таковы методы цитирования с пристрастием. Меня больше интересует, в какой мере цитированная мысль по существу верна. На той же 196 стр. XIX тома полного собрания сочинений Ленина мы читаем:

> «Экономическое различие между колониями и европейскими народами— по крайней мере, большинством последних—состояло прежде всего в том, что колонии втянуты в обмен товаров, но еще не в капиталистическое производство. Империализм это изменил (разрядка не Ленина, а моя). Империализм есть, между прочим, вывоз капитала. Капиталистическое производство все более и более ускоренно пересаживается в колонии».

Итак ясно, что Ленин говорит об изменении. Очевидно, моя вина заключается в том, что я употребил слова «в корне». Для выяснения этого вопроса мы обратимся к окончательному тексту тезисов. На стр. 34 мы читаем:

> «С одной стороны, об'ективные имманентные противоречия капиталистического развития в колониях усиливаются, и тем самым усугубляются противоречия между независимым развитием колоний и интересами буржуазии империалистических государств, а с другой стороны, новая капиталистическая форма эксплоатации выводит на арену подлинно революционную силу—пролетариат, вокруг которого многомиллионная масса крестьянства все более и более сплачивается для оказания организованного противодействия игу финансового капитала».

Предоставляю читателям судить, следует ли это изменение, внесенное новой капиталистической формой эксплоатации и выражающееся в том, что на сцену выступает подлинно революционная сила — пролетариат, считать коренным или некоренным. Одно ясно из всего контекста всех наших выступлений, что мы подчеркивали значение экспорта капитала не для того, чтобы открыть щель для деколонизаторских теорий, а только с одной лишь целью, чтобы показать рост и развитие капитализма, что означает также рост и развитие того индустриального и железнодорожного пролетариата, от которого зависит дальнейшая судьба революции, а не мирной деколонизации.

Нас на самом конгрессе били — и мы это заслужили — за то, что мы политику английского империализма в послевоенные годы в отношении к Индии возвели в общий принцип. Но никому в голову не приходило утверждать, что мы отрицаем революционную перспективу, заменяя ее теорией мирной деколонизации.

Но наш обвинитель, очевидно, сам соображает, что его попытка приписать нам деколонизаторскую теорию является в высокой степени искусственной. По существу, единственный повод, который мы дали для этого, и за это я несу ответственность самолично, сводится к тому, что я резко выступил против тех, кто пытался некоторых наших товарищей, неудачно употреблявших слово «деколонизация», зачислить в разряд лакеев капитализма. В этой связи я не очень остроумно сказал, что предпочитаю находиться в одном лагере с этими «деколонизаторами», чем с аграризаторами. Но и сам обвинитель признает, что эта фраза является только ораторским приемом. Естественно, что обвинителю пришлось попытаться выдвинуть против нас

[1]) В декларации английской делегации мысль Ленина, что отделение колоний осуществимо, по общему правилу, лишь при социализме, а при капитализме или в виде исключения или ценой ряда революций и восстаний как в колонии, так и в метрополии, проведена полностью Неужели этот документ не был известен обвинителю?

более тяжелую артиллерию. Эта тяжелая артиллерия выдвинута в статье в виде обвинения, что мы не поняли разницы между экономической и политической аннексией и что мы попали непосредственно в об'ятия... Каутского. Очевидно, что к этому обвинению нам приходится относиться в высшей степени серьезно. Что же говорит обвинитель?

«Но, говорят товарищи-«индустриализаторы», мы совершенно не утверждаем, что индустриализация ослабляет политическую зависимость колоний от метрополий, мы не стираем различия между колониями и метрополиями, и так как упреки в «стирании различия» они понимают в таком смысле, что имеются исключительно политические различия, то их контр-аргументация идет в свою очередь по этому одному направлению» (см. «Большевик» № 21—22, стр. 80).

Начать с того, что мы этого никогда не говорили. Более того, мы очень отчетливо и энергично подчеркивали экономическую зависимость. В отличие от моего обвинителя я приведу подлинную цитату взамен тех мыслей, которые он нам самовольно приписывает.

Цитированная обвинителем моя статья в «Коммунистическом Интернационале» начинается с известной цитаты Ленина (т. XVII, стр. 245—246), где говорится о капиталистических нитях, которые тысячами сетей связывают предприятия в колониях (железные дороги и т. д.) с частной собственностью на средства производства вообще, которые превратили постройку ж. д. в орудие угнетения миллиарда людей. Очевидно, что речь идет об экономической эксплоатации. Далее я своими словами поясняю, что «не менее грубой и столь же непростительной ошибкой было бы не видеть тех нитей, которые существуют между железными дорогами в колониях и системой финансового удушения, осуществляемого метрополией, опирающейся на эти железные дороги».

Итак, уважаемый прокурор, мы ясно и отчетливо говорим о финансовом удушении. Неужто финансовое удушение можно толковать, как экономическое освобождение? Можно, конечно, как угодно вольно цитировать противников, но истолковывать финансовое удушение, как экономическую эмансипацию колоний, это уж чрезмерно много. Но, может быть, мой обвинитель этой ленинской цицаты и этих моих заявлений не заметил? Я тогда позволю себе привести ему и другую часть той же статьи (см. стр. 45).

> «Есть товарищи,—писал я,—которые полагают, что констатирование этих законов или этой исторически конкретной особенности империализма (речь идет о преобладании финансистов над торговцами) влечет за собой признание «цивилизаторской» роли империализма. Эти товарищи, очевидно, думают, что трудно или невозможно показать те нити, которые связывают предприятия, созданные экспортированным капиталом, со всей системой финансового удушения колоний, которую так ярко и так убедительно показал Ленин. Нам представляется, что опасения этих опасающихся товарищей являются явным недоразумением. Вся жизнь всех колоний—и в первую очередь жизнь Индии—с поразительной убедительностью показывает, как золото экспортного капитала превращается в железные обручи угнетенных народов».

Неужто мой обвинитель искренно и серьезно думает, что под железными обручами я имел в виду какую-то цивилизаторскую и освободительную силу? А между тем эту мысль я подчеркивал и в своей речи. К тому же она повторена в поправке английской делегации, в которой по вопросу о деколонизации сказано, что «пьявка не перестает сосать кровь, пока ее насильно не оторвут от тела ее жертвы». Заметьте: точно сказано: насильно. Думаю, что на основании вышеприведенных цитат (цитат, а не толкований) я имею право отвести все рассуждения о приближении к Каутскому.

Хочу ли я этим сказать, что наши рассуждения и наши формулы по вопросу об индустриализации были верны и правильны? Ничуть. Тезисы VI кон-

гресса содержат в себе достаточно ясное разоблачение тех преувеличений и ошибочных формулировок, которые мы действительно допустили в вопросе об индустриализации. Наша основная ошибка заключалась в том, что мы некритически восприняли формулу об индустриализации Индии под контролем Англии. Но мы вместе с тем сумели показать и доказать, что мы, прежде всего, были заинтересованы в том, чтобы подчеркнуть роль пролетариата-гегемона в национально-освободительной борьбе. Мы ясно и твердо сказали (см. речь на 33-м заседании): «Наша цель заключается в том, чтобы показать те новые силы, те новые пути развития национально-революционного движения в Индии, которые обеспечивают превращение буржуазно-демократической революции в социальную революцию». Само собой понятно, что об'яснить ошибку еще не значит ее оправдать. Но мы от своей ошибки отказались, голосуя за тезисы. Вскользь отмечу здесь также, что свою ошибку признал и тов. Дат (см. «Коммунист Ревью», январь 1929 г.), чью формулу о роли британского империализма в индустриализации колоний я цитировал и неверность которой уже вытекает из тезисов, принятых VI конгрессом. Прибавлю также, что X с'езд английской компартии присоединился к резолюции VI конгресса по докладу тов. Арнота, который на VI конгрессе представил поправку к первому наброску тезисов. Но наши ошибки,—их можно квалифицировать как угодно,—ни в коем случае не дают повода добросовестным оппонентам расценивать нас, как сторонников теории мирной деколонизации.

Экспорт капитала и индустриализация колоний. Я уже привел выдержку из первоначального наброска тезисов по вопросу об экспорте капитала. В окончательном тексте мы находим следующую ясную формулировку: «Вывоз капитала в колонии ускоряет развитие в них капиталистических отношений». Вместе с тем тезисы правильно подчеркивают, что вывоз капитала отнюдь не действует в направлении независимости, а в направлении усиления зависимости колониального хозяйства от финансового капитала империалистических стран. Этим вопрос об экспорте капитала в основном исчерпан. Но наш обвинитель в связи с этим вопросом пред'являет мне два обвинения.

Первое обвинение заключается в том, что я позволил себе, цитируя Ленина «империализм есть, между прочим, вывоз капитала», на свой риск и страх указать, что речь идет о вывозе капитала в колонии и полуколонии. По этому поводу мне бросается ряд упреков в методе цитирования Ленина, которые заканчиваются следующим страшным приговором: «Беннет относит все, что Ленин писал об экспорте капитала вообще, к экспорту капитала в колонии» (разрядка обвинителя). Обвинение грозное, но... неверное. Воспроизведем еще раз эту цитату. У Ленина сказано: «Империализм есть, между прочим, вывоз капитала. Капиталистическое производство все более и более ускоренно пересаживается в колонии». С точки зрения грамотного читателя ясно, что эти две фразы, следующие одна за другой, между собой связаны. Очевидно, что мысль о вывозе капитала в данном случае относится к колониям. Иначе нельзя было бы понять следующую фразу о том, что «капиталистическое производство все более и более ускоренно пересаживается в колонии». Но хуже всего то, что и в этом вопросе наш обвинитель скрыл сущность вопроса и сущность спора. Разве мы спорили на VI конгресс об экспорте капитала вообще? Ничего похожего. Спор шел только о том, экспортируется ли капитал также и в колонии и содействует ли он развитию капитализма в колониях. Сторонники первоначального наброска рассматривали экспорт капитала в колонии и воздействие его на развитие капитализма, как отклонение от общекапиталистического пути. Мы против этого возражали.

Для понимания умонастроений сторонников первого наброска тезисов, мы позволим себе привести одну крайне характерную цитату. В том же номере «Коммунистического Интернационала», в котором напечатана моя статья «Колониальные тезисы и проблемы революционного движения в Индии», имеется еще одна статья под заголовком «VI конгресс Коминтерна против теории деколонизации», в которой мы читаем:

> «Тов. Ленин неоднократно указывал на то, что империализм есть «загнивающий», «умирающий» капитализм, что он, являясь переходной ступенью к социализму, в то же время играет реакционную роль. Товарищ Ленин исходил из этой основной оценки империализма в своей книжке, написанной в 1916 году, и при редактировании резолюции по колониальному вопросу, принятой на II конгрессе в 1920 г. Но между этими двумя документами имеется разница в теме. Книжка Ленина об империализме дает оценку империализма и в метрополиях, и в колониях, и прежде всего в метрополиях. Резолюция же, принятая на II конгрессе, ограничивается описанием роли империализма только в колониях. Соответственно с этим тов. Ленин, исходя из одного и того же основного положения, что империализм есть загнивающий капитализм, в своей книжке уделил много внимания вопросу об экспорте капитала, потому что экспорт капитала в метрополии, как он доказывал в книжке, содействует паразитическому перерождению капитализма, содействует превращению метрополий в государства-рантье. В резолюции же по колониальному вопросу подчеркивались другие проявления империализма, именно те, которые там в колониях свидетельствуют о загнивании капитализма» (см. «К. И.» № 33—34, стр. 36).

Здесь читатель видит очень сложную и очень искусственную попытку доказать, что об экспорте капитала в отношении колоний говорить вообще нельзя. Против этих умонастроений мы и оборолись, подчеркивая, что экспорт капитала относится также к колониям и полуколониям, и этот вопрос VI конгресс разрешил указанием, что «вывоз капитала в колонии ускоряет развитие в них капиталистических отношений».

Второе обвинение сводится к тому, что я в своей статье писал: «Каждая метрополия вынуждена учитывать наличие соперников, которые могут в любую минуту помочь колонии или полуколонии, даже вопреки воле непосредственного хозяина этой колонии». Разрядка повсюду обвинителя. В моей статье и эта фраза выглядит значительно проще. Но в связи с этой цитатой обвинитель властно требует от меня ответа: о каких «чужестранных государствах» идет речь? За этим следует очень долгое и сложное раз'яснение той мысли, что чужим державам в колонии проникать почти немыслимо. Обратимся за справкой по этому вопросу к тезисам, принятым VI конгрессом Коминтерна. Там мы читаем:

> «Общей тенденцией всех метрополий является стремление втянуть колонию и сделать ее составной, подчиненной частью данной империалистической системы в интересах обеспечения ее хозяйственной автаркии, могущей противопоставить ее другим империалистическим системам, с другой стороны—отрезать колонию от непосредственных сношений с мировым хозяйством в целом и взять на себя функции последнего и верховного регулятора всех экономических связей ее с внешним миром. Эта тенденция империалистов к закреплению односторонней зависимости колоний от их стран, приводит к усилению соперничества различных империалистических держав, интернациональных трестов и т. д. между собой» [1].

Таким образом, эти тезисы допускают указание на одну из особенностей современного империализма (конкуренция нескольких империализмов в отношении колоний). Должно к сказанному прибавить, что даже в старом наброске тезисов эта же мысль, правда, в несколько иной форме, выражена не менее ясно. В старом наброске тезисов, на стр. 8 мы читаем:

---

[1]) Разрядка моя.

«С другой стороны, тенденция империалистов к закреплению односторонней зависимости колоний от их стран встречает все более сильное противодействие со стороны ею самой порожденных экономических и социальных контрсил, направленных к созданию самостоятельного хозяйства колониальных стран и поддерживаемых не только экономическим процессом все сильнее развивающегося капиталистического разделения труда в колониях, но и соперничеством различных империалистических держав между собой, политикой интернациональных трестов и т. д.».

И в этой цитате о соперничестве различных империалистических держав сказано в не менее резкой и в не менее отчетливой форме, чем в моей статье. Чтобы покончить с этим вопросом, я еще укажу, что в тезисах по колониальному вопросу имеется просто конкретное указание, что «в Индонезии (стр. 10) голландский империализм вынужден во все большей мере предоставлять более могущественным державам — американскому и английскому империализму — возможность ввоза иностранных товаров и иностранного капитала в эти колонии».

В заключение необходимо отметить, что колониальная дискуссия уже в огромной мере получила боевую проверку.

Отрезок времени, отделяющий нас от VI конгресса, окончательно разбил формулу об «индустриализации Индии под контролем Англии». Вся экономическая политика британского империализма в отношении Индии проникнута стремлением во что бы то ни стало помешать ее индустриализации. Можно не сомневаться в том, что правительство Макдональда будет и в отношении Индии придерживаться политики «преемственности». Тезисы VI конгресса получают, таким образом, новое убедительное подтверждение, которое одновременно разоблачает ошибочность позиции английской делегации — в том числе и автора этих строк — по вопросу об индустриализации Индии.

Одновременно события последнего времени убедительно показывают, что индийская буржуазия все более становится открытым союзником британского империализма в его борьбе против растущего революционного движения, гегемоном коего выступает индийский пролетариат.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

По поводу книжки С. А. Гурвича и В. Н. Позднякова — „Заработная плата“.

Проблемы экономики труда теоретически мало разработаны в марксистской экономической литературе, между тем в условиях реконструктивного периода они становятся особенно актуальными. Даже вопросы заработной платы, занимающие в СССР важнейшее место, еще не подвергались исследованию.

Рецензируемая книжка С. А. Гурвича и В. Познякова не является исследовательской работой. Авторы ставили себе задачу, как это отмечают в предисловии, дать учебное пособие по заработной плате для вузов и критику «обычного, весьма распространенного изложения теории заработной платы». Однако, С. А. Гурвич и В. Позняков не пытаются исчерпать все вопросы заработной платы, освещая лишь наиболее важные — теоретические основы и современные проблемы зарплаты в капиталистическом обществе. Некоторое внимание — специальная глава работы и часть методологического введения — уделяется авторами вопросам теории «заработной платы» в СССР.

Появление хотя бы учебного пособия для вузов по вопросам теории заработной платы Маркса с трактовкой этой проблемы применительно к условиям переходного хозяйства нельзя не приветствовать, ибо оно послужит толчком к дальнейшей положительной разработке вопроса.

Теоретические главы рецензируемой книжки написаны В. Н. Позняковым, прочие С. А. Гурвич.

Авторы совершенно справедливо отмечают неудовлетворительность постановки вопросов теории заработной платы в наших руководствах по политической экономии. В письме к Энгельсу от 8 января 1868 г. Маркс по поводу замечаний Дюринга о «Капитале» подчеркивает, что его учение о заработной плате является одним из трех «важнейших и совершенно новых элементов книги». Это показывает, какое место занимает проблема заработной платы в экономической системе Маркса.

Что нового внес Маркс в проблему заработной платы? В чем основное отличие постановки этого вопроса Марксом от классиков?

Классическая школа некритически перенесла в политическую экономию представление капиталистов, что они оплачивают труд наемных рабочих. Не умея об'яснить обмена живого труда на прошлый труд, Рикардо не мог ответить и на вопрос о происхождении прибавочной стоимости. Он, исследуя капиталистическое хозяйство, принимал наличие прибыли как данное. Однако, образование прибыли противоречит его закону трудовой стоимости, поскольку остается неразрешенным вопрос об обмене живого труда на овеществленный труд. Чтобы разрешить проблему, необходимо понять иррациональность категории «цена труда», необходимо видеть скрывающиеся за ней общественные отношения.

Маркс впервые из экономистов показал, что «заработная плата есть иррациональная форма проявления скрывающегося за ней отношения. И это было показано во всех подробностях на обеих формах заработной платы: платы за время и платы поштучно» [1]). Он впервые вскрыл, что понятие «цена труда» так же бессмысленно, как «желтый логарифм». Лишь тогда, отличив форму явления «цена труда» от скрывающегося за ним содержания, — стоимость рабочей силы, представилось возможным дать научную трактовку проблеме заработной платы, соответствующую об'ективной действительности капитализма.

На эту важнейшую сторону теории заработной платы авторы обратили внимание, показав, что в капиталистическом обществе цена рабочей силы «неизбежно принимает форму цены или ценности труда» (стр. 10). В этом положительная сторона рецензируемой работы. Однако, на наш взгляд в теоретической части книги допущены грубые ошибки в трактовке проблемы заработной платы, хотя авторы и претендуют на то, что их работа — «возврат к Марксу». На этих вопросах мы и остановимся.

При определении стоимости рабочей силы В. Н. Позняков — автор теоретических глав книги — исходит из тезиса, что всякое длительное отклонение заработной платы от стоимости рабочей силы ведет к тому, что соответственно повышается или понижается сама стоимость рабочей силы. Иначе говоря, у него

---

1) К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, стр. 169.

цена рабочей силы «тащит за собой ценность». Так, он пишет: «длительное повышение цены рабочей силы влечет за собой и повышение ценности рабочей силы. Но и обратно: длительное понижение цены повлечет за собой последующее падение ценности рабочей силы» (стр. 48).

Вывод, будто заработная плата «тащит за собой ценность» рабочей силы, неизбежно выдвигает вопрос — каков же предел падения стоимости рабочей силы под влиянием длительного снижения заработной платы. На это В. Н. Позняков отвечает: «В капиталистическом обществе существует такой предел, ниже которого не может спуститься ценность рабочей силы: им служит физиологический минимум. Но именно только в качестве предела!» (стр. 48—49).

В капиталистическом обществе рабочая сила является товаром. Своеобразие этого товара заключается, между прочим, в том, что он обладает особым свойством, не присущим другим товарам: он в процессе производства, в процессе его потребления капиталистом создает стоимость — не только эквивалент своей собственной стоимости, но и прибавочная стоимость. Однако, подобно цене прочих товаров, цена товара «рабочая сила» не является величиной произвольной, — она подчиняется определенной закономерности. Как цена любого товара колеблется вокруг его стоимости, подобно этому цена товара «рабочая сила» колеблется вокруг стоимости рабочей силы.

В качестве основного закона, регулирующего высоту заработной платы, выступает закон стоимости рабочей силы, от величины стоимости рабочей силы в конечном счете зависит высота заработной платы. Это не значит, что классовая борьба пролетариата не может влиять на стоимость рабочей силы в сторону ее увеличения. Наоборот, классовая борьба повышает уровень потребностей рабочего класса, следовательно, повышает стоимость рабочей силы. Здесь же мы хотим только подчеркнуть, что в конечном счете стоимость рабочей силы определяет высоту заработной платы, а не обратно.

В. Позняков же, вопреки Марксу, превращает в определяющее, в основное не стоимость рабочей силы, а заработную плату, которая тащит за собой стоимость рабочей силы. Закон стоимости рабочей силы им механически пристегивается к проблеме заработной платы, чтобы вся концепция отличалась от «социальной» теории распределения.

Утверждение В. Познякова, что заработная плата, ее повышение или понижение на длительный период, тащит за собой стоимость рабочей силы, противоречит методологии Маркса, делает совершенно непонятным, к чему, собственно, авторам необходима категория — стоимость рабочей силы. Наконец, именно из критикуемой точки зрения следует, как мы видим, вывод о теоретической возможности падения стоимости рабочей силы до физиологического минимума. Но в этих выводах авторы не оригинальны, они дословно повторяют сторонников «социальной» теории распределения. Так, Туган-Барановский, отрицая совершенно закон стоимости рабочей силы (к этому, собственно, ведет и концепция В. Познякова) и сводя проблему зарплаты к соотношению сил борющихся сторон, на вопрос — каков же предел падения зарплаты, отвечает: «низшим пределом заработной платы является физиологически необходимый минимум средств существования, без которого рабочий физиологически не может работать и поддерживать свою семью» [1]).

Одинаковы также и исходные позиции Познякова и Тугана. Вслед за Туганом Позняков пишет: «Сила, а именно сила двух противоположных классов, т. е. классовая борьба, решает вопрос о цене, а в конечном счете и о ценности рабочей силы» (55). Таким образом, проблема заработной платы сведена Позняковым к «социальной» теории распределения, к формуле: «кто сильней, тот и больше взял».

Утверждение Познякова о теоретической возможности падения стоимости рабочей силы до физиологического минимума вытекает из его концепции, что заработная плата может влиять на стоимость рабочей силы. Однако, подобное утверждение приводит к серьезным оппортунистическим выводам.

В самом деле. Мы не отрицаем, что заработная плата (не стоимость рабсилы, а заработная плата) может в отдельные периоды упасть до физиологического минимума. Но что такое стоимость рабочей силы? Это стоимость необходимых средств существования. Стоимость рабочей силы определяет то, что необходимо рабочему. Под влиянием классовой борьбы уровень потребностей рабочего класса возрастает, увеличивается размер необходимых средств существования рабочего, следовательно, и стоимость рабочей силы. Утверждение же Познякова, что зарплата «в конечном счете» решает вопрос о стоимости рабочей силы, привело его к выводу, что стоимость рабочей силы может упасть до физиологического минимума.

1) Туган-Барановский, Основы, стр. 394.

Но в таком случае, если рабочий получает фактически этот физиологический минимум, то его заработная плата будет соответствовать стоимости рабочей силы.

Нельзя также согласиться с трактовкой авторами т. н. теории обнищания пролетариата. Во II-й главе В. Позняков теоретически обосновывает относительное обнищание, повторяя некритически К. Каутского [1]). Маркс же, как известно, не сводил проблему «обнищания» пролетариата при капитализме только к вопросу о тенденции заработной платы. Он доказал, как всеобщий закон капиталистического накопления, что «по мере того, как капитал накопляется, положение рабочего класса должно ухудшаться, какова бы ни была, высока или низка, его оплата» (т. I, стр. 638; разрядка наша).

В главе IX, написанной Гурвичем, трактующей о тенденции заработной платы, на основе эмпирического материала устанавливаются три фазы тенденции зарплаты. На третьей стадии, по данным Гурвича, идущим в разрез с теоретической установкой Познякова (глава II), наблюдается «падение и абсолютной и относительной зарплаты». Подобная противоречивость, не говоря уже о неудовлетворительности разработки теории «обнищания», нетерпима в учебном руководстве.

Цифровые данные по вопросам тенденции заработной платы позаимствованы авторами, как они об этом сообщают, из хрестоматии «Брегель и Кабо» и книжки Шатана — теория заработной платы. Маркс цитируется в IX главе по... Солнцеву (стр. 123).

В рецензируемой работе обращает на себя внимание также трактовка вопроса о заработной плате в СССР, однако, мы сделаем еще пару замечаний, которые вскроют неудовлетворительность понимания В. Позняковым категории стоимости рабочей силы. Он пишет: «Если заработная плата в случае более напряженного труда, видимо, при этом и возрастает, но не в такой степени, в какой она должна возрасти, чтобы обеспечить при этом воспроизводство рабочей силы, то приходится говорить о падении ценности рабочей силы» (стр. 70).

На этот раз у Познякова стоимость рабочей силы падает уже не вследствии длительного понижения заработной платы, а немедленно с падением зарплаты. Между тем, повышение интенсивности труда и невыплата капиталистом рабочему возросших потребностей будет означать не «падение ценности рабочей силы», как думает В. Позняков, а падение зарплаты ниже возросшей стоимости рабочей силы.

Несоответствие между высотой заработной платы и возросшей интенсивностью труда — случай, интересующий В. Познякова, не понижает стоимость рабочей силы, а приводит к тому, что зарплата отклоняется вниз от стоимости. Это явление получило всеобщее распространение в новейшей стадии капитализма, в особенности в послевоенный период, выступая в качестве основной причины преждевременной старости и инвалидности рабочих. Оно-же способствует еще большему росту противоречий капитализма.

Наконец, В. Позняков полагает, что буржуазия империалистических государств подкармливает весь рабочий класс страны. «Часть добавочных прибылей, — пишет он, — и в том, и в другом случае может попасть к рабочему классу страны, находящейся в таких более благоприятных условиях, и повысит их заработную плату» (69). Поскольку у Познякова зарплата влияет на стоимость рабочей силы, «подкармливание» всех рабочих будет влиять на повышение стоимости рабочей силы в империалистических государствах. С этой точки зрения весь рабочий класс Англии, САСШ и т. п. стран заинтересован в эксплоатации колоний. Но подобная точка зрения, очевидно, далека от революционного марксизма.

Перейдем к вопросам теории «заработной платы» в СССР, как они изложены В. Позняковым. Влияние «социальной» теории распределения сказалось на авторе и в трактовке этой проблемы. В методологической главе, где дается обоснование подхода к проблеме заработной платы, В. Позняков пишет: «Не мотивируя, выскажем здесь только свой взгляд на ту основу, выражением которой является заработная плата в обществе переходного от капитализма к социализму типа (включая сюда и первые стадии социализма). Нам кажется, что здесь будет права социальная теория распределения, с тем только весьма существенным отличием, что здесь не будет места борьбе классов» (стр. 12, разрядка наша; авторы говорят о социалистическом секторе).

В. Познякову недостаточно, что у него теория заработной платы Маркса изложена в духе «неосоциальной» теории зарплаты. Он пытается эту оппортунистическую теорию применить к условиям советского хозяйства.

1) Эту ошибку допускают и другие марксисты. Например, А. Кон в своей книге «Теория промышленного капитализма» пишет: «ухудшение положения рабочего класса по мере развития капитализма является относительным, но не абсолютным».

В чем основной смысл социальной теории зарплаты?

Ее сторонники исходят из *практических задач социальной политики*. Реформистскими методами, так наз. «рабочим законодательством», пытаются авторы социальной теории зарплаты разрешить *все* противоречия капитализма. Как можно утверждать, что подобная теория применима к условиям СССР?

В капиталистическом обществе классовая борьба идет в основном по линии пролетариата и буржуазии. Но в СССР классовая борьба не ликвидирована. Капиталисты свергнуты, пролетариат организован в государственную власть, но корни капитализма не уничтожены. В качестве последнего капиталистического класса выступает крестьянство, о котором нельзя сказать, что оно не имеет *никаких* противоречий с пролетариатом. Эти противоречия в конечном итоге находят себе отражение в распределении национального дохода, в государственном бюджете, в фонде заработной платы и т. п. Они не могут изменить качественную характеристику «заработной платы» в обобществленном секторе, как *принципиально отличной от категорий капитализма*. Заработная плата на предприятиях последовательно социалистического типа — это только доля общественного продукта, распределяемого между участниками производственного процесса, ибо тут каждый рабочий вступает в определенные отношения с рабочим государством. Но на величину этой доли расстановка классовых сил в стране безусловно влияет.

Мы не можем также согласиться с тезисом, что о «типичной капиталистической заработной плате в полном смысле этого слова приходится говорить лишь по отношению к тем нелегальным случаям найма, где обходятся все постановления, регулирующие продажу труда, и где поэтому ее величина определяется исключительно спросом и предложением труда, т.-е. степенью нужды рабочего» (стр. 40).

Выходит, что заработная плата батрака в кулацком хозяйстве, рабочего в частнокапиталистическом предприятии или концессионном при условии выполнения кодекса о труде не является типично капиталистической?

Мы считаем, что только на предприятиях последовательно-социалистического типа нет *капиталистической* категории заработной платы. В частнокапиталистическом же секторе капиталист присваивает себе прибавочную стоимость, оплачивая рабочему в общем и целом лишь стоимость рабочей силы. Соблюдение кодекса о труде на последних предприятиях не вносит никаких принципиальных изменений в *качественную* характеристику заработной платы, отражающей производственные отношения между капиталистами и наемными рабочими.

Мы остановились только на некоторых вопросах, в которых авторы на наш взгляд отклоняются от марксистской трактовки теории заработной платы. Приведенные нами примеры можно было бы умножить. К этому надо добавить, что и ряд формулировок вызывает большие сомнения. Например, о повременной плате в капиталистическом обществе утверждается, что «она не истощает рабочих» (стр. 80). Или на 78 стр.: «Из изложенного ясно, какая из этих двух форм заработной платы (повременная или сдельная) больше в интересах (!? *Л. М.*) рабочего класса».

Наш вывод: рецензируемая работа в настоящем ее виде не может быть рекомендована учебным пособием для вузов, — она нуждается в серьезной переработке. Внимание марксистов необходимо приковать к теоретическим вопросам экономики труда, приобретающим в реконструктивный период первостепенное значение.

Л. Мехлис.
